МИТИН ЖУРНАЛ

65

ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

МИТИН ЖУРНАЛ

издается с января 1985 года

главный редактор: ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ ВОЛЧЕК

подготовлено к печати: KOLONNA publications
руководство изданием: ДМИТРИЙ БОЧЕНКОВ
обложка и верстка: ДАРЬЯ ПРОТЧЕНКОВА

В оформлении обложки использована фотография
Ярослава Могутина White Self.

ISBN 5-98144-144-8

©Митин журнал, 2011

новое

АЛЕКСАНДР ИЛЬЯНЕН

АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО

СЕРГЕЙ УХАНОВ

театр

ВАЛЕРИЙ ПЕЧЕЙКИН

коллекция

ГАЙ ДАВЕНПОРТ

РОБЕРТ ВАЛЬЗЕР

ГЕРТА КРЕФТНЕР

архив

КОНСТАНТИН СОМОВ

НОВОЕ

АЛЕКСАНДР ИЛЬЯНЕН

Roman roman

мы были высоки русоволосы.

мне изменили жизнь. в другое русло потекла она. и я своих не знаю берегов.

жизнь хороша. Особенно в конце!

j'ai froid.

j'ai toujours froid.

cela va beaucoup mieux.

Quant au froid cela va mieux.

Оказывается, "Beau Serge" – фильм Клода Шаброля.

Оказывается, "Le Beau Serge" – фильм Клода Шаброля.

Joyeux Noel.

Joyeux Noel. Merry Christmas!

les anges les anges dans le ciel.

La blanche neige de G.A.

La blanche neige: les anges les anges dans le ciel.

Божественная шизофрения.

Je ne veux pas travailler.

был я весь как запущенный сад.

Triste triste etait mon ame.

my soule.

my soul was very sad.

Sad sad was my soul. Because.

Sad sad was my soul. Because Bogush knows.

Kiitos kiitos, dear Andrey.

Вчера в У. купил себе зимние ботинки.

sisu.

la pesanteur et la grace.

la grace et la pesanteur.

la grace et la pesanteur. Sous la neige.

je vais dormir.

je vais boire du the.

звездные войны продолжаются.

Сегодня вечером в "Борее".

Сегодня вечером в "Борее".

Завтра вечером у Новой Голландии.

Завтра вечером у Ларисы Андреевны (Новая Голландия).

Старый новый год у Новой Голландии.

Je vais dormir, mes amis.

Je vais payer mes factures et me promener.

Je suis de retour.

Je sors.

Вчерашнее амикошонство: писать о нем кощунство.

Hurerei und Schweinerei.

La vie de la boheme.

кн. Дашкова, Бецкой, Добролюбоф, пеликан, конфуций и песни умерших детей: им. Герцена.

Дашкова, Пеликан, Ушинский, бецкой и песни умерших детей, конфуций: в имени Герцена: кн. Дашкова етс.

La ritournelle имени Герцена.

Княгиня ДАшкова, Ушинский, Пеликан, бецкой, конфуций, песни умерших детей: им. Герцена.

talvi.

aurinko.

good news.

l'Epiphanie.

l'Epiphanie. Epiphany.

homosexuals shall not enter the kingdom of heaven.

winter against.

winter again.

it's not my blog, but my dog.

Je ne sais pas.

Je vais dormir.

вчера ходил в Русский музей.

зима похожая на весну.

когда я проходил зимним садом, повеяло весной.

весна в наших палестинах это метафора.

зима в наших палестинах это весна: солнце, белые деревья, особенно яблони в том саду и Нева подо льдом.

зима в наших палестинах это весна: яркое солнце, белые деревья, синее небо.

зима в наших палестинах это зима.

завтра хочу пойти в оперу.

план такой: к новой Голландии (за неимением старой), а потом – в оперу!

с госпожой Б. и адмиральшей были в опере. Там – народ, музыка.

у госпожи Б. заметил на табуреточке стопку книг: под томом "Павловск" (Сюзанны Масси?) алел Цицерон!

У Стеллы с Доктором.

Chez Stella dans sa chambrette charmante.

On a ete trois chez Stella dans sa chambrette charmante: elle, le Docteur et moi.

всех студентов с днем студентов! (и студенток, конечно, тоже!)

dormir.

o god!

my God!

Triste, triste est mon ame.

Северное кладбище: сосны, мороз и солнце.

вчера: сосны, мороз и солнце.

Как в стихотворении Валери "Морское кладбище", красиво, тихо и солнечно.

как в стихотворении Валери: только зима. Но так же красиво, тихо и солнечно.

Cimetiere du Nord comme la gare a Paris.

Северное кладбище и южное как к. моряков во франц. поэзии.

Nashville.

autism.

autism.

autism.

он играет и шутит с тобой.

когда с госпожой Б. выходили с концерта, встретились Никита с доктором.

когда с госпожой Б. выходили из концерта, встретились Никита с доктором (и ряженкой).

когда с госпожой Б. выходили из концерта, встретились Никита и Доктор с Ряженкой.

snova sneg.

Saari ja sininen lintu.

saari ja musta lintu.

sielu. laulu.

достижение сатори через профессиональный идиотизм.

золотого как небо аи.

как небо аи.

сатори через п. идиотизм.

достижение сатори через профессиональный идиотизм.

русский несуществующий Д. не напишет эссе "кидалт".

написал роман "кидалт".

снег и солнце: достижение сатори через п. и.

когда я произнес слово "трубы", после крохотной паузы госпожа Б. тихо..."трупы".

когда я произнес слово "трубы", госпожа Б. – после паузы маленькой, тихо – "трупы".

когда я произнес слово "трубы", госпожа Б. – после паузы маленькой, тихо – "трупы".

когда я произнес слово "трубы", госпожа Б. – после паузы маленькой, тихо – "трупы". (по телефону мы сочиняем роман "воображаемый пожар у финбана".

достижение сатори через профессиональный и.

достижение сатори через профессиональный idiotisme.

как сказал Ян А. "всех, кого обидел, прощаю" (тема прощен. воскресенья).

С праздником света (la chandeleur!) китайским новым годом (ведь все мы немножко китайцы – по слову поэта).

яблоки нежности.

яблоки нежности. Pommes de tendresse.

. Pommes de tendresse.

. Pommes de terre.

. Pommes. Tout simplement.

Dormir.

Le dur desir de durer.

Призрак оперы: госпожа Б. пригласила на "Травиату".

и сон – дневных трудов наград.

la pesanteur et la grace.

"право, грустно как женщине" (Раскольников).

живу как профессор Салазар.

post festum. Заходил для возвышенной беседы художник Олег Хвостов. Звонили и поздравляли м. и ж.

Венера в Водолее.

Автопортрет зимой: запущенный сад, запушенный снегом.

автопортрет зимой: запущенный сад, запушённый снегом.

запущенный сад, запушённый снегом.

достижение сатори через профессиональный идиотизм.

Talvisota.

Je vais dormir.

Достижение сатори через проф. идиотизм.

курсант Кёник вспомнил сегодня "Belle de jour" из моих уроков (английского). Роман "мистер тичер".

госпожа Б. сообщила мне (не без кокетства), что читает "феноменологию аскезы".

сердечно благодарю всех, кто участвовал во вчерашнем жертвоприношении в "танцах". Телесно и голосом.

незабываемое: отпевание Елены Андреевны Шварц в соборе военной славы.

незабываемое: отпевание Елены Андреевны Шварц в соборе военной славы.

незабываемое: отпевание Елены Андреевны Шварц в соборе военной славы.

благодарю всех, кто в субботу пришел на "растерзание Федры" в танцах и голосах.

Тимофей, Дарья и в красивом свитере Никита, Дмитрий, Слава Курицын и Алекс Бъорк.

Тимофей Д., Дарья Б., Никита П. (не ню, в красивом свитере), Дмитрий Че, Слава К. и Алекс Бъ читали из меня.

Дарья Б., Тимофей Д., Никита П., Слава К. вместе с Дмитрием Ч. и Алексом Бъ читали из меня.

Dormir.

fatigue.

Никита жил на Итальянской улице и его комната была продолжением театра дель арте.

Ландыш, жасмин.

Ландыш, жасмин.

wild fatigue.

"смерть автора". Поэтому "как на похоронах".

китайский траур снегов.

Ледоход.

Взгляд из окна: ледоход. Как будто впервые, а не дежа вю.

сколько радости в чтении словаря (весной. в ледоход).

учение об эмоциях.

в страстную пятницу вспомнилась суббота в "танцах". Фильм Пазолини.

вспомнилась "Пасха в Нью-Йорке" Блеза Сендрара.

настроение: пасха в СПб как в Н-Йорке (стих. Б.С.).

настроение: пасха в СПб как в Н-Йорке (стих. Б.С.).

в праздник Благовещенья.

Tristesse.

Весна на Октябрьской набережной (песня).

Костю Крикунова встретил несколько дней назад у Кузнечного рынка. Посмотрели друг в друга как в зеркало. Так было на протяжении двадцати лет (с лишним).

Всего несколько дней назад встретил Костю Крикунова у Кузнечного рынка. Посмотрели (как всегда) друг в друга как в зеркало.

Всего несколько дней назад встретил Костю Крикунова у Кузнечного рынка. Посмотрели друг в друга как в зеркало.

на трамвае номер 6.

на трамвае номер 6. Еду в церковь Успения на отпевание. Трмвай едт медленно мдленно как погреб. процессия. Вдали мелькают золотые шпили и купола.

Вчера ехал на синем велосипеде к голубой церкви. Навстречу дул сильный западный ветер над головой плыли свинцовые облака.

Вчера на синем велосипеде ехал к голубой церкви. Навстречу дул сильный западный ветер, над головой шли свинцовые тучи. Мимо фабричных корпусов (19 в.).

Дул сильный западный ветер. Я ехал к голубой церкви с золотыми куполами. На синем велосипеде. С пепельными власами.

Дом А.Б. находится в том месте, где мы жили в раннем моем детстве (первые впечатления). На синем велосипеде как на птице счастья.

Дом Андрея Б. на Синопской наб. стоит на месте сказочного детства.

Дом А.Б. на Синопской наб. стоит на месте детства.

На велосипеде вдоль Невы до дома Б. (и место моего детства) – на том берегу.

Но можно рукопись (тела) продать или дать почитать.

И весь день я думал о Никите.

temptations every day.

temptation every day.

une treve.

a la guerre comme a la guerre.

под звуки вальсов и маршей на синем велосипеде.

где же вы друзья-однополчане?

мы тебе колхозом дом построим.

ветерану холодной войны.

май безумный с б. ночами.

мы пришли с поэтом (СУ) в гости.

к Никите, на Пряжку! мы пришли – как в стихотворении, с поэтом в гости.

фантастиш! Nikita, sur la boucle, nous sommes arrives! le poete a visiter (электр. перевод невинной строчки) – новая поэзия.

Nikita sur la boucle – почти как Покрова на Нерли.

св. воздух!

Елена К. как старшая сестра возила меня к морю.

желтые тюльпаны, белые нарциссы. И ландыши в лесу.

В ф., наверное, не поеду. Такое настроение (и дома хорошо!)

В ф., кажется, не поехал. Очарованный могучей страстью. На своих берегах.

В ф., кажется, не уехал. Очарованный "могучей страстью". На моих берегах.

В ф., кажется, не уехал. Очарованный "могучей страстью" остался на моих берегах.

молитвенный барабан.

у моря: мёртвого или мраморного. С СУ.

как англ. аристократ перчаток не признаю, занимаясь цветником после занятий.

по совету моего психолога (АБ) поехал кататься на велосипеде.

Алексей Бьорк.

Алексей Бьорк с доктором собирает землянику на насыпи (между Дибунами и Белоостровом).

"как в кино": после прогулки по лесу А.Б. с Доктором собирают землянику на насыпи.

после прогулки по лесу А.Б. с доктором находят земляничную полянку (у Белоострова).

из наслаждений жизни кроме любви и музыки Бъорк ценил и баню. Русское наслаждение par excellence.

из наслаждений жизни etc.

la pluie.

apres la pluie le beau temps.

у Уткиной заводи, где жил тогда Бъорк.

la terrasse.

un bel orage.

вернулся с купанья.

journees splendides.

как в Провансе. Только влажно.

фантастическое купание. В дождь, до грозы.

прошёл пом. машиниста похожий на Сашу Казанцева (в белой рубашке и шлепанцах).

симпатичный паренёк в синей рубашке и шлёпанцах, похожий на Сашу Казанцева, пом. машиниста электропоезда (роман "Жара").

Amertume et douceur (Stella's bday-party. Novel).

Горечь и сладость. Роман. ДР Стеллы отмечали в ирландском пабе. Митя сладко улыбался, Стелла пила горькое пиво. Мне было и горько и сладко.

пишу и солнце делает бесцветными буквы.

день ВМФ отметил купанием в Вырице в обществе СО – писателя и моряка (жены в сарафане с китайской собачкой).

и заплачет сердце по чужой стороне.

и заплачет сердце по чужой стороне.

буквы выцвели на солнце.

Je suis en train d'ecrire le roman "Le canicule".

La canicule (le nouveau roman).

в старой церкви встретил АБ и Аню с Сашей. Ещё там был барашек с золотой звездочкой (атмосфера Сэнт-Экзюпери и апокалипсиса)

из романа "Nappi": в старой финской церкви, где барашек с золотой звездой, встретил Андрея, потом Аню с Сашей. Атмосфера Апокалипсиса и маленького принца.

из романа "жара": жара вызвала необыкновенный приступ патриотизма как во время войны 12 года. Люди ходят (почти) голые, чуть ли не обнимаются (а иные –

из романа "жара": Бьорк решил никуда не ездить. Всё стало вдруг как в Италии (идиллические картины С.Щедрина). Народ вывалил на набережные.

amertume (из романа "внезапная прохлада"

Sacha est de retour

"Mon legionnaire" (remake)

Бьорку удалось уснуть: у-у-у. И ртуть болезни

Из романа "фень-шуй": Бьорку удалось уснуть. У-у-у. И ртуть болезни

Ученица из Уссурийска заявила однажды Бъорку, что целей своих добивается.

Хотела быть б(ухгалтером) – стала им (из романа "фень-шуй")

New novel. NN: двойная норма, т.е. усиленное здоровье. Утро у Уткиной заводи.

белый пароход (песня

у Уткиной заводи. Утро

у Уткиной заводи. вечер.

pardonnez ma mauvaisete

лихорадка зап. Нила отступила – снова дышу

лихорадка зап. Нила отступила – снова дышу

в нов. роман возвращаются старые персонажи

у Бъорка есть коллекция халатов – чёрный, жёлтый, сине-белый – махр, два синих – cotton d'abeille

у Бъорка есть коллекция халатов – чёрный, жёлтый, сине-белый – махр, два синих – cotton d'abeille (точнее: nids d'abeille

у Бъорка есть коллекция халатов – чёрный, жёлтый, сине-белый – махр, два синих – cotton nid d'abeille

горечь осени смягчил мёд Азамата

клиника доктора У.

клиника доктора У. У Уткиной заводи

l'ete indien

роман на шоколадных обёртках (как раньше в годы злые, золотые)

на Удельной в прошлое воскресенье Бъорк купил серые носки и перчатки черно-серые

накануне Воздвиженья встретил на Невском Никиту в синем свитере, цветных носочках

в золотую осень встретил в синем свитере Никиту, в цветных носочках

мистер тичер (новый роман Бъорка)

gold fall роман на шоколадных обёртках Бъорка (а пропо: ш.о. стали метафорой)

Удельная, Уткина заводь: топонимы на букву у. (из романа "клиника доктора Усольцева" Бъорка)

les feuilles mortes

журналы как вода русских сказок: живая и мёртвая

Бъорк сочиняет нов. роман. Мистер тичер. Сочиняет, но не пишет.

Бъорк сочиняет

Бъорк сочиняет осень

палата номер девять (нов. антироман на производств. тему)

палата номер девять

Gekkelberry Finn

Huckleberry

Huckleberry Finn, подумал Бъорк

Huckleberry Finn, вдруг вспомнил Бъорк

the ward nr 9

Роман на стене вроде дадзыбао

Жанр дзуйхицу за столетия не устарел и не утратил привлекательности. А дадзыбао просто идеален для дзуйхицу

Отчаянье и злоба отступили. Дадзыбао и дзуйхицу в виде манджурских монстров сидят и охраняют мой покой.

и у нас первый снег! snow снова

на Б. благодатной манной выпал первый снег

сидеть дома и сочинять о снеге (из романа "бронхиальная астма")

first snow fest вчера

фильм о Т.К. вчера смотрели с пансионером. как вчерашний снег. la neige d'antan

"la neige d'antan", о родной сестре римейк романа

долго идти. Устать, упасть, сменить имя. "План" госпожи Б.

la poesie est incompatible avec la lecture d'un journal a haute voix (придумал сказать Бьорк пансионеру)

как у Иоанна Кронштадтского с женой такие сложились у Бьорка отношения с пансионером

бывшей жене пансионера позволено приезжать варить борщ

adieu, plancher des vaches название старого доброго кино, полузабытого, римейк романа

"там тобой бабы командовать будут" пророчество персонажа сбылось. Бабы-командиры Бьорка: профессор З., доцент Б. тема: уцелевайте на скрижалях майкроблога

одежда педагогическая: пальто им. Максима Райскина, ботинки Бернара, аксесуар – часы тётушки Шарлоты и ещё пиджак франц. – подарок А.С.

по осенней листве Бьорк пошёл продлевать больничный синий лист. Как в годы золотые – освобожденье на три дня

le mur, les mots: Sartre. Тоска по Спирихину – венскому изгнаннику

идея устроить пансион пришла Бьорку после поездки в Швейцарию: у тётушки Шарлотты был когда-то пансион в Лозанне для небогатых студентов

Наталья, кухарка в пансионе (приезжает варить борщ по воскресеньям). Возвращение к нарративу: глаголы движения,

Б. подумал, что Селин работал как раз в таком народном диспансере (La mort a credit)

conge de maladie. полюбил утренние прогулки по народному кварталу до диспансера (т.н. районная поликлиника. Разговоры, лица етс

когда сёстры как братья, а бр. как сёстры

les feuilles mortes
очень хочется написать роман "сёрфинг"

la vadrouille

синяя кружка с розовым цветком (чёрный кофе внутри, на самом деле коричневый), синий больничный лист вчера, с утра зелёные – тополей (за окном).

Hommage a Matisse

le soleil d'automne

философия это та же поэзия, только высший градус её (кавычки, из письма ФМД). Заготовка для романа "высший градус"

сочинение романа "highest degree"

цвет осенней листвы. и среди листьев падших – голубой или синий – больничный

в воскресенье, когда бывш. голубчик уходит на свой урок, Бъорк слушает фр. радио и сочиняет роман "highest degree"

отвращение к бывшему

и милость к павшим – с небесной высоты ("highest degree") – осенним листьям.

Наталья была в чёрной до пят юбке, белом платке похожем на капот. Ярко накраш. губы, сутулая. То ли сестра Л., то ли жена С.

некоторые осенние зарисовки персонажей "highest degree": Наталья (кухарка, репетитор, курьер), Александр (бывший голубчик)

un peu, et en certaine mesure, "vingt ans apres" est une sorte de farce.

"горбатая гора", так за сутулость прозвал Бъорк бывш. голубчика. Вот он сидит на кухне в позе мыслителя Р(одена), слегка сгорбившись

la Toussaint

вчера звонила адмиральша из монастыря

Бъорк приглашён к госпоже Б. на борщ

между двух борщей (красных): Натальи и госпожи Б. comme entre deux feux

entre deux nuages tout a coup (apparait) le soleil. La Toussaint. Demain, on commemore les morts (chez les catholiques)

госпожа Б., как известно, проживала в Коломне, напротив "новой голландии".

Само место словно утешение в её страданиях и скорбях

en effet, une sorte de consolation dans ses souffrances et douleurs

etats d'ame. De mon Bjork etats d'ame. Mots sur un mur

БГ (бывш. голубчик, но новый персонаж). Бывшее и новое в персонажах. Новый, потому что в новом романе. Сам постаревший, полысевший, ссутулившийся (на стуле. Но новый ЕТС

бг ушёл на урок в белом шарфе. C'est du dandysme

"highest degree" ещё и о кипении страстей. Капля чистейшего после возгонки паров горит синим пламенем. Alcools (in memoriam G.A.)

эскиз к портрету бывшего голубчика (далее – бг): горящие как угли глаза, плешивость, но тело довольно гладкое, накачанное (он вдруг решил заняться бодибилдингом. лет немногим за 40

смесь чувств в отношении бг: между отвращением и остр. жалостью. Entre revulsion (et repulsion) et pitie

passions francaises dans nos palestines. "Cruels intentions". Les liaisons dangereuses. Ам. кино, фр. роман. И Бьорк красками (невидимыми миру) рисует слова на стене.

особенностью Бьорка была бесстрастность (ср. признание ГЕР "я бесчувственный"

справедливости ради: следует написать "Бъорк считал себя свободным от страстей". Что явл. очевидным заблуждением

aberration evidente/ evidente aberration

пора идти на званый борщ. от Уткиной заводи к "новой Голландии" путь такой

"щи да каша пища наша". Это a propos/ Бьорк получил в подарок зелёный – настоящий, чудесный шарф из шерсти

госпожа Б. попросила описать срубленную яблоньку (у туалета) в Удельной

мечтаю написать о самогонном аппарате. Вдруг подумалось, что почти в каждой сов. семье был аппарат. Это был куст канабиса, запрещенный правительством

во времена Хрущёва гонения достигли "highest degree". Против религии, кстати, тоже. Такое совпадение. Народу нельзя было ни пить ни ходить в церковь. Преувеличение, но всё же всё же

в семье Бъорка был самогонный аппарат, огромная красивая бутыль с блестящей медной трубкой. Изобретение арабское. Как алгебры, кефира. Словом, кайфа

"мы были высоки русоволосы". да. а стали малы, седы. "юноша с седою головою" (автопортрет Бьорка осенью)

откуда взялся Бьорк? тётушка Шарлотта подарила именьице "Берёзка", за Павловском, в год, когда вышла отставка

это был своего рода экзистенциальный перформанс или безотчётный поступок. После обмывания покупки, мой герой упал в траву, уснул. Проснулся уже с новым именем

в этой "пене дней" хочется написать и об "имени Герцена"

что за чудо эта стена! и кто тебя выдумал? вопрос, казалось бы, тривиальный "что у Вас нового?", но если задуматься...

это и invitation a l'ecriture/ письмо же всегда путешествие

да, диалектика нового старого. На примере моего персонажа БГ и даже героя – Бьорка. Кстати, вчера они смотрели "Опасные связи" с Малковичем, Умой Турман и К. Ривзом

если вам вздумается представить себе бг: во-первых, вспомните "мыслителя" Р., остается лицо. Горящие глаза, тревожный взгляд (часто), открытый лоб...залысина. А двадцать лет тому назад.

il y a vignt ans! (воспоминание на фоне песни "нищая" в исп. Вадима Козина)

до того, как он поселился в пансионе Бьорка, БГ год прожил вне СПб (Сочи, Москва). шесть лет жили с Натальей в Разливе, недалеко от Шалаша (с милым и рай в шалаше)

когда Наталья приезжала варить борщ, Бьорк спросил её, счастлива ли она была в Разливе (с БГ). Она ответила "да, очень"

это похоже на рассказ Мопассана "Счастье"

"зажглись огни в тумане". За окном над Невой зажглись огни! на той стороне реки в здании бывшей фабрики сломали стену(!) и стали мелькать огни Шлиссельбургского тракта

почти месяц Бьорк не ходил в свои учебно-трудовые мастерские у финбана (ср. лечебно-трудовые у А.Н. Лавры)

меньше месяца осталось "ходить" туда, а у Бьорка уже ностальгия по палате номер девять

дорога в учебно-трудовые м. (далее утм или ward nr 9) лежит мимо розового здания клиник. il y a vignt ans Бьорк ходил в бежевое здание с зелёным куполом. Тихо кланяется

довоспеть ФФ

вариант: успеть довоспеть фф

по русской традиции Бьорк был вновь устроен в лтм (при академии) через "жену истопника при дворце". Это ФФ. Эпизодический персонаж романа.

на углу Невского пр. и Маяковского (БГ сразу вскипает, когда Бьорк произносит переименованные улицы. Надо сказать Б. любит иногда позлить бедного бг

так вот, на углу Маяковского и Невского, Бьорк встречает (покойного) Евгения Ивановича, выдающегося педагога и историка медицины

жалуется по привычке ("жалобы турка"): мол Наталья угнетает в "имени Герцена", нет ли местечка в лтп?

потом в "пене дней", в пенье дней, в круженьи и кружевах (дней) Бьорк позабыл свои жалобы (ведь это только жанр. Бьорк так любит грустное пенье

а между тем Евгений Иванович уже хлопочет о месте, звонит своему протеже ФФ (который сам устроен в лтм через покойную профессоршу Нонну Николаевну – знакомую Е.И.)

через две недели Бьорк вновь встречает на Невском в районе пассажа при выходе из подземного перехода Е.И. Mais quelle surprise!

несмотря на то, что Бьорк воспитывал себя в трезвости (точнее – трезвлении), в остужании жара сердечного (le trop plein de coeur!), эта встреча вывела его из себя

это знак какой-то! ибо с покойным они не встречались годами. А тут вторая встреча за две недели. Е.И. говорит, что звонил ФФ. Есть место.

вернулся БГ с прогулки

удивительное совпадение – и БГ и ФФ родом из Луганской области. compatriotes

le journal d'une femme de chambre, прекрасное название. Как "дневник писателя". Кажется, с Жанной Моро в гл. роли

падение берлинской стены. Стена храма (она же плача). Не говоря уже о "великой" китайской. И эта наша – стена слов

Перефразируя классика: в ней и "величие", и слёзы и разделение (берлинскость) и надежда на "падение"

miel d'Az. "cela ne fait rien – un peu de miel. Mais il m'avait chauffe le coeur" (on connait le reste). mood (etat d'ame): право, грустно как женщине

вфты тщеку фзфке: сам того не думая сказать. Дыр бул щыр. А хотелось менее заумное: nous avons le gaz dans notre aparte. На тему: как слово наше (отзовётся).

grace. Compassion

не смоет ли метафорический дождь наших слов со стены. Подтёки краски. не обрушится ли поток метеоритов. (у реки вавилонской под названием Нева сидим и плачем

human being of cruel sincerity (один п. о другом)

кафедра, на которой оказался Бъорк благодаря (пок.) Евгению Ивановичу, посредством усилий ФФ ("жена истопника при дворце"), напоминала село Степанчиково и его обитателей

сам же ФФ сильно напоминал Фому Фомича

first and probably essentiel character trait of this personnage was...это был русский человек допетровской эпохи

situation peu banale, en effet: ФФ – вечно маленький персонаж русской литературы (казалось бы), между двух имен – Петра и Ленина (России вечный большевик и просто большевик), родом с Украины

в русской перманентной (большевистской) революции ФФ. Но это уже не "бедняк Евгений", кот. клянёт судьбу, дыша бензином

во всей этой русской смуте оказался мой ФФ. "Лихие девяностые" ФФ даже не заметил, а был в них как рыба в воде: всё что можно меняя, продавая, перепродавая

всех устраивая. Сироту устроил в университет. До этого сироте выхлопотал комнату. Сирота оказался благодарным (но это уже другая история)

немного ФФ напоминал персонажа Лескова ("воительница"). Бьорк подумал, что ФФ надоело быть вечным маленьким человеком русской литературы

не зря же я устроен, думал Бьорк, на кафедру по протекции благородного Евгения Ивановича, хлопотами ФФ

ФФ любил напоминать Бьорку о своих хлопотах. Вот мол, все коленки протёр, валяясь в ногах у Б. (заведующая кафедрой, баба-командир Бьорка

ФФ несли как в старые времена – кто что мог: яблоньку (саженец), канистры бензина ("соседей подожгу", говорил ФФ) – всего не перечислишь (щедра наша земля и богата

когда ФФ корил Бьорка неблагодарностью, тот отвечал, мол погодите, может и я на что сгожусь. Имея в виду, что опишет его как персонажа. А точнее: допишет, довоспоёт

ФФ это персонаж пожалуй не меньше Фауста

a suivre

la suite (comme dans un opera a savon, merveilleux, a bulles irrisees): hier on a regarde (bg et moi) les herbes folles, weeds, un film francais beau et cruel. cruel and nice, very French

le clavier refuse de se mettre en russe

oblige donc de continuer (j'espere provisoirement) en charabia anglofrancais

vous etes obliges, vous autres, de mettre des accents, la ou il faut. Merci

vais jeter un coup d'oeil a la cuisine (je suis en train de mijoter un bouillon de poulet

le bouillon de poulet, cette penicilline des Juifs contre le spleen de novemrbe (a propos de la "penicilline des Juifs contre le spleen" c'est une citation

БГ ушёл на урок. Радость "в одиночестве побыть, в тиши" (цитата из Ирины Львовны). Когда Бьорк уходит для БГ такая же радость

утром проснулся в семь часов (Бьорк, далее – без уточнений), помня что "Казанская нынче именинница", решил поехать в Казанский собор

красота серого ноябрьского утра, что твой Париж

до начала службы оставалось время, можно (было) полюбоваться "именем Герцена"

налюбовавшись "именем Герцена", Бьорк зашёл в собор, отказавшись от мысли обойти собор – histoire de tuer le temps, подумав, что за десять лет достаточно пообходил его

БГ ещё не вернулся. "радость" продолжается. Поел куриного бульона, вынес остатки курицы кошкам в невский двор, дошёл до "пятёрочки" – histoire de se promener un tout petit peu,

совершил как в Севилье сиесту, посмотрел за окно – над Невой дождь, огоньки, принялся заваривать чай, обдумывая "highest degree"

во-первых, не забыть выразить благодарность – и это на волне эйфории от выпитого чая и отсутствия БГ – всем: живым и мёртвым (например А.М. – за напоминание о "шизо и языках

в главе "все умерли" не позабыть бы кого

во-вторых, не описывать службу в духе К.М. "чеховские мотивы", а упомянуть красоту и молодость св. Георгия, св. Пантелиймона – военного, врача

в-третьих, в желании упомянуть удивительную консонантность женских имён (напр. госпож Барахтиной и Баракиной) не подвергнуться при этом обвинению в диффамации

stop and go! все эти годы ("педагогические") практически рылся котлован для нового романа "highest degree"

ФФ между Петром и Лениным в новую смуту (мысль пришла во время службы в Казанском соборе)

во время службы на Бьорке была одежда: пальто Максима (швейцарское, наст., дорогое), пиджак французский (серо-зеленый), шарф новый зел. (любимого учителя, подарок госпожи Б.

на месте стоять стало трудно, в ногах валялся маленький мальчик

места на сундуках были заняты старушками и старухами

дошёл, сняв пальто, до перил у могилы Кутузова

но у могилы все места были заняты: к перилам прислонились бабушка, молодой смотритель, тётенька. и втиснуться между ними было не совсем удобно

Бьорк решил постоять и подождать, как раз у икон Георгия и Пантелиймона. И Казанский образ был отсюда виден. Накануне, читая историю собора, узнал, что икона принадлежала царевне Прасковье Фёдоровне

a suivre

une rectification: икона принадлежала царице Прасковье Фёдоровне (а не царевне). Ошибка характерная для Бьорка

буквально в таком духе проповедывал и священник

"полупомешанный подъячий Тимофей Архипович" из "гошпиталя уродов, ханжей и пустосвятов" (Татищев). Наброски к портрету ФФ

les herbes folles – прекрасный фильм. cruel and nice, very french. I loved it

и госпожа Барахтина и госпожа Баракина чем-то походили на царицу Прасковью Фёдоровну

"из них наибольшим уважением царицы пользовлся полупомешанный подъячий Тимофей Архипович, выдававший себя за святого и пророка" (Татищев)

"некогда он занимался иконописанием, но потом бросил, стал юродствовать миру – и прожил при дворе Прасковьи Фёдоровны двадцать восемь лет"

методом аппроксимации стараюсь написать портрет ФФ

родом ФФ был из Луганской области

если писать о ФФ ажиографическую брошюру, следует предвидеть бурю страстей, которая разыграется вокруг имени старца (ср. "друзья и враги Ивана Денисовича"),

"и всюду клевета сопутствовала мне": бывший знакомый по "английскому клубу" (куда ФФ был кооптирован по протекции Евгения Ивановича) распространял слух о "тёмном происхождении" ФФ

можно было подумать, что ВИ (доктор военной медицины, известный клиницист) завидует влиянию и популярности ФФ (при дворе Прасковьи Фёдоровны)

однажды, встретив Бьорка по пути на кафедру, ВИ, заслышав имя ФФ, изменился в лице и перейдя на шёпот (почти шипение), сказал "опасайтесь его. C'est une crapule

Из АА: "je suis de retour. Лижет мне ладонь пушистый кот" никакого кота, а только на кухне Наталья варит борщ с шампиньонами и БГ с ней в кухонном чаду (замена счастья)

"и не проси у бга ничго": прошу терпения

no news good news, казалось бы. Но на красной кожан. книге – подарке американской тётушки Дэйанны написано "good news» т.е. благая весть, каторга, евангелие

теперь, по истечению двух дней, Бьорк понимал, что именно в Казанской церкви, у иконы Прасковьи Фёдоровны, при огромном стечении народа он мог ощутить народное единство

даже ему пришла мысль, что царица Прасковья Ф. продолжает незримо управлять нашей державой

душевные и внешние смуты и вдруг – временами – покой (в принципе "война и мир"). Литература всегда казалась Бьорку серией римейков

что переписывать, выбор такой: "опасные связи", "фауст", "война и мир", "преступление и наказание", "душечка", "счастье", "в поисках утраченного",

"entre la vie et la mort" – одно из любимых названий. французский новый роман. Антироман

Готические мотивы – антироман. БГ лекцию (на кухне) прочитает, только попроси – о готическом

Гуляли с доктором, по Итальянской, мимо дома кино. Встретили сестру Елену, которая возила Бьорка к морю, кормила на террасе приморского ресторана мороженым и кофе

Ирина Львовна – строгая сестра. Но очень добрая.

с ней Бьорк путешествовал в Хельсинки и Таллин. Они ходили в универмаг (как в детстве) покупать Бьорку куртку и шарф. Потом плыли на пароме, смотрели на волны в круглом окне

Бьорк время от времени смотрел на юношу справа. Ирина Львовна видела это и немного хмурилась

почти как у Блэза Сендрара: tu es plus beau que le ciel et la mer. Удивительный момент покоя и счастья. Никуда не хотелось убежать

Ирина Львовна идёт в кафе и приносит на маленьком подносе кофе и пирожное. Бьорк говорит "не люблю с кокосовой стружкой". У сестры ангельское терпение. П. на самом деле вкусное

роман "братья и сёстры"

однажды Бьорк сказал С. (ви ай пи – very important personnage), что хотел бы быть его старшим братом. Это было давно. роман "опасные связи"

БГ уже проснулся, ходит голый по квартире

Бьорк проснулся в хорошем расположении духа (в своё время, когда Б. был маленький, рарА, говорил "проснулся и не плачет"). посмотрел, полна ли зелёная бадья

какие-то неполадки с трубами: хол. вода течёт в ванной тоненькой струйкой. Бьорк придумал набирать холодную воду в большой бак (раньше в ней солили капусту

горячая вода "бежит" нормально. Правда, поломался ещё смеситель в ванной, приходится поддерживать рукой. БГ с Бьорком соревнуются в терпении (кто первый починит

если взять франц. мочалку типа варежки и ею придерживать кран, вода набирается в тазик наичудесным образом

затем из зелёной бадьи добавляете холодной – a volonte, что называется, и мойтесь на здоровье! Летом же Бьорк привозит с "берёзки" разных трав

и устраивает травяные ванны: иван-чай с розовыми цветками и продолговатыми зелёными листьями, крапиву, березовые веточки

revers de la medaille: мрамор ванны в тех местах темнеет

но при помощи чистящих порошков ванна (достаточно) легко очищается. Бьорк с удивлением отметил как успешно БГ справляется с домашними работами, кот. Б. ненавидит

гремит уже кастрюлями – готовит первый брекфэст.

конечно, ещё, дневник – литературный жанр (дневник писателя, дневник – уже упоминал – горничной). В случае Бьорка – дневник хозяина пансиона

штрих к портрету Бьорка – писателя a ses heures, хозяина пансиона, преподавателя, контракт кот. истекает через месяц: старые халаты

не просто мания носить обноски как Плюшкин ("добрый человек"!): коллекция халатов. И ещё в Турцию бы съездить за. Сегодня с утра Бьорк нарядился в самые старые

бело-синий, и сверху голубой

жалость к старым халатам, эта низшая форма любви

татары раньше ходили в старых халатах по дворам. Бьорк ещё помнит (очень смутно. Как в кадрах кино о далёком детстве). Espace entre la Fontanka et la rue Rubinstein

Сибирь ведь тоже русская земля, так и татары – часть русского великорусского народа (любимый конёк в рассуждениях Бьорка: геополитика, big game, религия

душевно-мысл. деятельность Бьорка походила на барочные храмы (португальское, московское б.): Иоанн воин на Якиманке, par exemple

Гауди, конечно. Хотя испанец (но всё же, всё же)

в этом Бьорк, конечно, не был оригинален. Патетика, причудливость. Василий Блаженный, Спас на крови. И при этом тяготение (tendency) к простым и ясным формам (мысли

например: Спас на Нерли

la pause!

"и вновь иду в стихи" (из Ирины Львовны) молился перед иконой Божией матери, именуемой "Знамение" (царскосельская, любимая Елизаветой Петровной)

молился за Павла Дурова и придуманную "стену". Сбывается пророчество Мишо о том, что поэзией будут заниматься все. "поэзией" в греческом смысле.

а не только сочинением виршей. Хотел поехать в Удельную – на прогулку. Потом расхотел, по дороге свернул к Лавре. Вышел из андерграунда и направился к Лавре

и вместо того, чтобы пойти привычной дорогой к Троицкому собору, свернул в Лаврский пер. – к духовной академии. Вдруг захотелось, пройдя монастырский сад, оказаться в церкви Иоанна Богослова

здесь надо признаться, что в детстве помышлял стать священником и уже в те давние годы открыл этот храм в стенах семинарии и академии, рядом с лечебно-трудовыми мастерскими

когда шёл через едва освещённый сад, обратил внимание на здание, окна которого светились в ноябрьской тьме словно московские: это был местный шарантон (на Обводном)

"и не проси у Бга ничего" (опять Ахматова): всё же, ничего не прося, благодарил Павла Дурова. И всё же попросил терпения от моего народа

если царь Соломон из праотеческого ряда просил мудрости для управления своим народом, я прошу терпения, чтобы терпеть мой

это касается "Натальи и Александра" (больше известного как БГ) – иногда зову его, подражая ВалерИ: SachA

Наталья принесла фиолетовых, похожих на наши кошачьи лапки, цветов. Видно полевые голландские. Нам с БГ. Две веточки. Одну унёс к себе в комнату. Другую поставил на кухне.

одна из положительных черт (даже vertue) БГ это любовь к цветам

je vais dormir

rectification: письмо, я предполагаю это и есть, в том числе, ревизии, ректификации. Напр.: "терпения от моего народа" написал Бьорк вчера. Сегодня я исправляю: попросил терпения с моим народом

Алёна пожелала вчера мне фей и пионов, на ночь

попил кенийского кофе, закусил лимоном и мёдом Азамата

подумалось, что стену занесло снегом и трещины, где растёт дикая трава, как на заброшенном лётном поле

БГ проснулся – чуткий сон. Пошёл, наверное, "отлить"

жизнь с БГ – сосуществование в постоянном напряжении, какие-то флюиды, завихрения, стены отчуждения, трещины и дикая трава

дневник хозяина пансиона. Ср.: горничной (journal d'une femme de chambre), d' une femme d'ecrivain (жены писателя)

экзистенциальная проза, стенография (от слова "стена"), литература существования. Или: литература сосуществования

Александр Гольдштейн (Золотой камень из книги "все умерли")

у них бы Бьорк был Витгенштейн или Наом Хомский (Чомский). У нас он (етс етс книга об этом. Стена, брошюра. Закрашивание слов (на стене), письмо по белому

у них бы Бьорк был Витгенштейн или Наом Хомский (Чомский). У нас он (етс етс книга об этом. Стена, брошюра. Закрашивание слов (на стене), письмо по белому

во вчерашней передаче бибиси доктор Маршалл рассказывает как он пил бульон с бактериями. открытие маленькой б.: наука продолжается

а религия? журнал "наука и религия". Религия тоже не стоит на месте

рассказать госпоже Б. о подтверждении гипотезы о бактериальном происхождении язв. болезни (gastric or peptic ulcer)/журнал "здоровье" в каждой советской семье

итак: самогонный аппарат, журналы "здоровье", "наука и религия", "советский экран", "семья и школа", "работница", "крестьянка"

la suite: "весёлые картинки", "мурзилка", "пионер" (в нём работал Гага Ковенчук). Фаина Георгиевна произносила "пионэр"

слово вдруг вспомнилось. Или: к слову, shelter/БГ находит себе "убежище", спасение в прошлом. Не сов. прошлое (интернат, техникум) – хотя, немного и там. а в основном "в России, кот. мы потеряли"

однажды Бьорк обьяснил БГ слово "пассеизм" (первая строчка из "Жан Жене. Комедиант и мученик". ЖЖ – пассеист, пишет Жан-Поль Сартр

иногда (в минуты досады, раздражения) Бьорк вдруг иронично произносит про себя le client a toujours raison (т.е.: пусть пансион называется Shelter

конечно, не формально, без вывески "Shelter": пансион господина Бьорка, а в смысле "клиника доктора У." У Уткиной заводи

"но надо жить без самозванства! мой Бьорк, жить так, чтобы в конце концов

возвращение к нарративу. с одной стороны, маньеризм, мода на барокко (каталонский, португальский и все латиноамериканские инварианты), с другой – неоклассика

ср. пустая клеточка в периодической системе элементов. Доктор Маршалл рассказывает, как он находил имя для своей бактерии

в принципе: ризы мокрые сушу. Роман "прежние гимны" (under form of "new songs"

или: роман "мокрые ризы" (ср. "белые одежды")

роман о том, как вымокли наши одежды под снегом и дождём

роман о форме. роман формы. формирование романа в разгуле стихий. темперирование стихий при помощи магических заклинаний. Решительный отказ от магии: белая магия или

штрих к портрету БГ: в ванной комнате Бьорк заметил перевернутый веник

la pause!

BD party yesterday

у госпожи Б. (новая Голландия) приём по случаю ДР. Адмиральша не приехала. Из "основного состава" были доктор и Лена-писательница

из переменного: Нина Афанасьевна (товарка по бизнесу и иногда – работодатель), Ирина – молодая ж., похожая на Анну Герман (сотрудница фирм флёр де сантэ и ботэ акомпли)

госпожа Б. опять просила написать о яблоньке в Удельной

что можно написать о гибели яблоньки в У.? ср. "что знает женщина одна о смертном часе"? не думайте только, что я. в Удельной – метафора

это было деревце, росшее у туалета, поразившее однажды госпожу Б. в пору цветения своей красотой: бело-розовые лепестки и чудный аромат

не зная доподлинно ни историю чудесной яблоньки ни имени её губителей ("везде везде проклятый Углич"), напишем просто: роман "Яблонька в Удельной" (посв. госпоже Б.)

у Бьорка было два доктора

как у HP два мужа: старший, младший.

у Бьорка два ума: передний, задний.

esprit de l'escalier: задний ум по-французски.

у Бьорка было две силы: большая и малая

у Бьорка нет фотографического аппарата.

у Бьорка два крестика: оловянный (когда крестили в детстве, в Спасо-Преображенском соборе), красивый (папа римский бросил с балкона)

второй крестик – тоже как детский (эмалевый, росписной), подарок датской девушки

можно продолжать в таком духе: у Бьорка две слабости, две думы. Stop. как у византийского орла

а как же: "он знал одной лишь думы власть"?

у Бьорка было две резиденции: большая и малая. Квартирка у Уткиной заводи (для кр. словца: уютная квартирка у У. заводи) и имение "берёзка"

а как же "три желания"?, "любовь к трём апельсинам"?, "третьего не дано? до третьих петухов, наконец

в рейтинге любимых книг указать и "святого Жене. Комедианта и мученика" Сартра

stop. пора идти в прачечную за пост. бельём

больное и думы: тема "нового романа"

у Бьорка была и третья резиденция!

третья резиденция это вагон пригородного поезда, место на палубе парома или каюта теплохода, номер гостиницы,

encore qch a propos du troisieme: любя, допустим, ЖПС и ЖЖ, Бьорк любит и ЛФС (Луи-Фердинанд Селин). Не говоря уже о Поле Моране. Но это уже другая тема (четвертого)

по бибиси рассказали о книге одного американца, посвященного смерти философов. Дескать, philosopher c'est apprendre a mourir. И вот вам двадцать конкретных примеров

assez cruel, mais fort. Другая книга (видел в одной библиотеке) посвящена модусу вивенди писателей. Источники доходов, в основном. Поучительная книга

одной из любимых книг Бьорка была и остаётся: биография Мопассана Морана. вот вам "литературная матрица" (или: пример л.м.)

в планах: написать роман "морковный сок" (Jus de carottes)

"зажглись огни в тумане"

штрих к портрету ФФ: " фэфэ", надо видеть лицо ВИ, – гримасу, с которой ВИ произносит имя Фёдора Фёдоровича, фэфэ (как если бы речь шла о "мадемуазель фифи"

tristesse

в посл. дни думал о Хлебникове (можно сказать: тосковал по Велимиру). Я – йог, марсианин, кто угодно только не...Священник цветов! родился вчера (прочитал у Б.)

в посл. дни думал о Хлебникове (можно сказать: тосковал по Велимиру). Я – йог, марсианин, кто угодно только не...Священник цветов! родился вчера (прочитал у Б.)

сделал ему послабление: привёз из "берёзки" транзистор grundig (грюндих), он прильнул к нему как подросток-старовер "к коротковолновому радио" (о. Сергий)

когда прохожу мимо его келейки, оттуда доносятся звуки музыки (радио максимум, европа плюс, маяк)

и всё-таки, не смотря на строгое с ним обращение, кажется он не собирается никуда убегать: я говорю ему "поехал бы ты что ли в Испанию" (показываю пляж испанский

кроме архитектуры, красивых людей, он любит тепло

чтобы поехать за границу нужен паспорт ("у меня нет паспорта!" говорит он, когда я предлагаю ему поехать в Испанию

а "двадцать лет тому назад" мы ездили с ним в Москву

иногда я разрешаю смотреть (вместе со мной) кино

я полюбил голливудскую клюкву! как вечность наших болот

Маруся (Татьяна Эйсмунд) тоже любят со Славой наше американское кино

в нашу боголюбовскую обитель (приют и скит) заходил художник Олег Хвостов.

БГ разрешил выпить красного вина

"жил-был художник один" роман про О.Х.

римейк с картины Шишкина "Плакучие ивы"

mood: to wear my green coat and go (walk) to cemetery

роман on line

я опоздал на праздненство Расина. то есть: на кладбище (гулять) ехать поздно. Темнеет рано в ноябре

controversial being is my Biork: аскетические опыты и погружение в кайф

план такой: продолжать культивировать парадокс

Вас. Вас. Розанов, Александр Гольдштейн. интеллектуальный роман. или: "интеллектуальный" роман. БУ: не second hand, а Борис Улитин

впервые о БУ услышал от Ильи Кукулина, потом рассказывал доктор У.

с одной стороны, для поэтики Бьорка характерно состояние двусмысленности, амбивалентности. Состояние амб.

с другой, после возгонки и испарения в перегонном кубе, кот. и есть организм писателя, стекает капля чистейшего кот. горит синим пламенем

l'alambic!

Rimbaud Arthure: le charme des lieux fuyants et le plaisir surhumain des stations!

больное и думы, новый интеллектуальный роман Бьорка, другое название: Highest degree

Никита предлагает усыновить молодого и талантливого

Бьорк завидовал белой завистью, другими словами – восторгался – примером аббе Пьера, который организовывал приюты типа боголюбовского

приюты для молодых, талантливых (римейк макаренской колонии)

флаги на башне, педагогическая поэма. Это на наш лад Cruel intentions, Liaisons dangereuses

об этом немного в "мистер тичер"

во время второго завтрака БГ читал выдержки из газеты "метро", кот. я выпросил у курсантов (о дне доброты, чёрном чесноке, звёздах тенниса. Намеренно, чтобы не волноваться, пропустил про пользу секса)

climate of suspicion

il faut cultiver ton jardin, Бьорк. То есть: культивируя парадокс, мульчируя и удобряя почву, поддерживая атмосферу неопределенности, вдруг етс ETC

римейк романа "братья и сёстры" (когда сёстры как братья, а б. как сёстры). И ещё тема: adoptiv kids

unbearable lightness в ноябре на октябрьской Наб. в легком тумане

...все цыгане спят (кроме Ольги, Дмитрия и Стеллы).

почти 12 лет я служил за метафорическую Рахиль у Лавана (мои педагогические тётки – начальницы

это был своего рода женский монастырь (ср. у Пазолини экранизация "декамерона")

ФФ (старец Фёдор Фёдорович) с благосклонностью принял вчера мой подарок – луковицы гладиолусов

штрих к портрету моих начальниц (библ. Лаван): одна была высока, дородна, белокура (kind of russian beauty), другая – наоборот, но всё же дородна

в посл. два года Бьорк находился в послушании у старца Фёдора Фёдоровича в женском монастыре ("кафедра")

римейк "доживём до понедельника" (в моём случае понедельник это среда)

"декабрь" Вивальди в ноябре на октябрьской набережной. very good!

моя садовница адмиральша. В планах: написать о ней брошюру (как о Матрёне Московской или старце Федоре Федоровиче). Вчера дала приглашение (invitation) на выставку фотографий в Лавре

немного солнца в холодной воде (в кавычках: строка Элюара, римейк романа Ф. Саган). получение из Франции книжки от Valerie – Lettres de M. a F.

остался у берегов (буквально – берегов реки Н. стоял на остановке и смотрел на пейзаж: тьму фантастическую в огоньках. Многих пейзаж пугает. Поэтам нравится: госпоже Б., И.Л., А.Т.Д., Мите

ехать на гоголевский Невский проспект (далее – НП) вдруг расхотелось. Вернулся в наш боголюбовский скит. В приюте натоплено, тепло. БГ сидит в келейке, читает

un peu de soleil dans l'eau froide. Роман о сегодняшнем дне.

солнце не физическое, а метафизическое (метафорическое – французское).

одевшись как помор приладожья иль заонежья по вчерашнему снегу шел на почту. Возвращался с книжкой (редкое издание 41 года). Был удивлен красотой нашего захолустья

вдруг показалось (стоя во тьме – ночной и зарубежной), что на этом берегу ты ближе к городку Веве на озере Лиман, к Гудзону или Лондону, чем к НП

бывшую почту (брежневская стекляшка) почти упразднили, осталось маленькое помещение в крайне убогом и запущенном состоянии.

нет никакой ностальгии по почте прежних лет (запах сургуча етс), а просто радостно и отрадно видеть вещи в их истинном состоянии

"с отрадой, многим не знакомой", я вижу не цветущую почту, а дорогу к почте, дворами, вдоль реки – среди берез, рябин и кустарников, покрытых белыми ягодами

"и всё пойдёт наоборот" (Игорь Бо)

у соседа запела дверь, вернулся бГ с прогулки, устав слушать бибиси Бьорк решил етс етс (хроника боголюбовской обители)

вспомнилась вдруг картина вчерашней тьмы (обитель наша боголюбовская находится на окраине весёлого (сик!) поселка, на Неве, в оазисе промзон

место, как утверждают поэты, которых заносит в нашу глушь, исполнено какой-то страшной красоты

однажды на остановке встретил И.Ч. – удивительно, как занесло его к нам?

штрихи к описанию боголюбовской (невской) обители – скита и приюта: на краю "веселого" (поселка), на Неве, у Уткиной заводи, где стоянка кораблей – посв. Н.М.

"gloria по русски значит слава" БС веселый по англ. значит gay, gay village, gayburg, так можно перевести местный топоним. Подробнее о нем читайте у Юрия Минаевича

по грусти и безотрадности его можно сравнить разве что с Иматрой

Никита одет был в одежду синих, сиреневых оттенков, кроме пальто – из серого сукна. И обут в кроссовки цвета пармских фиалок

с доктором У. и Никитой ходили смотреть кино в "порядок слов" на Фонтанке. Femmes femmes фильм французский

дедушка Ленин (баба Лена на языке людей лунного света) сказал бы: он перепахал меня.

я даже не знаю как сказать. Потряс? будучи легко потрясаемым, т.е. мало сейсмоустойчивым, этого мало

откровение. Да, une sorte de revelation

фильм словно трофейный! его привёз нам из Москвы Б.Н. Вот что он рассказал о нем нам: снятый в 74, показанный в Каннах, он стал любимым фильмом Пазолини

Пьер-Паоло Пазолини (далее – ППП) написал о нем большую восторженную статью. Признался, что мечтал снять такой фильм

когда монах покидает свой боголюбовский скит, он уже не вернется (в него) прежним. Мне подумалось, что я пишу роман Hommes hommes

совсем не обязательно, подумалось мне, менять прежнее название – Highest degree. A quoi bon? просто вдруг открылся (или точнее – приоткрылся. Как в фильме – створка двери

и вот в дверном проёме: Бьорк и его персонажи (Hommes hommes).

когда вышли ночью из "порядка слов", оказалось, что фильм (FF) продолжается. Никита в подземном переходе у Пассажа сделал Бьорку предложение – создать школу языков

Бьорк сказал, что языков больше нет, а есть лингвистическая компетенция. Все равно, решили, что школе быть (ср. Петр – флоту быть)

это будет, наверное, как в фильме школа-кафе (типа боголюбовского приюта-скита) только в новом формате: для одаренных детей и умственно отсталых взрослых

это будет как воссоздание барочного алтаря (другими словами – дома культуры. Мечта Эдуарда Лимонова)

в качестве приглашенного профессора будет переманен из Смольного института АТД

вообще это будет настоящий педагогический театр, по типу частных студий и мастерских прекрасного прошлого ("кот. мы потеряли": Ходотова, мужа Комиссаржевской етс

римейк фильма (уже который по счету!) "непристойное предложение"

Бьорк всегда очень серьезно относился к тому, что можно было, на первый взгляд, принять за шутку

очевидно, будущее – за частными (или гос. – это не важно, кто поддерживает) школами, небольшими лабораториями. У мэтра была такая школа

в принципе, все повторяется как на будистской картине и это радует

БГ похож на Савонаролу (сегодня стал обличать прогнозирующих погоду. Голос грозный, глаза горят. Причем, тембр голоса не из приятных, немного визгливый

дом терпения, но отнюдь не толерантности – наша боголюбовская обитель. Дом неприязни, китайской стены, о кот. разбиваются волны ненависти

настоящий феньшуй – когда противоположные стихии сошлись. Звонок грандамы ОС прервал (к счастью) разглагольствования. Персонажи неожиданно возвращаются

доктор У. рассказал о фильме португальского режиссёра О. – двадцать лет спустя "дневной красавицы"

non stopped Stella

наш друг НМ спросил бы "а что "стелла" значит звезда"?

кусочек фильма "сало или сто дней содома" вчера в "порядке слов", en marge du filme "Femmes femmes".

БГ прошел прогуливать "отчаянье и злобу"

вчера Наталья (красные губы, длинная юбка, воротничок бежевый) угостила кос-халвой. Приезжала варить борщ

Никита, пришли гейш. Хочется не борща, а гейш. (ср. – "духовной жаждою томим"

жажда гейш

пью зеленый чай словно одеколон (памяти В.Е. и покойного Головина, адмирала). Теперь у меня есть не только адмиральша (садовница), но и адмирал

обычно, этот зеленый чай с сильнейшим запахом, вызывающий удушье, я отдаю БГ (на тебе боже что мне не гоже). Но сейчас решил выпить: как это люди пьют цветочный одеколон?

фигурки словно из фильма (из фарфора): "отчаяние" и "злоба" в виде китайских собачек

вчера в фильме FF героиня (Элен) на вопрос подруги (и героини) Сони (СоньЯ. Sonia) любит ли та мужчин (как прежде. Нет ли разочарованья?) отвечает: люблю. Они сухие и чистые

какое счастье любить сухих и чистых

в семнадцатом кажется веке гейша был юноша, промышлявший артистическим ремеслом

в переводе на русский (exerçant un metier artistique): художник, поэт, музыкант

"огней так много золотых": mood такой. Вышел чуть подышать влажным воздухом в тьму приневскую (заневскую?). В тьму "веселого" поселка. В самом его конце

это роман-исследование. Roman-recherche. Но не roman-investigation!

будь моя воля, назвал бы его Roman roman

"поэт, музыкант, художник" это, разумеется, не означает что профессионально гейша...нет, но! ср. "все они красавцы, все они таланты, все они поэты" в этом смысле

"огней так много золотых" (ремикс этой песни звучит в романе-романе). Бьорк выходит в свет ночной, как Сергей Георгиевич написал "тьма дневная"

нечеловечий вой людей веселого поселка. Как в саге сумерки

третье ухо (тончайший слух) БГ очевидно слышит этот вой. И он заставляет его бежать из приюта. Потом он возвращается

у Бьорка нет третьего уха, он не слышит воя веселого поселка. И потом дом находится на самой окраине, у Уткиной заводи. Можно сказать, что это и не веселый поселок (уже)

в принципе, роман роман (далее novel) строится как Sagrada familia

выходя вчера ночью из "порядка слов" с Никитой и доктором (У), Бьорк сказал, что, кажется (it seems) начинает любить здания (линии горозонтали и вертикали

БГ объясняет Бьорку азы архитектуры. Зачитывает (по настроению) пассажи из книги (шедевры архитектуры барроко) или разрушенные храмы СПб

ненавязчивая суггестия: дадзы-бао, дзуйхи-цу

весь воскресный мост (хотел написать – день) был день. Т.е. весь воскресный день был мост между веселым поселком (далее gay village) и Никольской пл. (сине-голубой собор) – Stella's home

вампиры и оборотни веселого поселка.

дубленка сына Татьяны Эйсмунд. Нет, лучше дублёнка сына Маруси Климовой. Опыт перетаскивания вещей и персонажей в нов. (анти)роман

действительно: белая Индия

triste et beau

ночь, набережная, фонари, аптеки нет. Сочувствующий желтый свет и снег

сочувствующий – как солома мягкий снег и желтый. Свет, хотел написать.

снег белый в свете фонарей (словно солома, желтом). Шуршащем (перебор) снова: солома, свет, мед Азамата – оттенки желтого, янтарь, балтийский берег

совы белые кружатся. И кричат (но их не слышно Бьорку)

над Веселым поселком кружатся белые совы. летают вампиры. И снежные волки. И серые (красивые)

словно боголююбовских: девочку ли мальчика – из скита – приюта разбудили игуменья, игумен. Строгие (волки, вампиры. Из недавней прессы. Кажется МК. Опять: Маруся Климова, московский комсомолец)

Бьорк проснулся (пописать). и вспомнил про боголюбовских

the voice of Nicolas in the dark night (but not dark, really, because – illuminated like Trianon) is nice.

удивительно, действительно: ночь белая (бо снежная, бессонная. Во франц. смысле: nuit blanche, nuit sans sommeil

голос Николая в ночи – тихий, не громкий, но распугал всех волков и вампиров в нашем Gayvillage

итак, возвращаемся к нашим белым барашкам – l'hiver oblige!

взглянув на заснеженный Петроград, Бьорк вспомнил о Блоке

"не позовет меня игумен в ночи на строгий свой порог", это вспомнилось и нахлынуло наше боголюбовское

уже как ритурнель La ritournelle. D'abord a cause de la neige. Cela tourne et tourne. Et retourne. Et puis, ces moutons blans loups garou chouettes blanches, mouettes (nuit blanche a Gayvillage

Николай Никифоров (далее – NN) как Герцен разбудил в ночи своим тихим мелодичным звоном (намек на колокол)

"простите меня изувера", вспомнились слова из брошюры "Письма валаамского старца"

да, вспомнились еще стихи учителя (над Ладогой вечерний звон)

метафоричность этих птиц смешна (белые чайки, черные вороны. Для контраста и красного словца

но особенно: белые совы Веселого поселка в ночи

Бьорк просыпался, как будто дети, разбуженные игуменьей для молитвы
и Паунд в клетке как икона

боголюбовские дети молились Распутину и Паунду ("в клетке"

с гран-дамой, благородной О.С., были в театре варьете. О.С. была одета словно английская королева. По дороге на Итальянскую встретил князя Никиту М. (в его особняке

князь Никита М. известен как большой оригинал. Судите сами: в своем особняке он занимает маленькую, но уютную комнату бонны, с видом на шпиль Михайловского замка.

Бьорк решил пройти на Итальянскую через "Пассаж" (особняк князя Никиты М.)

в середине первого этажа среди роскоши сидел князь в своем сером пальтеце и писал письма

Бьорк чрезвычайно обрадовался, увидев молодого князя, хотел подкрасться и напугать его, но князь Никита М. заметил Бьорка и улыбнулся

улыбнулся и отложил белый ноутбук. Бьорк сел подле князя и поцеловал его тонкую руку. Князь Никита М. грустно улыбаясь молвил "это я тебе должен руку целовать" (чем смутил Бьорка)

Как всякий настоящий аристократ князь Никита (М) любит простой народ, двери его особняка открыты с утра до ночи

a suivre

опять: суеверные приметы борются с чувствами души. А божественный разум как чистый снег спокойно падает. Иероглифы бога

вместо согласия с чувствами души суеверные приметы. Сувенирные предметы

objets de souvenirs то есть предметы памяти. Нашел, нашел

и острова Пасхи (искали недавно с маленьким Никитой на глобусе. Не с князем М., а с внуком кузины

это вместо – amuse-gueule

гран-дама Оливия Семеновна (во святом крещении Елизавета) была одета в костюм фисташкового цвета. like the queen Elisabth. Бьорк в одежды, подаренные Валери

одежды (подаренные и привезенные В.): серые тунисские джинсы, черная рубашка, серый (пепельный) свитер "бенетон" (кажется)

теперь, когда у него в ските-приюте живет бг (бывший голубчик), он может себе позволить такую роскошь как новые ботинки

раньше жил на девушкины деньги, теперь на бг (пока не убежал из приюта и не пожаловался солдатским матерям, далее – см)

конечно, не всегда – на девушкины (дд – девушкины деньги), иногда и на собственные. Что это значит – собственные д.

этюд по политической экономии. Батай как (Маяковский) продолжается. для красного словца: как Батый

на другом витке (см. модель Татлина) спирали. Об этом роман "HIGHEST DEGREE" (the cow is dead. см. Игорь Бо

но поскольку в белой индии коровы не умирают, а только спят. Или погружаются в зимний сон. Une sorte d'hibernate (hibernation)

вдруг вспомнил о той серой (чудесной) бумаге. Помню разговор со Спирихиным о бумаге

красная майка любовника Юленьки (воспитанницы боголюбовской обители)

купленные на скромные сбережения (вероятно рента военного п.) синие с малиновыми ниточками носки

купленные на скромные сбережения (вероятно рента военного п.) синие с малиновыми ниточками носки

и зеленый, из чистой шерсти умерших ягнят, но живых (как молоко мертвых коров). Итак, зеленый шарф – подарок Нины учителю, потом отданный матери Нины, ею переданный госпоже Б., переподаренный Бьорку

Андерсен как никто любил воспевать душу вещей. Мечтал танцевать. Боялся пожаров. Дружил с принцем. А стал писателем

когда ездили с А.С. в Копенгаген, Бьорк пошел на кладбище кланяться могиле. Уже на самом кладбище началось верчение. Могилы было не найти. Захотелось в туалет. Решил терпеть как оловянный солдатик

и терпя, и кружа, как в шаманском танце, вдруг нашел другую могилу – С.К. (далее – Кьеркегора). Успокоился. Нашел Андерсена, взял на память (с могилы) розочку

долгое время эта розочка ("история розочки") хранилась у Бьорка в музее фетишей (ср. музей сновидений). среди засушенных волос, ногтей, камешков (любимых)

старшая сестра ("братья и сестры") кружила со свечой перед чтением

маленький Никита показал Бьорку букварь и прописи. век живи, подумалось Бьорку, а остаются – те же букварь и прописи. К падающему снегу – иероглифы Бога (ИБ)

отвращение к бывшему голубчику: вчера, когда вернулись из театров (каждый ходил в свой), он открыл консервы. Тошнотворный запах рыбы. Роман "тошнота"

точнее римейк романа "тошнота". Но, в принципе, можно уже, для избежания неоправданной тавтологии, не повторять слово "римейк"

две сестры во гробе. Одну сестру – подарок Бьорку (тогда он еще не знал, что он – Бьорк) привез Митенька из Москвы

теперь без мистики: Бьорку подарили альбом художницы Розановой (с удивительными письмами Крученых и к Крученых). На первой странице она была сфотографирована, как в Вии панночка

потом много лет спустя, но которые, к слову, промчались так быстро, увидел в гробу точь в точь как на фотографии, Е.Ш. в апофеозе военной славы. Совпадение, конечно, но все же все же

князь Никита М. проводил вчера Бьорка до театрального подъезда. Давай попрощаемся холодно, предложил Бьорк. И как снежный принц (князь) Никита М. уже летит по Итальянской

Бьорк завороженно смотрит вслед летящей фигуры снежного князя

БГ продолжает переворачивать веник (мол де так сушится лучше). Бьорк как игумен скита (боголюбовского) решил повременить с эпитимьей, подумав о презумпции невиновности (а вдруг, действительно, лучше сушить веник, перевернув его?

зарыться б в глубоком сугробе (Бьорк думает о Блоке, глядя из окна на Неву: плывут льдины.

les blocs de glace flottent

буду думать о Блоке, решил Бьорк. Завтра др (уточнил в Вике). Ты стоишь под метелицей дикой роковая родная страна

бг дуется (Бьорк отобрал дни)

иногда Бьорк чувствует себя Швейком, кот. пишет хронику. У последнего был полк, у Бьорка пансион (скит-приют б.

решил остаться в приюте (а хотел поехать дышать св. воздухом за город): контролировать боголюбовскую сироту, думать о Блоке, вести майкроблог (хроника боголюбовского пансиона)

боголюбовская сирота вошел голый на кухню в веселом настроении, Бьорк сидел в грустно-возвышенном, смотрел на плывущие льдины.

начал греметь кастрюлями, рассказывать, что слышал по радио "маяк" (Бьорк попросивший у Бога терпения, чтобы управлять сиротой, сидел в двух старых халатах как шаман)

но когда б. сирота дошел до "пузырей земли" (произнеся имя "Курникова"), Бьорк не выдержал и напомнил о числе (сирота сразу сник, замолк. Тихо пошел в свою келью и вернулся с данью

в "письмах валаамского старца" автор признается как тягостно для него быть игуменом. Но братия упросила

кстати, звонил ПН из сиротского института ("имя Герцена"). Тоже хочет не остаться "за бортом". Змеиной интуицией почувствовал, что плетется новая повесть временных лет.

у сироты невозможный возраст (по отцу Шмеману: он пишет в дневнике, что не понятно, как можно быть м. сорока лет)

надо бы, думает Бьорк, уже составить список приглашенных персонажей (a hint toward Proust)

когда ездили с сестрой на залив, она призналась, что хотела бы написать пьесу. Сестра моя Чехов ("и сегодня в разливе"

у доктора Угна (далее доктор У.) обсуждали теорию нового романа

когда в частной переписке со Стеллой (девушка по имени звезда) Бьорк написал "доктор Унг", она поправила "не Унг, а Угн, Саша!

приехала инокиня Наталия.

инокиня Наталия угостила тирольским пирогом

петербургские сумерки снежные. Достал с полки Блока – издание 1923 года, Берлин, Алконост.

торопиться не надо, уютно. На прогулку не пошел. Пил чай с тирольским пирогом, спорил с БГ (инокиня сидела и слушала)

в споре неожиданно дошли до "пузырей земли" (ими случайно или закономерно оказался Тян-Шанский. "профессор всех российских у." и уже не в силах побороть волнение, БГ...

БГ обвинил Бьорка в принадлежности к стране, кот. ограбила Тян-Шанского

Бьорк поблагодарил инокиню Наталию за угощение, БГ сказал, что не обижается и не сердится, а любит правду, ушел слушать бибиси

потом вернулся на кухню, чтобы спросить БГ, к какой стране принадлежит тот. Тот уже остыл, стал юлить и готов был идти на попятную

де мол, по паспорту... Бьорк же как игумен строго сказал "не юли и не иди на попятную", а отвечай честно, считаешь ли ты, что принадлежишь иной стране

после некоторого колебания, он тихо ответил "да"

никогда я не был ни гордым ни надменным, поэтому (и) оказался в обществе м. поэтов на Итальянской улице (в особняке князя Никиты М.):

на Александр Блок-party. Первое, что заметил Бьорк, входя в комнату – парсуна Артюра Рембо в красном углу (поэт изображен по известному фотоснимку на фоне цветов радуги как шриматаджа).

никогда я не был ни гордым ни надменным, поэтому (и) оказался в обществе м. поэтов на Итальянской улице (в особняке князя Никиты М.):

на Александр Блок-party. Первое, что заметил Бьорк, входя в комнату - парсуна Артюра Рембо в красном углу (поэт изображен по известному фотоснимку на фоне цветов радуги как шриматаджа).

князь Никита М. прочитал два стихотворения своих и одно – доктора Угна, Стелла искала свою любимое, где строчки "и п. с п. говорит", но не нашла, К.П. персонифицировал собой молодую поэзию

Бьорк прочитал из Блока "я Гамлет. Холодеет кровь"

на ноге К.П. Бьорк записал стихотворение "не встречал лучшей бумаги, чем волосатая нога Кирилла П."

удивительные носки были у общества м. поэтов: у Стеллы розовые, у князя Никиты М. радужные, у К.П. – разноцветные. У Бьорка – не помню

князю Никите М. – Никита мой талисман и эталон

невидимыми миру чернилами (не выжигаются не стираются), а проступают при касании любимых рук и глаз слова на коже

"никто не хотел умирать": когда князь Никита М. сказал "тише. Сейчас придет сосед и всех нас убьет" Стелла сказала, что умереть в таком обществе – счастье и высшее наслаждение

но сосед не пришел и никто из м. поэтов не был убит на А.Б. пати. Но чувство – точнее – предвкушение райского наслаждения осталось

Бьорк спросил у Стеллы "какого рода гурии на том свете?" Стелла спросила Бьорка "кто такие гурии"?

книга доктора Угна как чаша передавалась по кругу

чтобы лучше дышалось – на столе белая роза (подарок князя Никиты М. бывшему брату)

князь Никита М. был молчаливый и грустный. Вся атмосфера встречи как школьная тетрадь была излинована в синие и алые линии

всп. вдруг алжирский автобус (арзамасская ссылка): арабы курили

договорились устроить ЯМ-пати у Бьорка в боголюбовском приюте

это были наброски по горячим следам (ступни Стеллы горят – она вышла из майи и летит по Садовой). Над Садовой?

халас (конец по-арабски) на данный момент

цыгане проснулись (или еще не ложились спать, смотрю по "он лайн"). Бьорк проснулся, посмотрел за окно (le conte de fee d'hiver. По русски почему то хочется сказать "Германия. Зимняя сказка"

хочется сказать, думается, интенция мысли, порридж слов. Любимая книга (заготовка для интервью): "Мышление и речь" ЛСВ

"так жили поэты и каждый из них": опять о вчерашнем. Ключевые слова: белая роза, парсуна Артюра Рембо, волосатые ноги Кирилла, огненные следы Стеллы в воздухе и на снегу

"мой бедный мой далекий друг". Бледное лицо князя Никиты М.

солнце неожиданно ворвалось. From other side of Neva-river. Вчерашнее уже кажется на другом берегу (так и есть – даже в географическом смысле.

чашка с изображением гейши. Стелла легкой походкой вышла из майи

"и заплачет сердце по чужой стороне". вдруг захотелось отправиться на прогулку (на тот берег реки), по б. местам, к У., потом в Коломну. У. на моей стороне реки. На велосипеде (синем по белому снегу) не поедешь. А саней у меня нет

к моему б. сироте приехала инокиня Наталия. Мне захотелось халвы и хурмы и я поехал в финский супермаркет напротив АН лавры (конец невской перспективы – бывшей просеки в лесу. Место битвы

вдруг как беременной захотелось хурмы и халвы

кстати о беременности (pregnancy?): когда Бьорка хотели уволить из красной армии и уговаривали написать рапорт (ср. "кассирша ласково твердила") см. выше

начальник отдела кадров приводил такой довод, что де это лучшая статья – "как по беременности" (быть уволенным "по сокращению"

язык киллеров и терминаторов (и аллигаторов): язык персонажей Лескова (вести "сократительную" жизнь

"беременные долго не живут" (Елена Сунцова)

помню как тетушка в костромской деревне делала пироги. Мешок муки стоял в углу. С вечера ставила бродить тесто. Опара. Утренняя звезда. Русская печь. Русская речь

сироту отправил зарабатывать деньги. В скиту-приюте тихо и хорошо. Попил (словно) цветочного одеколона (закусил "мишкой-на-севере"

на том историческом вечере, когда после чайной церемонии все четверо лежали на икеевской кровати, Бьорк спросил у Стеллы, нравится ли ей волосатая грудь, она переспросила "мужская или женская

помянуть Б.А. в заснеженный скит к Бьорку приезжала Елена (цветочным одеколоном и пастилой как у протестантов. Ср. Тютчева "я лютеран люблю богослуженье")

в прихожей скита висят две намоленные парсуны св. Уайльда (подарок Тимура Петровича)

однажды сказал Рубинштейну, что родился на его улице (бывшей Троицкой – улице шляпников).

стена чем то напоминает "карточки" Рубинштейна. "Как слово наше отзовется": родился на улице, пишу будто на карточках.

как то надо усовершенствовать "карточку", ср. довести до ума колесо (кузов) наше веселое ремесло (АБ)

"но я люблю товарищей моих" – однажды И.Л. подарила Бьорку один из первых сборников Б.А.

думал днем о Джакометти

роман онлайн. Хотя нашему русскому "роман" (провансальское как капуста с клюквой) он предпочитал novel из за сквозящей в этом слове новизны

дневник уездной барышни (дуб или уеб), это оскорбило слух общества мертвых поэтов или чуть чуть покоробило. Когда у князя Никиты М. Бьорк рассказал о проекте дневник уездной барышни (далее – уеб)

все это было, было, было. Да. Но не в этом дело. А так же: слова, слова, слова. Суггестия. И быдло, гопники. И рафинированное: dead poets society

памяти Всеволода Некрасова. это одна из фигур, благословлявших моего героя, "в гроб сходя".

чувство, что вас вдруг вознесло на гору Калиманджаро. Где холодно и перехватывает дыхание и кружится голова (Бьорка пригласили сесть рядом с ВН на возвышение "подобное лобному месту"

но от самой фигуры ВН не несло холодом (скажем вежливости или надменности). но: свет и теплота

когда то с бабушкой в детстве, придя на Охтинское кладбище, Бьорк впервые увидел гроб (стоящий у церкви). Бабушка рассказала, что во время войны обмывала покойников

не страшно ли было, поинтересовался Бьорк. Бабушка сказала, что бояться надо живых, а не мертвых

если бы Бьорк был (как скажем Тимур Петрович или Хвостов) богомазом, он написал бы парсуну "общество мертвых поэтов" (римейк к кинокартине
Ирина Львовна любит рисовать ангелов, цветы

taggers and graffitis в своем роде

с Всеволодом Некрасовым меня познакомил Бурич в музее Сидура

когда я оказался с ним на подиуме (тридцать см) как на Калиманджаро, произнес в качестве пароля имя "Бурич".

мемуар-римейк "снега Калиманджаро": о Всеволоде Некрасове

у него уже было состояние надмирности, но не надменности. Между первой встречей с ним и той последней прошло лет 15. Хотя, строго говоря, была еще одна, на след. день

на следующий день, на обломках Пушкинской улицы, состоялись его чтения. В обстановке замечательной – выставки арт-брют (в том числе детей из рождественского приюта худ. Барсукова

да, Россия страна приютов, островов спасения, скитов

об этом однажды сказал ак. Панченко (учитель Ирины Львовны), на кладбище, в маргиналиях похорон. Де мол в России всегда надо (было) спасаться и прятаться

"было" это употребление прошедшего времени в контексте похорон. См. грамматику, тема "согласование времен"

мемуар об Андрее Вознесенском я назову "Васильки Шагала"

с моим другом Хосе (персонажем и просто поэтом) мы сидели в ресторане дома писателей ("мастер и маргарита") в обществе АТ (из него помню строчку о Вийоне)

мы сидели году в девяностом прошлого века (для мемуарной патины). Да строчка из АТ про ФВ: качается в веках повешенный\тысячелетья минут – всегда свежайший и всегда нетленный\никто его не снимет

когда проходил АВ с женой ЗБ (я почему то думал, что у него жена актриса), АТ пригласил его сесть за наш столик

"и это я тебе взамен могильных роз": я прочитал ему на память строчки из "Васильков Шагала". Помните, "лик ваш серебряный как алебарда, жесты легки (етс етс)

он был весьма и неподдельно тронут. В тот вечер "вся москва" шла в дом архитектора на встречу с Аксеновым. И он отдал нам с Хосе свой пригласительный билет

это был настоящий бал в благородном собрании. Триумфальное возвращение из Америки. Да: пена тех дней

l'ecume des jours anciens, так назову римейк-мемуар. Даже: remarque-memoire. Так точнее

цитата из Верлена ("полное затмение" с Ди Каприо) Je me souviens des jours anciens et je pleure

из него же: il pleure dans mon coeur comme il pleut sur la ville. Поскольку сейчас зима и вместо дождя снег. Мои слезы это снег. Il neige dans mon coeur comme il neige sur la ville

как будто "наряд": в военном училище нашем спали по два часа или четыре (два часа "на тумбочке", четыре спишь, потом дневной, словно красавицы, сон,

кофе на меня производит сопорифический эффект. Effet soporifique. Как хорошая музыка

кроме слова эффект мне еще очень нравится слово effort

люблю себя уговаривать, мол fais un effort, voyons

ночью как рыба в воде. Или в неводе (сеть). У кого то прочитал "абыр". Вот простой пример человеческой зауми.

абыр. f,sh. Посвящается неизвестному акыну, написавшему гениальное "абыр"

"последний сын вольности". Сегодня предпредпоследнее академическое "бдение". В ауд. номер 9

в борьбе содома и гоморры за наше сердце (гламур и трэш – на выбор) есть передышка (armistice)/ богородица цветов сыплет лепестки нарциссов благоуханный снег (Хохловой Стелле

если бы. Нет, без "если бы да кабы" (кстати, проходя с доктором Угном в р-не Староневского у Лавры, в направлении финского супермаркета, видел афишу "Кати Кабановой" (о Яначеке впервые услышал от Шлендорфа ("жестяной барабанчик"

если б предложили сделать книжечку, попросил бы у АБ фотографию с космоса для иллюстрации нашего жилья и крестиком на ней пометил бы нашу боголюбовскую обитель на Неве

а пропо: АБ прошу не путать ни с Александром Блоком ни с Ахм. Беллой (наш некрореализм)

на этом чудесном снимке, сделанном из космоса, видны и Ладожское озеро и финский залив и Нева. Все в свечении

в принципе (как любит говорить АТД), это римейк "писем валаамского старца", книга столь любимая мной. В двух экз. (один, кажется, подарил). Из Финляндии привезла однажды госпожа Райя

с утра был звонок от расстроенной и чуть рассерженной госпожи Б. (с западной части снимка из космоса, там где дом Блока, посл. квартира, у устья Невы)

в среду было последнее занятие, будничное без звонка, а писал, что "предпредпоследнее". Иллюстрация к Вольтеру

Госпожа Б. прознала про новый антироман. Юленька, воспитанница нашего приюта, оказывается рассказала ей.

смысл звонка: "все плохо" как название красной книги Кирилла Медведева. Учителю плохо, он стал как ребенок ("но разве он не был ребенком всегда", Нет, сейчас стал хуже, капризничает

мышка бегала всю ночь, пыталась грызть душевую кабину, баня стоит сто шестьдесят рублей, Б.А. умерла. Госпожа Б. ожидала сочувствия и утешения

кстати, двадцать лет тому назад, где то на полустанке в р-не Зеленогорска (север на снимке из космоса), госпожа Б. с девицей Мариной из Львова (навещали в Комарово учителя)

госпожа Б. сказала трагично "учителю очень плохо. Предстоит тяжелая операция. (наверное умрет). Двадцать лет тому назад

"смерть в Венеции. Жизнь в Петербурге", написал я когда то на розовой обертке шоколада "гейша". Посв. Паоло Гальвани

С Еленой Андреевной мы пришли навестить Паоло в мариинскую больницу

Точнее дело было так: я пришел первым в воскресенье, но у него уже сидела хозяйка пансиона с ВО, где он проживал. Потом, когда собрался уходить, в конце темного коридора появилась с веточкой березы

Елена Андреевна. Был троицын день, воскресенье. Мы пришли навестить Паоло Гальвани в бывшей больнице для бедных (ныне – Мариинская). Там где умерли М. Кузмин, бабушка Бьорка

опыт мемуаров, римейк граммофон. пластинки "по волнам моей памяти"

Елена Андреевна тогда произнесла "Паоло, как же тебя угораздило?" (голос ее звучит до сих пор, прекрасный тембр, как в записи)

Паоло угораздило быть серьезно побитым (грабитель его привязывал наручником к батарее, угрожал черным револьвером). Паоло признавался, что прощался тогда с жизнью

на мой вопрос "был ли грабитель красивым и молодым" Паоло, кажется, отвечал утвердительно

учитель отказывается лечь в больницу (стал вообще капризным как ребенок). Далее называются болезни в стадии обострения

потом госпожа Б. спросила "давно ли я был на кладбище". Давно, признался я, с красного лета

она сказала, что хочется, но холодно (поехать на кладбище). Прекрасная точность: и хочется и холодно. И снежно

я удивился, как госпожа Б. все прознала и про роман онлайн (боголюбовская Юленька рассказала) и про встречу на Фонтанке

а между тем мой б. сирота разбил себе локоть (вчера поздно вечером, катаясь с горки)

как же тебя угораздило (подражаю Елене Андреевне, повторяя ее интонацию)

вчера купил скотч, поролоновой ленты – утеплял окно в игуменской своей комнате

в кухне скита тепло – сирота ходит голый

от холода я две ночи не мог заснуть, вспоминал песню "цветы у дома" (про эту ледяную чистоту)

нет, про эту ледяную пустоту. Пусть и чистота и пустота послужат худ. правде

кстати, эту песню любил (а может б. и любит до сих пор) Александр Д. фон Романов. Его даже прозвали "трава у дома". (опять перепутал траву с цветами)

confusion is my style. Конечно, стиль это уж слишком, но элемент, стихийность несомненно. Сумбурность мысли "встает река моих стихов"

тревога вот мое истинное призвание, да Поль Валери, двадцать лет тому назад. Теперь еще и смятение. Тревога стала тревожностью

задумал цикл – опять же в тревожно-смятенном ритме онлайн – "De l'aage" (из Мишеля Монтеня – далее ММ). Старофранц. "L'aage". Помните у Франсуа Вийона En l'an de mon trentieme aage

все смешалось. Это и есть confusion. Были прекрасные: ясность, откровенность. Прекрасные и беспощадные (nice and cruel) теперь еще и это замешательство, смущение, прекрасная путаница

пример: парсуна

вчера, вернувшись с прогулки, перебирал фотографии (как у Тютчева: только, не сидя на полу, и не швыряя их в огонь)

и не свои фотографии, а чужие (альбомы юношей). Даже позвал сироту (боголюбовского), показал некоторые из. Чтобы и он подивился на красоту сего падшего мира

введение во храм пресвятой богородицы, праздник Оптиной пустыни. Вспоминаю монастырь (двадцать лет тому назад) в снегах

Введение во храм. И улица еще Введенская, где жил АБ на квартире отчима, на Малой Невке (см. снимок из космоса)

вот АБ: родился на Неве, потом жил на ВВеденской, напротив Выборгской стороны, а последняя квартира, с одной стороны на б. реки Пряжка, а с другой – у самого залива, где верфи

снимок из космоса (А. Богуша) перевернул мои представления, вызвал замешательство. Затем все улеглось и наступила прекрасная ясность

вдруг (опять как б.) захотелось послушать Жоржа Брассенса

как все странно, странно. Страшно

глючила стена

problemes avec le mur все сложно со стеной в посл. время.

попил кофе и затеплил восковую свечу (у стены). В том числе для тепла. посмотрел за окно на Неву: набережная спит в электрическом сиянии

вспомнился снимок из космоса (сделанный Богушем). Нева, наша обитель отмечена крестиком, Ладога, финский залив. Все в сиянии

вчера сироту посылал в Ашан (вид послушания) за продуктами. Вернулся довольный, рассказывал о социальной утопии, городе солнце, рожд. мишуре

молитвенное правило игумена невского скита боголюбовской обители

сопорифический кофе эффект дает себя знать

il y a quelque chose qui cloche

cloche, j'entends le mur qui ne marche plus bien, la faute a Voltaire, sans doute le mur, c'est a dire l'ecriture murale, le retour a l'age du mur

contre le mal mortel il n'ya pas de remede dans le potager (et cela en latin, vu sur le mur de Nikita)

pas de remede dans le potager! mais il faut cultiver notre jardin

au roman je prefere aujourd'hui novel, car il s'agit d'un nouveau roman (et c'est the novel par excellence) et anti: puisqu'il n'y a plus de remede contre le mal mortel (dans notre jardin

le mal mortel (ensuite, MM)

choisir entre deux mots (parmi deux maux)

le moindre mal et MM (ensuite: mm, MM)

je suis force d'ecrire en franglais car le mur...etc etc

on m'a change ma vie, elle a pris tel un fleuve un autre lit (Anne Akhmatova, ma version

le fleuve ne bouge plus, il est gele. La Neva/ c'est a dire: masculin feminin

et moi aussi comme ce fleuve, je deviens glace et neige en hiver. Mais c'est aussi une apparence, il y a un courant sous la glace

et moi aussi comme ce fleuve, je deviens glace et neige en hiver. Mais c'est aussi une apparence, il y a un courant sous la glace

il faut ecrire a Azamat (miel d'Azamat et lui expliquer cela: je ne suis pas venu faire mes adieux apres avoir vu DPS. Et par la force des choses (on m'a dit etc etc

les derniers temps, je me sens au bord des larmes (faible, faible

'un rien suffit pour declencher une crise de (je suis en train de composer une lettre a Az de miel/ Ou mieux: au Miel d'Az. Cela ne fait rien un peu de miel, mais cela m'a fait un grand bien

a la suite de Giacometti je peux dire que je tourne autour (il parlais de ses recherches autour d'une sculpture, de ses eronnements, de ses

l'idee de tourner autour cela me convient. cela me parait tres exacte. l'idee de marcher, de bouger autour et ne pas rester immobile (devant la parole

ne pas etre fige comme le fleuve en hiver , d'ailleurs on a vu, que c'est pas le cas: cela coule sous la glace

je tourne autour (la dance des derviches. J'en ai deja parle

tourner, cela veut dire penser

tourner cela renvois aussi aux tourneurs, aux menusiers et charpentiers

tourner, c'est aussi une promenade, une causerie aussi, mes themes dada

postmoderne n'est pas postmodernisme/ isme veut signifier obsession

postmoderne est un courant qui n'est pas depasse en Russie/ mauvisme, c'est le mot que je prefere/ et les plantes medicinales, et les herbes folles de nos jardins

mauvisme dans le sens aussi de "pardonnez ma mauvaisete"

les chants et les dances rituels quand il s'agit d'un mal mortel (ou d' un petit bo bo

mon novice vient de sortir (pour faire des emplettes. C'est son obedience aujourd'hui

lettres d'un staretz de Valaam (remake

oraison (y compris funebre), pompes funebres (GG) Les neiges blanches et nos soutanes

quoi de neuf quoi de neuf (repetition c'est notre mere academique. Mater studiorum/ mater dolorosa. D'autre part, apprendre a poser des questions

dans mon nouvel novel (novel de noel, pour enjoliver que je suis en train de composer et un peu d'ecrire/ a bon entendeur salut!

l'ecoute de bibici est mon obedience d'igoumen pour le jour d'aujourd'hui

de Blok Alexandre je me souviens cette strophe "personne ne dira que je suis fou (traducton litterale

Bounine plus tard dira (dans ses "Jours maudits") "Blok etait fou comme sa mere (etait folle

Personne ne dira que Bounine etait fou (etc exemple de ritournelle

j'aime cette formule "personne ne dira"

mon hero s'apelle Bjork, je rapelle

je ne suis qu'un author

homme povret qu'un author (allusion transparente a F.Villon, a sa "priere de ma mere a Notre Dame"

heureux celui qui se sent pauvre

j'avais toujours le faible pour la peinture dite naive

sur les ondes de ma memoire (titre d'un disque d'antan

sur les ondes de bibici. Ces courants: ceux de bibici et de ma memoire, courants et contre-courant. et le golfstream de la pensee. Ocean (de Lautreamon. cela va de soi

et le zob d'Anna

je veux dire le membre viril qui poussa dans le jardin (mental) d'Anna/

histoire de reintroduire Anna dans le nouveau context (et par consequant, dans le nouveau novel

j'aime ce mouvement de la navette de mon métier

periphrases et remaniement de textes anciens/ Par ex. Rakhmaninov: ayant perdu la Russie j'ai perdu la faculte de composer (cite de memoire

ayant perdu mon boulot (d'enseignant) j'ai retrouve mon metier d'artiste

on peut le dire ainsi

BG (le cheri d'antan comme la neige poetique), mon novice, orphelin de Bogolioubovo vient de rentrer (deux sacs de provision dans ses mains

je trouve des paroles chaudes pour le remercier et l'encourager

et apprendre a travailler, de nouveau ce slogan de Blaise Cendrars

reapprendre a vivre (Anne Akhmatova). Deja trop tard (George Brassens)

deux madames B.: Barakina et Barakhtina dans le "nouveau roman"

стена вновь ожила, заработала. История стены

из-за глюков "стены" пришлось писать на иностранном языке. С другой стороны этот опыт мне понравился. То что французы называют depaysement. Имея ввиду смену обстановки

чудесные музыкальные иллюстрации и картинки с выставки. Хоть слово "интерактив" звучит диковато

Le general Dourakine графини де Сегюр, урожденной Ростопчиной. Madame Barakine (de Bjork

sel et cierges de cire, le nouveau roman

позвонила в скит госпожа Б. и посоветовала вымыть тщательно с солью пол и стены и обойти со свечой справа налево

Богуш сфотографировал землю из космоса

реклама МРТ (апельсины и под лупой сочная мякоть). Так снимки из космоса: крестиком помечено, где наша обитель

опять какие то атаки марсиан на мою стену. Все заливают краской и ставят желтый треугольничек и вместо числа Зверя – воскл. знак

сирота вернулся с прогулки по рыхлому снегу

Юрий Рытхеу, рыхлый снег (упражнения на аллитерацию). Опыт воспоминаний: приезжала австрийская девушка брать интервью про снег (у него)

учиться жить в условиях помех. Хотел написать "писать". Так, наверное, вернее

: и с любопытством иностранки, плененной каждой новизной. Кавычки. заготовка для нового романа про новизну письма (и снега)

патина нового романа и любовь к пасте Гойя

курсант Трудков чистил медную бляху и я спросил его про пасту Гойя. И получил утверд. ответ

Сирота и я, его игумен

хор солдатских матерей и новое общество защиты боголюбовских сирот. И Брижжит Бордо (далее – ББ), приглашенная в Москву на встречу

намек и рефрен: краеугольные камни, красные нити. Вид послушания: ткать половик (как в архангельской деревне. И еще: восковые свечи

зажечь свечу (затеплить, в том числе для тепла в зимней комнате), включить бибиси – и не заплакать

пора собираться в "порядок слов" (на тему "пора мой друг пора")

несмотря на метель, вечер состоялся, недалеко от моей родины, на противоположном берегу р. Фонтанки. Единственно, из за снега чуть нарушился "порядок слов"

ждали анемоны (до сих пор я их видел на картинке или принимал за сорт пионов). В артист. уборной в вазе – хурма, чай. А какие люди пришли! о каждом из присутствовавших (в основном – писатели, поэты, мемуаристы) можно вести отдельный разговор

"ушла. Но гиацинты ждали" эпиграф к вечеру на Фонтанке. Надо только подумать, почему "ушла". Кто была та таинственная незнакомка, кот. ушла. Но анемоны

уже привык к глюкам – даже интересно, как они приходят и уходят. А "немецкий народ остается"

И вчера как в пушкинской метели, кто то (чудом) дошел, кого то пурга заставила сбиться с пути и попасть в другую церковь

фильм любимый с детства. На музыку Свиридова. И вчера такая же атмосфера была

У Гийома А. есть стих о девяти читателях (без устали вспоминается). Здесь и мистическое число и не менее загадочное обстоятельство встречи. Вчера показалось, что кто то из девяти в зале

госпожа Б. спросила про фразу на стенке-доске, как мальчик из сказки/ в таком странном виде запомнилось ergo stupid ergo sum/

госпожа Б. принесла колобок чухонского масла

Андрей подарил золотую ручку на память

стол был в праздничных блестках

Елена – la belle Helene – была в черном как невеста из фильма Трюффо

каждый – как три короля-волхва – пришел со своим даром (чудо о читателях)

сейчас и здесь в моем заснеженном скиту, в благоговейной тишине, молюсь о читателях и каждого благодарю за дар

к сироте пришла ученица заниматься начертательной геометрией. Его послушание – давать уроки н. геометрии

конечно по мере удаления от чудесной встречи (по выражению В.К.) многое будет проясняться (смысл той загадочной фразы на стене, например Дурак. Значит существую

госпожа Б. вся в розовом заметила еле заметно написанную синим фломастером (тонко) на белой стене

дураки и дороги. Метель. Гибель. Князь Никита М. сегодня велел вывесить бюллетень о здоровье (37.9). Мол не пришел из за болезни

дураки и дороги (далее – ДД)

"дураков у нас нет", выражение моей тетушки

в кофейне "Абрикосов" среди бамбука, зеркал и шинуазри (выражение Элен, за окном феерический Невский проспект, – тихо празднуем. Доктор У. угощает (для аллитерации

Элен обеспокоена моей "новой серьезностью". Я успокаиваю ее, мол это педагогическая патина, "выгорание" о котором говорил курсант Алексей Аринушкин. т.е.: бледно-зеленое с черным

на св. воздухе, выполняя послушание игумена, дай Бог, все пройдет

"и печаль и радость"

в посл. годы как утешение выпадает снег. Последние годы – эсхатологическое выражение, (почти) апокалиптическое

Стелла едва нашла дорогу домой. Шла на золото куполов (сине-голубой собор буквально растаял в пурге). Не было сил помыться, поесть. Уснула. А когда проснулась и хотела выйти – сугробом завалило дверь

пора идти благословлять трапезу. Ученица (сироты) ушла, он гремит кастрюлями на кухне скита

сегодня в Голландской церкви на Невском после шести часов

да, он был этот вечер. На тему "он был или не был, тот вечер". На тему (еще) нездешних вечеров и снежных утр (не уверен, что существует "утр". Но пусть. Рассветов

про дураков и существование. Напомню, что в разгар вечера на стене слева явственно проступила надпись про дураков и существование. Почти уверен, что многие заметили те синие строки (вдруг проявившиеся как в криптограмме проявл. текст, написанный симпатич. чернилами. Цвета анемонов

когда я вернулся к обдумыванию темы ДД, смущенный и растерянный ее необъятностью и неподъемностью (как снежный ком, о котором пишет ДВ), спасительной (соломинкой) показалась фраза ЖПС "ад это другие"

да, ад это другие (hell is other people!) а поскольку ад это (наверное) концентрированное выражение дураков (куда ведут дороги) далее мысль стала ветвиться веселее

во время (исполнения) молитвенного правила вспомнилось и определение ада митр. Сурожским Антонием: Ад божественной любви (далее – абл)

и то, что именно госпожа Б. (пришедшаяя на вечер в розовой куртке несмотря на метель и в шарфе цвета персика как гейша) заметила ту таинственную фразу (ergo stupide ergo sum/ puisque fou (donc) existe

кстати, это был один из самых теплых и душевных вечеров (совсем рядом с моей родиной – домом Лидваля, известн. еще как "толстовский"

Елена Курмеле подарила блокнот "музей Ф. М. Достоевского. – далее ФМД. – в Санкт-Петербурге

"и белый белый снег до боли очи ест" и белизна монитора слепит самоедские глаза

название с детства слышимое – пьесы Пиранделло "шесть персонажей в поисках автора". Любопытно: нашли они или нет. Пример моего терпения: не удосужился узнать до сих пор, дожив до волчьей седины

серия автопортретов автора (то, что они очень любят). даже я, игумен невской (боголюбовской обители. Скита-приюта), подвизающийся, казалось бы, в созерцании бесплотных сил (a suivre)

и то впадаю вдруг во внезапное созерцание собств. отражения (в "порядке слов", в артист. уборной, где в ожидании вечера пил чай из зеленой кружки и ел хурму

конечно, элемент неожиданности как на войне (в искусстве)

с другой стороны, художник Хвостов, упражняясь многие годы в искусстве автопортретирования, может быть – таким окольным путем, дошел до самозабвения

помню его выставку на развалинах константиновского дворца, под лестницей (не знаю как правильно называется арх. деталь. Прекрасное место и удачная выставка. Фотография "на память": Хвостов, Спирихин, Глюкля, Цапля, Бьорк. Под дубом

да, а мы долгие годы избегавшие собств. отражений как генералиссимус Суворов Александр Васильевич, вдруг находим себя в артистической уборной (перед зеркалом

вспоминаются старые строки из стансов к Малибран

кофейная пауза (пока в скит не приехала инокиня Наталья с визитом. варить борщ моему сироте

"моему сироте" борщ потому что редко соглашаюсь его отведать (вкусить) ибо должен соблюдать священноначальственную иерархию. Хотя и часто трапезничаем вместе (за столом Райскиных). Но едим по уставу все раздельно

"жизнь без начала и конца. Нас всех подстерегает случай". Так случилось, что эта фраза стала сакраментальной. И теперь, когда сочиняю римейк "писем валаамского старца" (усл. название Highest degree) etc etc и главное – продолжение цитаты

вчера вечер у доктора У. у костела (наполнить текст гудением

Елена убежала как мадам Б. (кстати, третья Б. уже

также и с Димами было: Селиванов, Улитовский, Конокотин и даже четвертый как рим Ильтубаев

новые цифры и имена. И девять читателей как триста спартанцев. Фонтанка и Фермопилы (буква ф)

летом сирота приносил полевых цветов с прогулок в промзоне. Я ленился привозить с летней резиденции ("из "Березки", игуменского имения: пионы, нарциссы, тюльпаны, турецкую гвоздику, гладиолусы

есть цветы, называемы по французски les capucines (как мы – монашествующая братия). Оранжевых оттенков, малиновых и желто-лимонных насадил под яблоней, вишней и сливой

жанр "стена" форма – записи, "слова". Здесь опять – и Сартр и Жан Жене. Богородица цветов. И Хлебников неизбежно (труба гюльмуллы)

это не дневник. может быть майкроблог из за красоты и необычности слова. В смысле, что хоть горшком назови. Майкроблог и есть тот горшок

когда автор сочиняет это всегда горящий куст (для кр. словца – говорящий)

показалось немного странным и в то же время сразу нашлось объяснение – дидактичность и афористичность (мниные, конечно). Дидактичность понятна из за пед. практики. "не объясняйте" был завет учителя

Таня сказала, что учитель расстроился, узнав о том, что я лишился педагогического места (полставки преподавателя английского языка в бывшей медико-хирургической академии

женские голоса: учитель сказал Тане, которая передала Елене Курмеле. Ретрансляция. И это сквозь пургу, помехи

архимандрит Н. сказал, что надо менять послушания. Obediences

как А.А. прошу поставить во дворе бывшего Воспитательного дома (им. Герцена) памятник толстому мальчику, кот. я заставлял переводить из "клиники и критики" далее КК Делеза)

напоминание "Сегодня день рождения Дмитрия Кузьмина". С днем рождения, дорогой Дима!

mieux vaut tard que jamais! посылаю и другому Диме (вообще тема Дим) поздравление с др. С другой стороны, поздравил его в "порядке слов". А помнится, (...) лет тому назад отмечали его др в ериховском обществе на Морской

да, кстати, о порядке слов. Один из читателей написал мне, что "хотя и было немного людей " – мне вспомнился вечер в Голландской церкви, где мы читали с Сергеем Бехтеревым и боголюбовскими сиротами из БV

и мне вчера во время прогулки вдруг четко представились параллели между "чеховскими мотивами" – сценой в церкви и нашими вечерами. В том смысле, что наши вечера были похожи скорее на богослужения

т.е. a rebours (посв. Вячеславу Кондратовичу)

как Жана Жене одолел какой то пассеизм

да, Андрей, и намеки (Посв. АБ

когда прохожу мимо армянской нашей церкви вспоминается АБ (когда то как в пушкинской метели мы были с ним случайно там повенчаны)

вчера в скиту молились о князе Никите М. (лежащем на постели болезни.

Стелла и ее сурок Ники (фотография эпохи возрождения

когда читатель из середины зала (по имени Александр Сергеевич) спросил про Андре Макина, я тогда не сообразил сказать (а точнее не вспомнил о его романе про Ольгу Арбелину

имен как снега намело. Все это иероглифы Бога. Кстати про Айги: однажды мы разговаривали с ним в музее Блока

была выставка художника Улангина (далее – худ. У). У меня хранится его работа "философ"

что тогда сказал Айги? можно сказать, что "не помню" и это не важно. Бо, даже молчащая фигура писателя говорит много

но я помню, что он тогда сказал. Я спросил его про Елену Андреевну. Вернее, поделился с ним своим "открытием" ее (вдруг она открылась мне на чтениях в фонтанном доме)

"а правда, что" спросил я у него. Он ответил "о да!" и сравнил ее с Еленой Гуро (для Геннадия Николаевича это высшая степень сравнения) и сказал, что хотел бы организовать фестиваль

фестиваль женской поэзии по линии финляндской железной дороги (с такими именами: Эдит Седергран, Елена Гуро, Анна Андреевна, Елена Андреевна)

у меня есть проект. Мне нравится слово "проект" из за необязательности осуществления. Проект например написать ажиографическую брошюру или брошюру по изучению иностранного языка. Потому что учебник пишу

можно сказать "учебник уже написан". На вечере в "порядке слов", похожем на службу в молельне поморской общины, я показывал один свой учебник (Idees, cadeaux) написанный для Даши Алпатовой

второй свой учебник (в соавторстве с госпожой Лукрецией Уокер) забыл показать. Написан специально для курсантов и слушателей медакадемии

у доктора У. (у костела св. Екатерины) видел записную книжку с иллюстрацией Карла Шпицвега. И вспомнил (как помните "я Брамса услышу"

в свое время Василий Крючков мне привез из Германии альбомчик Карла Шпицвега. Zwischen Resignation und Zeitkritik. Это и есть настроение нового антиромана

как сказал профессор Rybalko (из американского университета, Сэн Луи) "кто говорит "постмодернизм" ничего не понял в постмодерне

как сказал св. праведный Амвросий Оптинский "кто разговаривает во время службы, тому Бог посылает скорби" (фраза-римейк из "чеховских мотивов"

сироту благословил сходить в цирк с инокиней Наталией

сам был в балтдоме (как балда – для аллитерации). Но je ne regrette rien. Хотелось посмотреть артиста Володю Баранова

по дороге видел собак хаски. Театр лежал в сугробах. На ступеньках ждала Люба.

в театре-амбаре я не был давно. Представление было на малой сцене. Фею играла несравненная Ирина Соколова (Геббельс в фильме Сокурова, актриса Элеонора Дузе в (...)

Люба это мать Аленки (она говорит "мама как ребенок"). И я решил сходить с Любой на детский утренник в балтдоме

и не пожалел. Полюбовался сталинским ампиром (сравним с театром Советской Армии). Публика! дети из интернатов, не было только солдат и суворовцев, нахимовцев, кадетов

Люба ела орехи во время спектакля, смеялась, разговаривала, так что иные серьезные дети на нее смотрели с укором

у Любы перевязана рука – она работает сиделкой и дворником в богатой семье. "Убирала снег", показывает синяк на запястье

Аленка уехала на заработки в Москву (нашла место бутафора в театре). Аленка мастерица (со Стеллой они работали вместе в пермском театре оперы и балета)

Она делает маленькие книжки. На выставке в фонтанном доме ее книжки вызвали восторг

с Аленкой у нас проект (типа театра ампир и маленькой сценой в нем)

Аленку я нашел в мастерской Глюкли (там она шила, танцевала). Однажды она показала мне удивительное издание (книга побывала в морской воде, сине-зеленой, просолилась, потом Аленка обожгла ее

не помню какой был текст (какой то роман, кот. Аленка читала в Крыму). представьте красную книгу в твердом переплете побывавшую в зелено-голубом соленом, потом в огне. Черное белье (как у студента)

сначала меня (сурового валаамского старца, строгого игумена б. невского скита-приюта) смущала любина непосредственность (полузгайте семечек), поведение во время спектакля, где даже дети (етс етс)

потом мне стало весело. И когда спектакль закончился и мы с Любой вышли на улицу – другой спектакль – СПб бай найт. Новая волна восторгов. Вспомнилась та муз. педагог из детского сада, полковничья жена

римейк "простого сердца". Опять же, если надумаете ставить памятник моим студентам в им. Герцена (отразите на нем детей, читающих "простое сердце". Особенно Романа. "Аристотель пришел, можно начинать", пошутил Бернар однажды

я пригласил Бернара почитать студентам из Флобера (в тот день пришел один Роман. Он ходил почти всегда. И Бернар, видя мое смущение, сказал "Аристотель здесь, можно начинать"

да, пережил все волны восторгов детского и женского любиного сердца. Любу отправил в сторону музея сновидений доктора Фрейда (это не каламбур, а прозаизм: в доме, где она ночует нах. институт психанализа, при нем – музейчик сновидений доктора Ф.

некоторая усталость от прожитых дней (просто фраза. Как на уроках шитья или вышиванья)

все-таки мне интересен Даррел тем, что воспел Александрию и Кавафиса.

практически римейк александрийского квартета (но не читал одну из четырех). При всей, казалось бы, удаленности от города и автора. Но все же все же вспоминается. Именно вышиваньем восторгов и вздохов

после спектакля про "сказочное королевство" сам оказался как будто в сказочном из за иллюминации. Белые ночи наоборот. Все искрилось и сверкало. Проходивший итальянец сказал "белиссимо" и мы с Любой это слышали. Холод и красота

"каждый раз после бала веселого возвращаетесь без головы". Мой король вы теряете голову. Видел проезжавших в карете королей. И финскую королеву

вернувшись в скит, прочитал в ленте новостей, что пустили поезд (типа TGV) между Хельсинки и Питером. Аллегро назвали.

найти место у Иезекииля, где говорится ("кто живет подолгу на одном месте, тому простятся многие грехи" на тему "кто разговаривает во время службы"

будни игумена боголюбовского (далее – б.) невского скита-приюта. "Утро помещика". У Федотова "утро аристократа". Утро сироты б. приюта. Игумен ходит в двух халатах, сирота как Адам (до грехопадения

сирота послан в Озерки (послушание – преподавать начерталку)

а пропо: однажды одна сестра Белова сказала, когда я употребил слово "болванка" (я от Вас не ожидала! мягко, но с укором.

Болванка, начерталка. Милые такие слова

Я люблю слушать речь. Так раньше я любил гулять вдоль моря (когда жил в Одессе)

сейчас главное послушание (obedience) – писать роман он лайн. Это по сути продолжение исследования речи. Театр. Кинотеатр речи. Розанов, Гольдштейн. Монтень ("замахнулся на старика М." скажет мой сирота

римейк "опытов". Cruel intentions? Liaisons dangereuses

недавно доктор У. спросил по поводу строчки "странно, странно. Страшно". де мол почему "страшно". Просто для красоты. "Красота страшна вам скажут"

Мандельштам писал "люблю бояться", я, пожалуй, кроме "бояться" люблю еще "путаться". Отсюда любовь к прогулкам, разговорам

Путаться, сбиваться. Ведь в котле слов как в картине у Гете, где в чане варится зелье, все бурлит. Но зато, вдруг (етс етс)

один из любимых фильмов – Фасбиндера "SatansBraten"

вчера после упоительной прогулки по морозному воздуху (как фея), вернувшись в обитель, листал альбомы уездных юношей

еще в иерархии наслаждений – спускаясь все ниже: после любви, музыки, бани – листать и читать альбомы уездных юношей. Столичных – менее интересно. Но это все спорно, конечно. Пока просто не попадалось

а пропо: этот фильм Фасбиндера смотрел давно-давно в кинотеатре-кирхе ("спартак"). Кинотеатр стал кирхой св. Анны (на Кирочной)

мне особенно нравится эта метаморфоза: из кирхи в кинотеатр и снова в кирху. (пожары: в них бегали саламандры

Аленка прислала сердитое, но прекрасное письмо. Стихотворение: может быть дуня работает в балтдоме/я уехала в москву не на заработки/глупо

я ответил прозой: Ваше "глупо", сударыня, звучит весьма умно

из такого сора (и ссор) рождаются строки (здесь намеренно не пишу поэзия\ проза). С другой стороны, "лезвие" между двумя п. довольно острое

старший доктор (чтобы не спутать с доктором У., не называя его при этом младшим, как мужей НР. И чтобы не было опять обид, сердитых писем, – так вот ст. доктор сказал, что хожу по лезвию

"лезвие" на совести старшего доктора (он же – мой друг доктор. ДД)

ходить по лезвию это йога. Мне же христианскому пастырю это некстати

пойду на прогулку по заснеженной набережной, в сторону Ломо (пример сленга, обозначающ. топоним. Название ст. метро. В копилку к "болванкам"

некстати и неудобно – ходить игумену по лезвию

из запомнившихся книг назову "в поисках жанра" Аксёнова

это было на некотором "безрыбьи" тех лет. Потом я стал читать по-французски как ребёнок-Пушкин: читал запоем все книги из трофейной библиотеки Военного института (от Руссо, Вольтера, Монтеня до "криминального чтива" (pulp fiction

чтение стало моим настоящим "secret garden" в дортуарах на Яузе (между Лефортовой слободой и Андрониковым монастырем, где по преданию похоронен Андрей Рублев)

конечно, когда я пишу "читал" прониц. читатель поймет что речь идет о "листал" или испытывал экстатические состояния, листая страницы

то время мне представляется "золотым веком" (то есть, когда само понятие "время" еще не придумали. Тогда я уже писал строки на французском. Хотя "новый роман" (Саррот, Клода Симона – в основном, этих авторов. Меньше – Роб-Грийе, Бютора) открыл позже

при чем почти все вещи Клода Симона читал на немецком, кроме "Трамвая" (Le tramway)

опыт воспоминаний. Однажды гуляя по швейцарскому городу Б. увидел маленькую мемориальную доску "Здесь де жил Песталоцци", своеобразный намёк мне на будущую пед. практику

сейчас, когда я оказался уволенным со всех пед. мест, могу потихоньку подводить итоги этой практики. При всех моих заблуждениях и просчетах, я надеюсь не был слишком "душным" п.

когда я произносил слово "педагог" в аудитории, студенты навряд ли чувствовали иронию (само слово "педагог" из языка консерваторий, балетных школ (и театральных)

основным правилом моей педагогической системы было "не мучать бедных ребят"

с другой стороны я любил повторять детям, что педагогический процесс это садо-мазохизм, спрашивая при этом "а кто такой маркиз де Сад"? или "барон фон Захер-Мазох". Как правило, рассказывать об этих больше чем писателях мне приходилось самому

русскому человеку (если такой существует) необходимо запомнить такое изречение Талейрана "surtout pas trop de zele"

в течение всех этих пед. лет я как молитву повторял этот слоган.

моя педагогическая система, говоря немного патетически и высокопарно, это опыт, усвоенный в альма матер – родном Военном институте. В двух словах это флейта и барабан плюс некоторые (псих.-педагогические) озарения

как и медицина недалекого (уже) будущего педагогика должна быть индивидуальной, превентивной, партисипаторной (предполагает вовлеченность в процесс обучаемых) и (придумать еще

как и медицина недалекого (уже) будущего педагогика должна быть индивидуальной, превентивной, партисипаторной (предполагает вовлеченность в процесс обучаемых) и (придумать еще

когда водил Любу в театр в воскресенье "увидел" очевидность "этого" (визионерство в условиях магической реальности): огромный и прекрасно ненужный академический театр и маленькая сцена, где Ирина Соколова (Геббельс в "молохе"), В. Баранов "правят ремесло"

причем Володя в тот день не был занят, но я "увидел" его великолепную игру
мне кажется, что и мне удалось в огромных и ненужных уже академических зданиях создать свою "сцену"

вместо мемориала замученным детям в имени Герцена (умершие дети в виде ангелочков на фризах там поют до сих пор) – бросаю благоухающие "цветы" добрых воспоминаний – в Мойку как в воды Дуная

неужели все-таки выбор лишь между двух: "трэш" и "гламур". Как Resignation und Zeitkritik?

понравилось то, что Лосев пишет о Розанове

возвращаясь из ада присутственных мест

поднимаясь из ада пм, спускаясь в метро, вижу знакомое лицо: в доли секунд происходит узнавание (по началу мне кажется, что это Б. – но он же в Финляндии? когда его лицо озаряется в улыбке, узнаю! это Свят

Святослав.

эти улыбки в пасмурный день: consolation et bonne nouvelle/ et un peu de soleil dans l'eau froide

наивное письмо и простое/ un peu art brut

весь день молился за Наталью Романову

homo qui ad foelicitatem iam peruenit per frenesim aut litargiam ab ea non impeditur Человек, который достиг счастья, не лишится его ни в безумии ни в летаргическом сне

красиво. Прочитал у отца Сергия. Автор – Пико делла Мирандола.

в нужное время появляются формулы. Как-будто предлагаются ответы на вопросы, кот. вас тревожат.

блажен, кому хватает терпения дождаться в наших снегах. Терпение в слове пациент и в слове страсть

АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО

ВПАДИНЫ НА ГОЛОВЕ

> <...> Из них первая не имеет индивидуальности, отличной, вторая обладает ничтожной индивидуальностью, третья же имеет совершенно очевидную индивидуальность и потому не должна быть отторгнута поэтом, подобно другим.
>
> *Дхваньялока, Часть четвертая.*

1.

Нужно ли было опрокидывать чаши данаид, корзины с дарами, канувшими в прошлое? Вопрос и далее может обрастать пышными друзами сравнений, оставляя в явном неведении относительно возможного извлечения смысла.
На деле все оказалось куда проще: несколько коробок с «визитными» карточками, рухнувшими в бездны ивовой корзины. Падение их на дно существования приоткрыло на миг один из них — прямоугольник совсем уж не бристольского картона, а бумаги, как раньше писалось, имени Ватмана. Вейцмана? Не знаю. Раскрыть руки и дать уйти. Также не совсем отчетливо понимаю, почему шершавая, зеленоватая на просвет бумага, под стать окну столовой на север (в сад), занесенному снегом в какое-то аквариумное утро февраля выше крыши, обнаружила отношение к мистическому г-ну Ватману. По графе в перечень: ветренная зима, учителя черчения, косая штриховка мертвого от такой же воды внутри графина, рихтеровская (если не ошибаюсь) готовальня... и все это — оттуда, как и я. Так же никчемно. Если ты никогда не жила там, есть ли смысл выслушивать твои рассказы о тех местах. Иногда вопросительный знак становится проблемой безопасности.
Оттуда урочные (буквально) появления у февральского, а подчас майского окна моего tutor'а, Александра Вениаминовича Цукермана. Он появлялся в 6 с чем-то утра. Под сенью серой федоры, скрывавшей patchwork его черепа. В 6:10 за отцовским письменным столом мы начинали унылые истязания адаптированного Робинзона Крузо. Шляпа таяла в поднебесье. Случалось, он рассказывал о Варшаве. Но чаще, впадая в понятное изнеможение, поглядывая на карманные часы, как истый педагог он прерывал мое беспросветное мычание историями из жизни, а когда я принимался таять вслед за шляпой, Александр Вениаминович Цукерман пальцем, засунутым внезапно в горло до основания черепа, — чтобы не зевать, — легко возвращал к действительности.

Истории казались волшебно-краткими и странными едва ли не до слова «теперь». Палец чудовищным и неузнаваемо-отвратительным. Много лет спустя я не то чтобы понял, а узнал, что, оказывается, кто-то по полям исчерканного вдоль и поперек «даниэля / чарлза / джейн эйр диккенса» вел меня к хасидским притчам, разумеется адаптированным в той же мере, что и робинзон крузо, точнее его друг. Как его звали? Но кто не мечтал о конце недели? У каждого в детстве был робинзон, цейлонские листья борщовника, цейсовский бинокль, майн рид и история о девочке, несущей в трех корзинах обед для родителей (все накрыто крышками), а у нее тоже, подозреваю, было 6 утра, черчение, учитель географии, а возможно и литературы. Для месячных рано. Секреты истории расплываются в вечных ее разысканиях, точно так же как сама бумага утрачивает пристойность содержания литер в процессе взаимодействия составляющих ее волокон с молекулами времени. Александр Вениаминович Цукерман ходил на одной ноге, вторая была протезом. Своей безжалостной к подоконнику тростью он вселял тревогу в предрассветные грезы домашних и соседей по улице. Ужас, который он вселял, постепенно превратился в нежность. Конечно, он умер. А сколько раз мне повторять слово «конечно»?

2.

Начать с того, что в одно (добавим солнечное, — возможны ли другие?) более чем несколько десятилетий тому, когда торфы под Ленинградом еще не горели *во всю* и на улицах в удручающем количестве не встречались «богоносцы», можно было, продав «штуку» (вазу) в ванильной глазури из заветной коллекции «Сан-Суси», рухнуть в Крым выше головы до одури, — вот тогда-то позвонили в дверь. Начнем с того, что приходит весна и нужно по обыкновению «выбрасывать» (выносить к мусорным бакам не только застрявшие на сто первой странице *mystery,* надоевшие штаны, подарки, — не нужно дарить, — и еще что-то, что повторяется каждый год и будет повторяться, хотя никто не уверен в обратном). Продолжаю, несмотря на то, что несколько абзацев тому был отнесен к иным аллювиям, т. е. к моменту упомянутого звонка в дверь. Я не знаю как начать, т.е. продолжить. Риторическое незнание подчас совпадает с совершенным неведением. Подобное удвоение экспозиции изменяет очертания надежды.

Таким образом, на пороге стоял (позволю памяти ошибаться в описании наружности...) не вполне знакомый молодой человек, которого, как мне сейчас кажется, в миг отворения перед его лицом двери, я вроде бы как видел незадолго до того у Л. П. в Москве.

Нет, вовсе не в той, известной однокомнатной мансарде на берегу неба с гипсовым дельфином, а рядом, через три-десять несущих стен и перекрытий книзу, где в ту пору: он и О. С. жили припеваючи и где уже дышала в полную грудь «Шведская битва». Там был балкон, третья комната, которой не было, а при входе навсегда прибита фотография поэта А. Е. И где «случились» и ста-

ли первые попытки О. С. описать то, что ей казалось невероятно важным в мире искусства. Что было естественно, если учитывать геосемантику китайцев. Остальное отошло на задний план. Так сказать, «мы были такими же как вы, но потом наши сердца ожесточились».

Стоя у порога, молодой человек — допустим его зовут John Doe (какой-то Ваня) — был бледен стеной, словно чистое воплощение «словно». Единственное, что смог разобрать тогда, заключалось в сбивчивом рассказе о том, что «он» (субъект речи) работает для московского «интуриста» и что на нем «повис» какой-то немыслимый индус, и он, этот индус, говорит по-английски, но говорит на таком зверском английском, что никому не распознать ни звука, ни говорящего. Мне часто снится сон, где я должен откуда-то уезжать. Но я никак не могу собрать вещей — свитеров, трусов, ручек, тетрадок, очков (2 пары), галстуков (всегда один, но каждый раз с иным рисунком и непременным жирным пятном в виде австралии); я что-то лихорадочно предпринимаю, т.е. собираю скарб, осознавая при том, что на поезд не успеть. В последнее время мне снятся другие сны. Не взирая на их несколько театральную неумолимость, они по-прежнему благосклонны.

Я жил и продолжаю жить на проспекте Мечникова. Через дорогу находится известная школа «хинди», и, естественно, что «namaste», как, например, и «евхаристе» в других краях и других буквах всегда открывали несхватываемую двойственность параллакса.

Из рассказа пьеро на пороге явствовало, что внизу его ожидает некто из индии и тот уже успел купить два зимних пальто на вате (ватине?) фабрики им. В. Слуцкой, а также одну-две пары квази-кожаных зимних сапог, обитых изнутри фланелью. Не исключено, что упоминался искусственный мех. Иногда в тех, старых снах, я все же чудом успеваю на поезд, но потом оказывается, что поезд направляется не туда, куда надо, я попадаю в ***общий*** вагон, идущий едва ли не во всех направлениях сразу (к тому же какой-то непомерный... там и торговые ряды с уходящими в сумрак прилавками, какие-то кафе, иной раз попадается безводный, изъеденный веками фонтан, наподобие того, что находится напротив Melia Comforte в Сан Пауло... что-то еще, пассажиры кажутся доброжелательными, однако не покидает ощущение затаенной их скрытности, уклончивости, а в итоге все вместе не позволяет вагону преступать собственные пределы изменения... — не об этом ли и Ал-Газали, когда: «лучше всего тот, кого слушание не приводит в движение...») причем я знаю, что даже в случае удачи мне предстоит сделать множество пересадок, лишь после чего смогу попасть в искомое место. Что небезусловно. Много позднее будет приписано — «знаешь ли ты, как я любил тебя», но последнее предложение не будут изучать в школе. Потому что я так решил.

— Я спрашиваю... — произнес молодой человек. — Простите, я еще раз спрашиваю, примите ли вы *нас*?

— О чем речь! — Воскликнул я безо всякого задора, глядя на солнце за сосед-

ней крышей. Белые ночи не шутка. В самом деле, баррель света из залежей белых ночей не уступает по цене баррелю брента, а то и превосходит, в зависимости от конъюнктуры.

— Да. — Повторил я и глянул вниз, — Поднимайтесь и располагайтесь как вам будет удобней.

Он был не один. С ним был такой вот бегемот, источавший доброту и счастие. Остальное может описать любой писатель от 12—80 лет. Однако, даже они не смогли бы вообразить, что спустя час, перебрав и подробнейше обсудив подарки племянницам, дочерям, жене, мы с бегемотом перешли к Шиве, Махадеве, rāmavalī, мы говорили о «тандаве» и Сарасвати (кстати, именно он тогда указал, что Сарасвати не обыкновенная река, но *подземная*, а не просто так, вот, течет по акведукам в голубую воду по синим бутылкам). Не все сразу.

Тридцать или больше лет спустя у меня появилась "исключенная река", но только сейчас, заканчивая предшествующее предложение, я понял, чему обязано это словосочетание. Вначале надо было научиться слушать и верно понимать то, что очень похоже на «правильное», но таковым не является. Его увулярные и гортанные более чем постепенно находили места в улитке слуха. Улитка ползла выше и выше. За окнами стало очевидно прохладней. Молодой человек забытого имени успел подремать, два раза вскрикнуть во сне, принять душ, после чего был снова готов к уделу проводника.

И мы поехали «в гости», в гостиницу «Москва». Я, бегемот и вечный гид. Зина сказалась занятой и испарилась, как поутру роса. В отеле индийский гость бесцеремонно отправил молодого человека в ресторан за водкой, очевидно зная, куда тому суждено уйти — туда, где doormen бродят с пистолетами, проститутки на ветвях режут друг друга в туалетах, а выжившие шепотом цитируют Кавафиса.

Когда тот вернулся, я уже смог сносно повторить имя моего нового знакомого — *Vishwabhar Nath Upadhyaya.* Понимал ли я в тот момент флексию *«yaya»* как некое обобщение? Не думаю, будто тогда мне было известно, что тот: «кто преподает Веды или же Веданги ради снискания средств к жизни, тот называется преподавателем, *upadhyaya».* Следовательно, имя его было Вишвабхар Нат, и — Преподаватель? Тогда почему с прописной буквы? Впрочем, у нас же есть, например, фамилия «учитель». В своей жизни я встречал троих. Учителей может быть много больше. И этой вещи не будет, о которой думали, что лишь она. Ни того, кто скажет о нежной коже, о странном тембре незримой дрожи, о снежной крупе в воскресенье в москве, ни того, кто захочет, чтобы осталось по возвращенью из места, где здесь, с такой же скоростью все уходит. Там. Переходя к другому.

2

Действительно, род его деятельности, насколько я понял, был зауряден вполне. Он преподавал историю литературы и теорию поэтики (начиная с «дхваньялоки» и кончая модернизмом; далее мои знания меркнут в сведениях, почерпну-

тых из беспорядочных источников) в Rajastan University, который в Джайпуре. Последний, как известно, находится в Индии, куда ныне многие вновь зачастили в поисках тонких материй, премудрости, возможно беспечности, ключей власти или одиночества, которое они приносят с собою, как если бы раньше забивали барана. За сорок с чем-то лет история совершила еще один оборот. Главное, не потерять рассудок в рябящих спицах.

Мы пили водку, за окнами стоял тот самый, несколько смущенный стеклом, *smog*, молодой человек вовсе не картинно заламывал руки, — и впрямь: было что-то вроде +40 по Цельсию безо всякого кондиционера, а мы продолжали говорить о словесности (во что с трудом можно поверить), — в 18:00, когда солнце от реки в глаза не оторвать.

В какой-то момент стало вообще совсем не жарко, а глупо. Молодой человек снова удачно спал, свесившись обеими руками с кресла, я хотел пить и знал, что ржавая вода ничего не изменит во рту, даже если окажется водой. Мой теперь уже друг (в жару все происходит быстро) расстегнул и сбросил мокрую сорочку на пол. Он был шоколаден с плеши до лунок ногтей. Рубашка была цвета луковой шелухи, которой красят пасхальные яйца. На цвете *maroon* животе с выпуклым пупком у Ната красовалась витая веревка, обвивавшая его талию (здесь требуются уточнения слова «талия») более чем три раза. На концах веревки болталось что-то вроде серебряных спиралей, колокольцы для агнцев, видимо. И еще, там где-то (может быть, сейчас...) очень подозрительно мелькала в глазах красная нитка, «широким шагом» обвивавшая / прошивавшая (?) эту самую веревку. The Thin Red Line.

Линялая, вне всякого сомнения и сегодня, — но тогда я тотчас подумал, что она как бы проходит по статье медицины, что-то вроде, сказал я себе, нитки для «выправления давления». Vishwabhar Nath Upadhyaya выпил еще полстакана водки и с видимым облегчением вздохнул. Я тоже. Вздыхать без облегчения — нонсенс. Whether it is necessary to speak? Зная, что нужно, а воды было как хочешь, ванная, иди и бери, но только ржавая и теплая, я пошел и вернулся, и по возвращению спросил, зачем ему веревка на животе. Он сказал, что это ерунда, но так надо. Когда я вернулся из ванной, я спросил, а почему так надо?

Vishwabhar Nath (Upadhyaya?) ответил, что если надо, значит надо. Потом мы выпили, и я сказал, что переведу его стихи на украинский. Он пообещал перевести мои (с английского) на «пали». Мы пошли навстречу друг другу, широко раскрыв объятия. Стоять у немытого окна, глядя на реку, то еще удовольствие. Он был пузат, объемен, но удивительно прохладен огромным телом. Я даже ощутил, что «веревка» на его животе гораздо теплее его самого. И тогда я спросил:

— А что? Черт возьми, а что же это за веревка?! — Я хотел, чтобы он сказал сам.

— Ерунда (*hr-hr-ubbish*), — Сказал он. — Пояс брахмана.

Он сказал — belt.

— Хорошо. — Продолжил я, — А купаться? Плавать, например, надо снимать? —

И понял, что, вероятно, не так все понял. Потому что он ошибся в поспешном английском, а не я, потому что не пояс, а «священный шнур брахмана», upavita, свитой из хлопковых нитей. О том, что одна из них красная, нигде не говорится. Между тем, знакомая едва ли не с вершины Аруначала (гора) несколько дней тому каблогировала в ответ на мой вопрос, что все это чушь собачья, поскольку ее приятель в Москве называл upavita не иначе как *«пойты»*.
С какой-то рутинной печалью он добавил, что их вообще в мире 300. Много или мало? И чего / кого триста? Но так, вроде, было всегда?.. Кто их считал? Меняется ли их число? И тех, кто считает. Сегодня последние слова вызывают у меня смущение.
На следующий день прощались. Кофе в непонятном и дрянном даже о ту пору заведении, разговоры о зимних вещах для его дочери (но она, дочь, насколько я понимал, жила там же, в Индии.... меня терзал вопрос, зачем тогда продукция «веры слуцкой»?). Прозвучали обещания писать. То есть, наутро после вечера в объятиях брахмана. Конечно же, никто никому благодарственных открыток не удосужился отправить. Я вообще не стал бы об этом говорить, когда бы не —

3

... весной, в начале марта 2008, — буквально вчера, — сбегая от того, чем расшит фосфоресцирующий веер: *жизнь, передвижения, любовь, инфляция, «путин», форбс, война, распределение, встречи со знакомыми, кризис, футбол, стокгольм, нищета, aufhebung, старость* и т.д. я протиснул руку за книжкой на полке у изголовья. И в нее попала... — при чем понятно, что попала, собственно, книжка, которую я тащил из тесноты ряда, хотя кто уверит, что именно эта книжка была нужна руке в тот вечер?
Кстати, когда пять дней тому убирал «визитные» карточки из жизни, слышал всех... ну нет, не голоса, не *интонации*, скорее некий смутный говор, *намерения* голосов в весьма причудливом узоре их предощущения, — *тех*, кто вручал в свое время карточки; «шелест языка», овеществленный в собственном именовании. Можно сослаться на воображение, на впечатления, вынесенные из прочитанной и забытой словесности. Но возможно ли отрицать, что так и есть, т. е. «жизнь»? Чьей неотъемлемой частью являются кавычки.
Быть может, воображение являет собой отворение лишь одной памяти, поскольку она всякий раз позволяет «представить»? Скорее, нет. Не жизнь, не память. Не смерть. Но что? Несвершаемый переход от горизонта вечно взаимозаменяемых воспоминаний (spots of time) к архитектуре памяти, чьи жернова вращаются в противоположных направлениях, иными словами к таинственной невзаимосвязанности? Кристаллы сравнений очевидно тускнеют. Например, обыкновенная бумага, как аквариумное окно в февраль, когда ветер со степей за Вапняркой заносил порой дом до крыши. И буквы. Едва не забыли буквы. Уверь в обратном. Как и книга, которую ненароком вытащила рука, когда мне эта жизнь попала поперек, словно поезд, на который удается в

результате успеть во снах. Смешно сказать, но книжка оказалась сборником эссе Октавио Паса «In Light of India» («Vislumbres de la India» в оригинале), переведенных на английский Элиотом Уайнбергером. Я не стал улыбаться и перешел к следующей фразе. Сдержанная «коралловая» бумажная обложка. Сверху — «*uncorrected proof*». Снизу «Hardcour Brace & Company», Вроде не книга, а сброшюрованная верстка и далеко как еще до корректора. Даже в оглавлении взамен номеров страниц — оо. Покупаешь за два с чем-то в Strand'е и спустя месяц по выходу в свет на прилавке она уже 30, но это, когда, конечно же, становится «товарным продуктом», а так... покупают, как я. Как и было, пальцы вскоре отлистали эссе о последней встрече Октавио Паса с Джавахарлалом Неру в 1962.

Во-первых, почему я люблю, если здесь применимо слово «люблю», Октавио Паса? Да, поэт. Для меня, думаю, несколько чрезмерен. Быть может, более чем следует пылок в очевидном философствовании, а подчас пышен даже в личных «откровениях» и пристрастиях. Вне сомнения, для меня, русскоязычного, не в меру дидактичен, — но в переводах, а в испанском я не силен. Дело, скорее, в этом... Но, как знать, причиной тому вероятно и его принадлежность даже в те времена — другим временам. И этносу. Что не значит, что я люблю кого-то или в частности Октавио Паса. Он мне нужен для другого. Как написала Мирьяна, «да и самое понятие «прошлого» сделалось другим».

Как бы ни говорить, эссе начинают историю с другого конца. И с не того, о котором я упоминал, — крайняя увлеченность в обожествлении / одухотворении пизды мне кажется даже для молодости подозрительным фокусом, — а, именно, с некоего неизбежного вписывания в определенную экстатическую среду той поры. Сначала носить «беструдную одежду»; и вот... впоследствии где-то мимоходом он пишет на полях — «*есть особый род имперской усталости — раздавленному властью и бремя рабства кажется облегчением*». Неожиданное и вполне элегантное отклонение от «Генеалогии морали». Womaniser, путешественник. Странствующий дипломат с кофрами, которому госслужба стала садами эдема, простиравшимися от Афганистана до Цейлона (так тогда).
Потому как можно сдернуть его книжку с полки, имеющую неразрывную тайную связь с нескончаемым Strand'ом, словом — *синтаксис*, ходьба, прогулка в облаках жасмина и бересклета. Между тем, в книжке: еще ниже, после, где в который раз о его перипетиях парижской жизни, нескончаемых встречах с Бонфуа, Анри Мишо и пр., — и там как раз о встрече с Джавахарлалом Неру. И что же? Персона, приближенная к императорам? О тонкой завязи ядовитых внутриклановых распрей в Индии? Когда бы не одно... т.е. один почти полдень на склоне набережной Ялты.

Что-то вроде песочницы (это — 56 год прошлого века). Дом Чехова где-то повыше, за спиной в пологих горах с камином... Где я живу? В горах Troodos? Нет. Именно здесь, за поворотом, а там, из тени в свет — родители. Я любил от них

отрываться, убегать в конце набережной в парк, воровать смокву (к тому времени, знал, что зеленый инжир не такой как черный), а в песочнице, в темных (больше никогда) шортах и такой же курточке с плеча пиноккио остался стоять полным идиотом, и не было ни сирен, ни цикад, ни данаид, ни «визитных карточек» или каких еще китайских сопровождений к тому, что случилось мгновение спустя. В моей голове пульсировала оперная тишина. Почему? Сейчас станет понятно. На моем темени оказалась ладонь. I give you my word, в каком-то чахло-затененном сквере на набережной я почувствовал головой чужую прохладную ладонь. Тогда я был мальчиком и не был тотально плешив. Очень прохладная (тело помнит), ладонь на темени... и я как бы превратился в не очень большую шахматную фигуру, ту, которая, согласна Соссюру, теряет всякое значения, валясь с доски на пол.

Меня не двигали. Как стал, так и стоял, поскольку был, надо полагать, не дурак даже в своих годах, каким-то образом чувствуя, что дело не просто так, если к тому же мама, бывшая минуту тому рядом, оказалась где-то за чередой, стоявших спиной ко мне людей, — вот потому тишина, незнакомые люди в большом количестве, а между ними и мной было ничего, а мама делала руками какие-то знаки и улыбалась «нарочно», а отца как и не бывало, поскольку (а я подслушал ночью накануне, что они с капитаном «Ленсовета» (был такой круизный корабль в триаде лучших черноморских судов) понятное дело куда ушли, а мама, вот, помавала рукой, левой (помню)), это как если бы сорвать кленовую ветку и держать ее в руках и тебя несут на руках, когда тебе не очень много лет, а лучше — почти нет этих лет и ты смотришь на ее лицо сквозь сплошной летний лес и видишь волшебную вышивку на мамином сарафане. Несомненно, я где-то об этом уже писал, или кому-то.

И, да, разумеется, здесь я почти упустил из виду: *ладонь*, — это была ладонь Джавахарлала Неру. В моей слуховой памяти лишь одно мое в ответ на его что-то: *«thank you»*, нелепое, глупое, но я ведь смотрел не столько на него, — какой непередаваемой зелени были подальше приклеены волны! — слушая не его, а маму, махавшую из-за спин, которая тысячу лет спустя спросит в больничном саду — «а кто у нас у власти? Сталин? Хрущев? Берия? Брежнев?» Когда я ответил, она забыла, о чем спрашивала. Ни «леденцов», ни «конфет», — заурядный переход вождя через великую реку, детскую площадку с песком в разных местах под хилой сенью акаций. Однако именно там возникает то, что потом я найду («подобно слегка заржавевшим монетам из-за случившегося в среду дождя») как знакомый запах сандала. Когда это будет?

Летом 1964 года. Будучи в Москве абсолютно одиноким, тупым и восхитительно бесполезным самому себе, я непредсказуемым образом оказался напротив тогдашнего кафе «Аэлита» (сегодня такого нет, а это было напротив у Садово-Каретной, на «кольце» напротив, кажется, первого «Современника»). Мне даже не удалось подойти к ряду заднего оцепления вдоль расположенного перед другим, перед которым стоял еще один ряд людей, размахивавших по-видимому флажками стран. Одной, в которой жил и продолжаю жить я, и

другой, в честь которой было надо, — в честь медленно проезжавшего в открытой машине премьер-министра Индии Джавахарлала Неру. Тогда было так принято. Между рядами людей и мной было что-то около 15 метров линейного пространства.

О чем же пишет Октавио Пас в «In Light of India»? О многом и с очевидной приязнью. Описывает «невероятную» культуру, с которой довелось встретиться ему, потомку не менее древней цивилизации; останавливается, естественно, на апофатическом «определении» Брахмы, на изменении собственного сознания, в одном из мест вскользь замечает что-то о женщинах, для описания которых ему «не достает как бы нескольких слов», об архитектуре, подвигающей на размышления о поэзии. И среди всего прочего, что был, изумлен, ненароком увидав на Джавахарлале Неру, — *«аристократе всегда безукоризненно одетом в белое с розой в петлице, по облику и поведению которого было нетрудно догадаться, что его жизнью властвовали две страсти: политика и женщины»* и о котором Ганди писал, что по своей манере одеваться и думать *«он был больше англичанином, нежели индусом»*, — шнур брахмана, и что Д. Н. оказался *двидша*, *дважды рожденным*, причем его отец, Мотилал Неру, продолжает Октавио Пас, был обыкновенным кашмирским брахманом, что не мешало ему снискать известность как весьма состоятельного человека.

В 1956 году Джавахарлал Неру, — вступают голоса других свидетельств, — жил в Севастополе на борту штабного корабля «Лена» (некоторые склоняются к тому, что это была «Ангара»), стоявшего у «минной стенки». Незадолго до того (лишь десять лет разделяют сроки), корабль принадлежал и был известен как яхта «Aviso Hela» («Бегущая волна») гросс-адмирала Карла Деница. Т.е. до «поражения» адмирала и имени его яхты. Откуда берутся яхты и куда уходят имена, слава и желание писать дальше? Следует сказать, что до этой «Aviso Hela» была другая, может быть, даже более прекрасная по стати — 100 футов, дававшая 20 узлов. Потоплена 13.09.1914 в ходе торпедной атаки, произведенной английской подводной лодкой E9 в Северном море. Я заканчиваю. Если бы не это, какой смысл?

Если бы не знание, что третье прикосновение брахмана — неминуемо.

И на что Александр Вениаминович Цукерман сказал бы в 6 утра, заколачивая палку в подоконник февральского окна — «если у вас есть два, кто мешает вам сказать, что вы имеете семь»? И впрямь, совершив омовение, дважды рожденный пусть всегда ест пищу внимательно, а поев, совершит должным образом омовение и омоет при том впадины на голове.

СЕРГЕЙ УХАНОВ

МАКРАМЕ

**
как тот слепой нордический отсталый
как тот что жмет корявые рога
и подбоченясь щурится лукавый
в стагнации в лучах дождевика
слюнявя и надкусывая призму
как тот что не смущается себя
(не долго мыслит) и кто водобоязни
или юдофобства кущи сгущает
или просто взглядом трамбует а затем
опустошенный и аутентичный
(верзила словно родич вельзевула)
в охранку рядится и кулачками жмет
и будто корчится в заточенное зренье
в замученное конченым лучом и щерится
и на плацу гогочет как клин дородный
которому неймется отрицать – и в будущем
он ни живой ни мертвый (стадийность
толком) просится туда где искры блекнут
и слогами губы молкнут (расторженные)
12 11 09

**
бормотанье трескуче ключей
вздернутых под отступ ночей
поступь (бородачей) слегка –
кобылицею праведной истекла –
пизда незрячья, манда ничья
13 11 09

**
трофейное исчезновенья; наворачивающегося
чрева-червя (набухающего) преткновенье
иль претворение в облепленный (обеленный) распад,
гниение вживую (врастание в живую ткань мертвецки)
едва румяность некогда подстрочник (допустим, вильяма)
тревожит смыслы словно всход реторт иль зелень-почка
либо нежеланный отпрыск иль розовая окровавленная
спица, втемяшенная – исчезновенье или узнаванье?
увы и нам и вам – всем обмелеть растертым по хуям
14 11 09

****

залупа возгорается
уретра восторгается
в яйцах стоит кудлато пар

ex abrupto проникновенью
во груди образуется жар –
от его усекновенья не
становится более свежо

одинокий путь пролегает
сквозь растворенные покрова
то ли еще бравада то ли же
пустошь и похвала

нелепое божество просит
пососать хуй словно оно
спешит по дрова жизни
с рубанком смертельно
изношенной прямоты

так говорят: в поте лица твоего
будешь сосать жрать яйца твои

02 2010

1

хуем пахнут розы и макраме
как хорошо быть гнилой розой
и детворе в пальцы впиваться
хрустом шипов гнилой розы

2

обычно так говорят и пишут
на исход души из тела
на исход души из тела обычно
так говорят и так пишут

03 10

**

сновидец чует лживый сон
полозья мысленно глумиться
огня и ласк – садизм и стон
весьма доверчивый, струиться
сакрализация и плебс
репрезентация огласки
десексуализация рьяно презумпция –
моление о чаще – да минует меня...
законопатив вечный бред
закономерный и фальшивый
шаблон-навязчивый-момент:
п. всегда прав где п. равно икс –
поэт пес педераст личина вскрыта –
собственная мама – возня и свет

04 10

**

краснобайства обвал слово грязи мерзи
срач фальшивки дешевизн. маразм.
мудозвона вшивый трупак разъяренный
порнушным угаром подлокотник сношав
скостив груду мощей (добродетель печали)
поперек вырисовываются пузырек вазелин ванилин
глицерин укс. эссенция испаренья благого эфира
формальдегид речи течь сползающих на пол
сношающихся по типу бульканья бултыханья
,осваиваешься – осваиваешься блядски ,вполне себе
охаиваешь обхаживаешь напускаешь муть – путь
пустующих (глазниц) испускаешь браваду грез
сколоченное истонченное пекло по типу:
бренное волокно (!) ,меж очей вьется-льется
воспоминанье (внутренност. головы, мыслящее из себя
,зона пред/химического порицанья и не/воплощенья)
голодании (годмише) прокаженных смертях
разгулах высочайших манерностях всем искусе
непроникновеньи вообще ,смазанности в слогах
(произношеньи) ,ангелоидных фриках ,браках нецке
изнанке души обвораживающих вкусе, запахе,
кокаиновом демарше, алкалоидах, иноках etc.
но каков черепицы расклад (?) надиктованных вне –
девиаций ,течь поэм. пред/алмазных ,витрин ,да и нет.

то – пергаментный пламенный мост ,настил разъедаемый
вскользь – венценосный запал сквозь ряды преференций
благих гарнитуру культур – скинь балласт! *толкотня*
топот масс приближающее сношать развивая
задротных кулис ,внушать так как единожды разовьешь
(императив) со-призыв ,голытьба наконец (на конец)
со-причастность, двойственность сладость (боль)
раздвигаемых юнош. ягодиц – просвечивающ. божески
потроха аллантоис зародыш яички(!) о яички травы что морщин циркуляций
нутро на изжитых полях *(бунтующих бряцающих*
лепнин ,смертей ,изношенности успокоенья) вроде
становишься иным. коленопреклонен. сомненья. сбивчивость.
волненья. един. отступление (временное) приступа человеконенавистн.
любишь/любишь(?) того др. до исхода – дерзкий восседает на коленях
удлиненные ступни раздроченные соски предлинный вьется конец
набухший пастернак между ног повадки как водораздел –
не смеешься (не смеешь!) опухший ниспадающий пах
он – иконо-образен. (безобразье вотще о(тс)туп(л)енье).
из вне: отрицательных доминант (низин) преходящее что обрядово
исключенье наступившее чрез подвывих хрящей ,выкрик про-горла –
ломкий честный; ключевого смятенья – сплетенье по типу
родовой исключенности; вот - взрывается полосой небреженья –
коитус кончин многоюродности родства; братство перемежающих
сил коим место эротический скреп (склеп) петель обнаруживающ.
неистощимый запал (запас) желанья

02 10

**

солдаты канаты
переставляют
капилляры рвут
друг другу куски мнут
в запале произнесут
слишком много плоти
слишком мало любви
в жизни скорей умри

03 10

**
тиканья рваная особь православьем тебе гордиться
католическая колесница истерическая спица-птица
русские бухие скоты фашистская тупая сволочь
мнись исключенье всклокоченное включенье
денно восседает хищно попранная девица-власяница
изнывает структура ея смертного бытия пожрав тело
сына-богатыря белое нагое с волосней колючей родное
промеж полей меловых паскудных или лиловых
папа врубил станок почувствуй его сынок
03 2010

**
залетная птаха сосала нектар
по вечерам ее лики проступали
то тут то там по утрам фальшивя
она исполняла песнь своей страсти –
люди вступившие в круг ее пенья
возгорались терновым кустом
и в забвеньи лежали пластом

**
обрезанные попеременно
дисгармонии – красивым
жидам; шутам же – здесь
только место, давай отберем
эту ветвь у куста, посвятим
эту мысль (потрусив головой)
нашим чувственным песням

**
небесный лев укусил за матку
хлебами измучил сукровицей измазал
девица хмурая во христа верила
пизду и сердце ему доверила
художница таня сказала что жития
святых читала поняла что существует
вертикаль увязшая в небо на одном
конце вера святая на другом сладкая
вата словно оскомина солоновата
обретение тыла вражья утрата
затылок божий упертый в землю
тебя я чую тебе лишь внемлю
06 10

**

гусли-мысли скок-перескок
из под темени на носок
да в угаре целую ножку
хуй взбодрив деревянной плошкой –
черный бублик шалой бабе не по зубам
по нутру ей стальная шашка
расписной кисет с золотым добром
лохм усы под терновым кустом
логос в истеричном припадке

**

старые мехи sub specie aeternitatis таковы:
борьба вечной (внезапно) свободы,
необходимость случайно быть,
напрестольное евангелие возгорается
и восторжествовав то ли пизды просит то ли
мудрости и элит (хватив временной оплеухи
псаломщик-пере/продавец мелко мстит)

**

новый потоп свербит
мерзостью поцелуя
в приступе одержимый
гонит струю в кулак
подменяя игру на плевел
злокачественные наливы
двенадцать освобожденцев
железный грызут пятак

**

раздвоенности души
умственно хороши
рациональность услад
(мученичество вины) –
отвлечены; единственно
предпочтенье –
дыханье и хлябь земли

**
дружественные числа
выпотевая в календари
обретают нелепый смысл
арго измывается – на
сносях утвердится бзик
разительно – ведовство
художественных натур
зрелость акупунктур
промеж видовых культур

**
вот трескучая желтизна
нео-пасхальная крутизна
вот комок долговечной слизи
первородный крах да в пизду
кулак: отворяет мать ворота
то не схима и не вода то лимфы
пучина да жизни кручина

2010

**
администрирование
любви – паскудная
выпала доля – прорезь
межножья + свистят
анальные глухари;
вспарывая брюха
гнусавит воля всея
любви – безалаберная,
безвольно-фривольная
квази-воля

07 2010

**
пол дня святость пол дня разгул
пол дня вспарываешь сознанье
круто брюшиной поворошив прогорев
таков же метод лобзанья матери меж
ног главой отчаянно поднаторев
(так матери меж ног вынашивают
будущность, греховность сыновей)

**

ебали мать твою в извращенной позе
она трепала как воздух лист языком
бледного огня проступала морось
свидетельствуя (мудро) стояком

**

познаша своя св. – отождестви –
видишь – сатанинских волос клок
из души

08 10

**

взмыленные опущенные
всласть расторопные
влюбчиво парами под кузовок –
слышишь, евгений ощеренный,
было ль ячеисто (в грезах младенчества)
марево скобою рассечено

**

плешью румяною
мыслится темное –
вот – перепутали
идолов строгое –
смыслы угрохали
гадкое стойбище

**

мертвый стояк
лествицы изгородь
правая (мудрая) мать

в самозабвении
абрис красуется –
как его разъебать?

**

то – купина
хуем пещерится
змеем тельцом

тайный момент
удручен

чуешь как волнами
плещутся головы –
братьев (суммарно)
моих

**

злокозненно – гиюр
хлебом и манной столп –
хуевы переливы

праздничный столп –
дочери, матери, плясуны
(самозабвении прельщены)

детством лишь мажется божий
хлев – только и он испуг

**

бес его легиона – верный оплот
нищенствуя – демонстрант-детина

двоюродный строго помыслит бас
разовьет его в кусты лжи

подытожив хребет-заспинок
поголовье маячит вслед

переиначив борьбы на гибель
в изголовье болтается анус-свет

**

так огрубеют помыслы желанья
и скатываясь постигают жертвы

очевидность – расцветши жезлы
от ааронова плеча (кудрей заплечных)
во ад сомнений –

так странствующие прозябают смыслы
не требуя (стократ) пересечений

**

целовала манда пизду
солярным хуем пренебрегала
словно спрут во пруду
дыбом щупальца раздвигала
глядь а уж пепел во всю
распускает покровы мира
отрицала пизда манду
было время – боготворила

**

ретивая манда
разочарование очей
речитативом ебла –
тот – ничей

владыко волею судеб
суицидальная резня
поимка в сутолоке ночей
огласив белый страх
шуровали как на сносях
истлевая по мизеру

шутовски – складенцом
невысокого сна (памятуя,
владычествуя над ней)

**

лежит на падение
(конца и чаяния)
во многом предмет
пререканий; увещевая
ж (услащая) брюха на
построенье семенем

бездыханным зеркальцем превзойдет –
залито малофейно – славно-делом
(зубастым креном) влито привнесено

**

суда и будущего
веком прошмыгнув
оглянь вчерашние
затеи – о сколько
благо/тождества

робея припустив крыла
проявится нечеловечье –
туда где мажется труха
на построение-отдачу
ознакомление с хера

**

двойственная порода
празднеств жжет бока
радость и скорбь труда
перемещены туда

забывчивостью мудей
блескучая желтизна
(по-мужески новизна)
пророчески смысл –
велико сопротивленье
грудями благоговейно
успенье-благодаренье

**

желтушно поморосив уд
за хлябью осточертенья
потворствуя-боготворствуя
сквозь пройденные брега

познаша св. св.
украдены вензеля
луга его орошенья
где ступит его нога

сент 2010

**

во смертии пребывает плод:
соленые уши ядреный рот –
ему б народиться матерой стрелой
да возлечь с неубыточной полосой
но вот восстает передавленный уд
обязав кладенец под могучий приют

После Александра Миронова

Вот – теперь ни лукавить нельзя
ни упорствовать всуе, ни пробежки
для фальши в суровых слоях,
нету дна во краю – копошиться
петляя рифмуя – толкования для.

Несловесное семя падет в эту груду
племя губят до роду каменея в костяк
возлежать не вздохнув в зеленеющем
ласковом блуде: человечески –
принято, божески – глупо и зря.

19 09 10

**

потерять эту нить отстрелять припоздниться
возжелать до охочих гондонов скривив; мне
говаривала елена: киноварь, блядь сплошная,
другая елена etc. – набор суетлив; стрекотать
во разлад и во имя (разлада), впечатлять, впечатляться,
припечатать кумач через прорезь стены – так, для пущего
(благородного) дара иль ада; хуй пробить – два внезапных кольца
чтобы жалить сплошную цифирь (пригодится для *братства*)
и спонтанно венчаться на царство (без упрямства); угождать
(псевдо, лже), пригвоздив чужестранные тексты (как этот)
и чрез прелюбодеяние в комедиантство (запинаясь) войти

**

таков опыт соединенья
сл. посредством ритма
такова сброшенная юность
и речь все боле суровеющего
сгустка – предтечей и смертию
(единомоментно) вступившего
языка

9 10 10

**

пизда с тщетою говорит
как будем жить отвергнув
б-га – лежать в берлоге иль
во поле васильки сбирать?

но хуй мерцающий восстал
тем выказав *свою* тревогу
призывом яростным в ночи
застывшей блядски и убого

10 2010

**

и *он* забьет –
великое сопротивленье
духовный родины оплот
(то костоправ и полиглот)

а ты (ебучая скотина)
не гнувши спины в рот
берешь но медлишь –
глубже не даешь

окт 10

**

любж свидетельств извивисто
хуй ж длинною извилисто –
зыбь и рябь

заполучите смертнага!
хмарь шуяли и кайм,
переспорщика вшивое

(гадит младо-паршивенько
падл безумцу сныток)

покрестись, пустячок!
(круторото измылившись)
глазом стыло расстригнутым
хуй – земельки пучок

ТЕАТР

ВАЛЕРИЙ ПЕЧЕЙКИН

Моя Москва

Комедия

Действующие лица:

Сорокин Петр, *молодой мужчина*
Сорокина Анна Сергеевна, *его мать*
Сорокин Кирилл Петрович, *его отец*
Сорокина Светлана, *его жена*
Сорокин Иван, *его брат*

Проскудин Филипп Романович, *друг семьи*
Проскудина Алла Львовна, *друг семьи*

Сцена ярко освещена, посреди — празднично накрытый стол на семь персон. Вокруг стола ходит С в е т л а н а .

СВЕТЛАНА. Стол, стол, стол.

Входит А н н а С е р г е е в н а с большим подносом в руках. На подносе огромная салатница с оливье.

СВЕТЛАНА *(указывая на оливье)*. Жрать! Оливье! Жрать!

Подбегает к Анне Сергеевне, зачерпывает салат руками и ест его.

СОРОКИНА. Уходи! Уходи!
СВЕТЛАНА *(поскуливая)*. Жрать оливье...
СОРОКИНА. На стол — гости. *(Замахивается.)* На хер, спрятаться!
СВЕТЛАНА *(гневно)*. Я спрятаться? Моя квартира — я прятаться?
СОРОКИНА. А что? Почему орать?
СВЕТЛАНА. Потому что, гости — на хер. Моя квартира, мое оливье — жрать.
СОРОКИНА. А гости? Приходить: пустой стол, идите на хуй?
СВЕТЛАНА *(задумавшись)*. Выход?
СОРОКИНА. Оливье — на стол. С гости вместе жрать.
СВЕТЛАНА. Хорошо, ставить на стол.

Анна Сергеевна ставит оливье на стол, отходит в сторону.

СОРОКИНА. Оливье находиться на стол.
СВЕТЛАНА *(облизываясь)*. Поскорее бы гости приходить... Филипп Романович хуй сосать.
СОРОКИНА *(топает ногами)*. Нельзя! За мой сын замуж!
СВЕТЛАНА. Филипп Романович — красивый мужчина. Хочется сосание толстый член.
СОРОКИНА. Петя узнавать — пиздиться с Филипп Романович, тебя оскорблять.
СВЕТЛАНА. Меня оскорблять? За что?
СОРОКИНА. За сосание толстый член.
СВЕТЛАНА. Петя не такое. Интеллигентный.
СОРОКИНА. А если он пизда женщин трахать?
СВЕТЛАНА. Нет, нет! Только мой пизда — заповедь любви!
СОРОКИНА. И ты ему любовь, а не измена. Понятно?
СВЕТЛАНА *(опустив голову)*. Да...

Анна Сергеевна подходит к ней, обнимает. Вместе садятся на диван.

СОРОКИНА. Я тоже молодая когда — глупости делать. Было время. Было дело.
СВЕТЛАНА. Как избежать? Как поумнеть?
СОРОКИНА. Время свой процесс постоянный. Каждый день — опыт и мудрость. Постепенно, что не все веселье, что ответственность.
СВЕТЛАНА. А мне хочется только веселье, только хохот.
СОРОКИНА. Если один хохот, старость — в говне. Если честность, принципиальность, старость — внучата, райский Бог.
СВЕТЛАНА. Райский Бог? Такой есть?
СОРОКИНА. Конечно. Не один ведь только пыль и углы.
СВЕТЛАНА. Хочется поскорее к Бог.
СОРОКИНА *(прижимает ее к себе)*. Эх ты, ускоритель. Надо сначала жизнь жизнь, ипотека оплачивать, дети из пизда, работа задолбать, потом уже инфаркт и к Бог.
СВЕТЛАНА *(сокрушенно)*. Ипотека... трудности.
СОРОКИНА. Трудности, но позитив. Каждое утро — солнце в окно, каждый перед сон — молитва. Не сдохла — это радость.
СВЕТЛАНА *(настойчиво)*. Ипотека Москва трудно — нет радость. Петя работа задолбать, инфаркт и Бог.
СОРОКИНА *(отталкивает Светлану от себя)*. Слабый человек, тебя москвичи — жрать, в метро — пинать. И без инфаркта — к Бог.
СВЕТЛАНА *(падает на колени, ползает по полу)*. Что же делать? Отчаяние владеет Света.
СОРОКИНА. Вера, позитив.
СВЕТЛАНА *(заворожено)*. Вера... позитив...

Пауза. Светлана плачет. Затем поднимается, вытирает слезы, говорит, обращаясь в зал.

СВЕТЛАНА. Временное слабость... Но обязательно жить. Надо верить в ипотека и год семья.

Светлана уходит.
Анна Сергеевна выходит за ней.
Входит К и р и л л П е т р о в и ч. Держит в руках пенсию.

СОРОКИН *(пересчитывая деньги)*. Государство за мой труд. Вот сын рост. Теперь с женой ипотека брать. Этот квартира. Годы идти, покупка у застройщиков. Полноправие хозяйство. Появление дети, хождение в школу. Зимой на горку кататься посредством лыжи. Летом с внук рыбалка. Внучка... Что с внучка? Внук — рыбалка и удочка. Внучка — раскраска.

Входит С в е т л а н а.

СОРОКИН. Света. Ум и поддержка. *(Пытается ее поцеловать.)*
СВЕТЛАНА *(легко отталкивает свекра).* Родственный контакт...
СОРОКИН. Не родственный контакт. Формализм.
СВЕТЛАНА. Внутренний запрет.
СОРОКИН. Только сосать член.
СВЕТЛАНА. Без проглот?
СОРОКИН. Без проглот. В платок спускать.
СВЕТЛАНА. Хорошо, сосать.

Светлана становится на колени, Сорокин садится и расстегивает штаны.
Входит С о р о к и н а с очередным блюдом.

СОРОКИНА. Что делать?
СОРОКИН. Света сосать мой член.
СОРОКИНА *(быстро ставит блюдо на стол)*. Нельзя! Света — твой невестка!
СОРОКИН. Ну и что? Слово — пустота, а рот сосать приятно.
СОРОКИНА. Нельзя, говорить! *(Бьет мужа по голове.)* Нельзя! Света — муж сосать, ебать. *(Невестке.)* Света, я тебе говорить. Что ты начинать?
СВЕТЛАНА *(плачет).* Простить. Память вываливаться.
СОРОКИНА. Я тебе на бумаге писать. *(Пишет на бумаге: «Сосать у Петя!»)* Вот. На стол ставить. *(Складывает альбомный лист и ставит на стол.)* Всегда видеть. *(Супругу.)* А ты — кухня помогать. *(Дает ему подзатыльник.)*

Сорокин, опустив голову, идет на кухню.

СОРОКИНА *(укоризненно)*. Света, Света... *(Уходит.)*

Светлана одна.

СВЕТЛАНА. Не специально. Моя любовь к Петя большой. Просто память ужасный.

Звонок в дверь.

СВЕТЛАНА *(испуганно)*. Свидетели Иеговы? Убийцы? Вспарывать живот, вырезать глаза. *(Подходит к двери.)* Кто там?
ПЕТР *(за дверью)*. Я.
СВЕТЛАНА. Не убийца, грабеж?
ПЕТР. Не убийца.

Светлана открывает дверь. Входит П е т р .

ПЕТР. Пиво!
СВЕТЛАНА *(обнимает его)*. Петя... Петя... сосать!!! *(Падает на колени, начинает расстегивать мужу брюки.)*
ПЕТР *(отталкивает)*. Позднее. Я работать, потеть, член — вонь, микроб.
СВЕТЛАНА *(поднимается)*. Хорошо, Петя. Мытый член сосать.
ПЕТР. Спасибо.
СВЕТЛАНА. Как твой день?
ПЕТР. Видеть на улице много гады. Возле метро собака, кавказец.
СВЕТЛАНА. Еще что быть?
ПЕТР. Работа заебать. Отчеты в Excel.
СВЕТЛАНА. Тяжелый?
ПЕТР. Охуевать. Растворимый суп. Начальник — ебло.
СВЕТЛАНА. Сочувствие. Может быть, прощение начальник-ебло?
ПЕТР. Нет. Убийство начальник-ебло.
СВЕТЛАНА. Хорошо.
ПЕТР. Ебать труп начальник-ебло, как он ебать мой дух.
СВЕТЛАНА. Как убивать его?
ПЕТР. Арматура лежать у подъезд: подростки кошка пиздить. Утром брать с собой, нести офис. Гимн Россия включать, чтобы крик заглушать.
СВЕТЛАНА. Осторожно убивать, чтобы не видеть другой.
ПЕТР. Конечно. Другой видеть, кричать.

Входит А н н а С е р г е е в н а . Светлана выходит.

ПЕТР *(обнимает мать)*. Мама... любимый мама... сосать твой член...
СОРОКИНА. У мама нет член.
ПЕТР. Что у мама?
СОРОКИНА. Мама с пизда.
ПЕТР. Ебать мама в пизда?
СОРОКИНА. Нет, нельзя.
ПЕТР. Почему? Мама нет член, мама нельзя пизда. Как любить мама?
СОРОКИНА. Деньги давать.
ПЕТР. Э-э, иди на хуй.
СОРОКИНА. Тогда любить сердце.
ПЕТР. Где сердце?
СОРОКИНА *(показывает на грудь).* Вот.

ПЕТР *(кладет руку ей на грудь)*. Мама любить...
СОРОКИНА *(убирает его руку)*. Сися мама не трогать.
ПЕТР. Почему?
СОРОКИНА. Нельзя.
ПЕТР. Член нет, пизда нельзя, сися не трогать. Мама нельзя любить. Пиздить мама по башка. *(Бьет мать.)*
СОРОКИНА. Ой! *(Падает на пол.)* Убить мама.
ПЕТР *(замахивается)*. Или пиздить или в пизду.
СОРОКИНА. В пизду.

Встает на корточки, задирает халат.
Петр спускает матери трусы, снимает брюки, вынимает член. Занимается с матерью сексом.

ПЕТР. Мама, любовь, мама...
СОРОКИНА. Петя, Петя...

Входит С в е т л а н а .

СВЕТЛАНА. Книга рецептов терять. Не видеть?
СОРОКИНА. Сзади хлебница упасть.
СВЕТЛАНА. Хорошо. *(Выходит.)*

Петр занимается с матерью сексом.

ПЕТР. Ох! Ох! Сейчас кончать!
СОРОКИНА. Только не в мама!
ПЕТР. Нет выбор! Нет выбор!
СОРОКИНА. Мама в рот кончать!

Быстро разворачивается, Петр кончает ей в рот.
Входит С в е т л а н а .

СВЕТЛАНА. За хлебница книга нет. Где книга?

Сорокина пожимает плечами.

СВЕТЛАНА. Где книга?

Сорокина пожимает плечами, шевелит щеками.

СВЕТЛАНА. Как будто в рот набрать!

Сорокина пожимает плечами и быстро выходит. Петр выходит за ней.

СВЕТЛАНА *(вслед)*. Петя, стой! Петя!

П е т р возвращается.

ПЕТЯ. Что? Страх убийство? Милиция, отнимать деньги?
СВЕТЛАНА. Нет. Я подумать... Ты убивать начальник, забирать тело. Месяц мясо есть.
ПЕТЯ *(подходит к жене)*. Нехорошо так.
СВЕТЛАНА. Почему?
ПЕТЯ. У тело свой жена, свой ребенок. Сами хотят отец есть.
СВЕТЛАНА. Мы на них плевать. Отнимать и жрать.
ПЕТЯ. В один морозильник нет место.
СВЕТЛАНА. По соседям разносить. Говорить, хранить наш пельмени, пожалуйста.
ПЕТЯ. Они разворачивать, чтобы поджирать и «ох, бля, рука!»
СВЕТЛАНА. Мы говорить, что в пакет говно — они не открывать.
ПЕТЯ. Да! *(Целует жену.)* Умный. Буду тебя ебать.
СВЕТЛАНА *(прижимается к нему)*. Петя...
ПЕТР. Света...

Петр быстро уходит.
Светлана одна. Быстро уходит.
Светлана быстро входит. Быстро входит Анна Сергеевна.
Обе быстро выходят.
Через сцену быстро проходит Сорокин.
Через сцену быстро проходит голый Петр.
Сорокин и Сорокина быстро несут Светлану по сцене. Роняют.

СОРОКИНА. Света, есть цветной салфетки?
СВЕТЛАНА. Нет.
СОРОКИНА. А запись Штокхаузен?
СВЕТЛАНА. Нет.
СОРОКИНА. Тогда сходи за салфетки.

Сорокины оставляют Светлану и выходят.

СВЕТЛАНА *(встает)*. Салфетки...

Звонок.

СОРОКИНА (за сценой). Иду, иду.

Звонок.

СОРОКИНА. Иду, иду.

Звонок.

СОРОКИНА. Иду, иду.

Звонок.

СОРОКИНА. Иду, иду.

Звонок.
Входит Анна Сергеевна.

СОРОКИНА. Света, где дверь?
СВЕТЛАНА *(пожимает плечами)*. Не знать.

Звонок.

СОРОКИНА. Это, наверное, сатана. Не открывать.

Слышно, как дверь слетает с петель.

СВЕТЛАНА. Сатана входить в дом.
СОРОКИНА. Да, входить.

Входят Проскудины.

ПРОСКУДИН *(кланяется)*. Добрый вечер.
СВЕТЛАНА. Идите на хуй.

Проскудины выходят.

СОРОКИНА. Света, это не сатана. Это Филипп Романович и Алла Львовна.
СВЕТЛАНА. Знакомый одежда.
СОРОКИНА *(громко)*. Филипп Романович, Алла Львовна, не на хуй! В гости!

Входят Проскудины.

ПРОСКУДИН *(сбрасывает пальто на пол)*. Мы уже почти уходить.
ПРОСКУДИНА. Ваш квартира далекий от метро.
ПРОСКУДИН. Дорога неудобный, грязный. Аля наступать в собачий говно.
ПРОСКУДИНА. Я каблук пачкать в кал, потому что вы бедный, квартира дешевый покупать.
СВЕТЛАНА. В ипотека брать.
ПРОСКУДИНА. Тем более, бедный.
ПРОСКУДИН. Мы ждать, что вы за ним карета присылать.
ПРОСКУДИНА. Вынуждены сами ходить.
СВЕТЛАНА. Машина тогда покупать: в пробка стоять, а не здесь орать.
ПРОСКУДИН. Машина — дорого. Я в НИИ работать, Алла Львовна в консерватория сорок лет, а в говно наступать.
ПРОСКУДИНА *(снимает с ноги сапог)*. Пусть лимита поганый моет мой сапог! *(Бросает сапог.)*

СВЕТЛАНА *(бросает сапог обратно)*. Нет.

Короткая пауза.

ПРОСКУДИНА. Давайте забывать о ссора. *(Сбрасывает пальто на пол.)* Приятный вечер. Я подраться в метро.
СОРОКИНА. С кто?
ПРОСКУДИНА. С грязный чурка.
ПРОСКУДИН. Алла целить жопа на пустой место, а чурка садиться и нагло смотреть.
СОРОКИНА. Ударять его нож?
ПРОСКУДИНА. Нет.
СОРОКИНА. Грязный чурка надо ударять нож.
ПРОСКУДИНА. Я запоминать.
СОРОКИНА. Смотреть телевизор?
ПРОСКУДИНА. Да.

Быстро садятся в кресла. Анна Сергеевна включает телевизор и быстро переключает каналы.

ПРОСКУДИНА *(мужу шепотом)*. Какой хороший телевизор.
ПРОСКУДИН. Зато мы — москвич, а они — не москвич.
ПРОСКУДИНА. Если они о регистрация говорить, мы разговор в сторону отводить.
ПРОСКУДИН *(смеется)*. Они всю жизнь на квартира работать, а мы только жрать.
ПРОСКУДИНА *(смотрит на телевизор)*. Стоп.

Анна Сергеевна останавливается на канале «О».
На экране появляется Ксения Собчак. Она смотрит прямо в кадр. Затем открывает рот и не закрывает его. Звучит «Ода к радости» из Девятой симфонии Бетховена.

ПРОСКУДИНА *(воет)*. Ненавижу-у! Ненавижу-у!
ПРОСКУДИН. Я бы ебал! Я бы ебал!
ПРОСКУДИНА *(рвет подлокотники)*. Жидовская! Жидовская!
ПРОСКУДИН *(кричит)*. Пидарррас! Пидарррас!

Сорокина переключает канал. На экране появляется Патриарх Кирилл. Он закрывает левый глаз, потом открывает его и закрывает правый.

ПРОСКУДИНА *(указывает)*. Он — хороший.
ПРОСКУДИН. Это Бог.

Сорокина переключает канал. На экране появляется стакан с желтой жидкостью.

ПРОСКУДИНА. Тоже Бог.

Входит Кирилл Петрович.

СОРОКИН *(толкает Аллу Львовну в затылок)*. Где подарок?
ПРОСКУДИНА *(указывает на портфель мужа)*. Здесь.
СВЕТЛАНА. Микроволновый печь?
ПРОСКУДИНА. Нет.
СВЕТЛАНА. А что?
ПРОСКУДИНА. Дайте еда.
СВЕТЛАНА *(подходит к Алле Львовне)*. Показать.
ПРОСКУДИНА *(обходит Светлану, направляется к столу)*. Еда. *(Ест оливье большими порциями.)* Крабовый палочка жалеть. Жлоб.
СВЕТЛАНА *(отталкивает ее)*. Отрыгивать, мразь!
ПРОСКУДИНА *(злобно)*. Трахай жопа в рот!
СВЕТЛАНА *(кричит)*. Петя-я! Петя-я! Петя-я!

Вбегает голый П е т р . У него эрекция.

СВЕТЛАНА. Петя!.. *(Видит, что он голый.)* Бритый пися! Мытый пися! Сосать!!!

Подбегает к мужу, опускается на колени и начинает сосать его член.
Филипп Романович видит на столе бумагу с надписью «Сосать у Петя!»

ПРОСКУДИН *(читает)*. «Сосать у Петя!» Сосать у Петя?.. Сосать у Петя!

Подбегает к Петру, отталкивает Светлану, опустившись на колени, сосет его член.

ПРОСКУДИНА. Уважать женщина! Уважать гость!

Отталкивает Филиппа Романовича, опускается на колени, сосет член Петра.

СОРОКИНА *(отталкивает Проскудина)*. Нельзя коллектив сосать у Петя! *(Грозит сыну пальцем.)* Петя, хуй в узелок.
ПРОСКУДИН *(указывает на бумагу)*. Почему? Узнать ваш почерк. *(Подозрительно.)* Лицемерие?
СОРОКИНА. Ад вам за речь! *(Берет бумагу.)* Писать для Света.
ПРОСКУДИН. Ах! Я сосать у Петя!
СОРОКИН *(смеется)*. Пидорас! Пидорас!

Филипп Романович хватает со стола нож, рассекает себе рот, выбивает глаза.

СОРОКИНА *(отнимает у него нож)*. Это для пирожок. *(Всем.)* За стол! За стол!

Все садятся за стол.

СОРОКИНА. Какой новость?
ПРОСКУДИНА. Лопухова из Кунцево кончать с собой.
СОРОКИНА. Ой-ой-ой, какой грех, какой ад.
ПРОСКУДИНА. Вчера, когда я читать Евтушенко, а Филипп Романович молиться, она звонить и говорить: «Алла Львовна, я в бедность, нищета, болезнь. Дать денег, Алла Львовна».
СОРОКИНА. А вы?
ПРОСКУДИНА. Я отвечать, Бог давать тебе деньги. Надо открыть окно, сесть рядом, открыть рот и ждать.
СОРОКИНА. А она?
ПРОСКУДИНА. Она говорить, что открыть окно, открыть рот, а дождь ей в пасть лить.
СОРОКИНА. Какая тварь. Не верит в Бог.
ПРОСКУДИНА. Потом слышу, говорить, что нет помощь от Бог, что она ружье заряжать и стрелять себе в рот.
СОРОКИНА. А ты?
ПРОСКУДИНА. Я говорить: «Лопухова, в ад попадать, а на концерт Мадонна никогда, если так делать».
СОРОКИНА. А она?
ПРОСКУДИНА. Она говорить: «В ад будет Мадонна концерт. В ад смотреть». И стрелять.
ПРОСКУДИН. Я в этот момент молиться и вдруг видеть, как земля трещина и черный вихрь пожирать душа Лопухова.
ПЕТР. Ко мне на улица подходить подросток и говорить: «Что делать, если мир жестокость есть? Если мир походить на кошмар? Если сердце разрываться от боль?»
СОРОКИНА. А ты?
ПЕТР. А я говорить: «Надо орать и работать! Орать и работать! Тогда сердце лопать и терять сознание! Нет сознание, нет боль».
СОРОКИНА. Петя как Будда: все по хуй.
ПРОСКУДИНА. Надоело пиздеть, хочется жрать.

Сорокина быстро выходит и вносит блюдо с пирогами.

СОРОКИНА. Угощение!

Все начинают есть пироги прямо с подноса.

ПРОСКУДИНА. Ура! Есть, желудок, кишка, срать, жить.
СОРОКИНА *(с упреком)*. Жить за наш счет.
СВЕТЛАНА. Где подарок?
ПРОСКУДИН *(трясущимися руками вынимает из портфеля кота)*. Вот. На улица находить.
ПРОСКУДИНА *(берет кота, передает его хозяевам)*. Это.

СОРОКИНА. Спасибо. Что такое? В IKEA покупать?
ПРОСКУДИНА. Нет, по земля бегать, под куст срать, мы ловить. Думать, вам подарок.
СОРОКИНА. Подарок за деньги покупать, а не ловить.
ПРОСКУДИНА. Жалость деньги. Ну вас на хер.
СОРОКИНА. Алла Львовна, тогда регистрация нам в Москва оформлять.
ПРОСКУДИНА *(смотрит вверх)*. Какой интересный цвет у потолок.
СОРОКИНА. Гнида московский.
СВЕТЛАНА. А для чего этот? *(Берет кота.)* Как это делать? *(Трясет кота.)* Вот так? Вот так?
ПРОСКУДИНА *(берет кота в руки)*. Не знать. Вот здесь *(показывает на рот кота)* звук-дырка, вот здесь *(показывает на зад кота)* говно-дырка.
ПЕТР. Дырка? Дырка — ебать?
ПРОСКУДИНА. Если говно-дырка палец, то звук-дырка — крик.
ПЕТР. Как Света.
ПРОСКУДИНА *(смотрит на кота)*. Света?
СВЕТЛАНА *(берет кота)*. Я?
ПЕТР. Два Света? Два ебать? Какой первый?
СВЕТЛАНА *(передает кота)*. Вот этот, новый.
ПЕТР *(вынимает член из брюк)*. Сейчас пробовать.

Засовывает коту член в зад. Кот кричит, царапается и вырывается. Окровавленный Петр мечется по сцене.

ПЕТР. Сука! Сука новый Света!! *(Бьет Светлану по лицу.)* Ты, сука!!
СВЕТЛАНА. Прости, прости, прости, прости, прости, Петя!
ПЕТР *(резко успокаивается)*. Все простил Света. *(Садится.)*
СОРОКИНА. Петя добрый существо.
ПРОСКУДИНА. Мне нравится доброта. Я люблю красивый люди и церковь.
СОРОКИНА. А я люблю, когда красивый люди заходить в церковь. И выходить из церковь.
ПРОСКУДИНА. Мне нравится, когда красивый пара сидеть на диване.
СОРОКИНА. Мне нравится, когда красивый пара сидеть на диване после церковь.
ПЕТР. А я ненавидеть Бог.
СОРОКИНА. Как, Петя? Бог ты все делать.
ПЕТР. Бог ни хера не делать.
СОРОКИНА. Бог тебе жизнь, мать, другие предметы.
ПЕТР. Бог ипотека не давать.
СОРОКИНА. Ну и что? Он может вообще в ад.
ПЕТР. Не хочу я Бог.
СОРОКИНА. А как жить?
ПЕТР. Без Бог жить.
ПРОСКУДИНА. Без Бог — ад и тьма.

ПЕТР. Не верю. Без Бог — хорошо.
СОРОКИН. Ад и тьма без Бог.
ПЕТР. Без Бог — что хочешь делай.
СВЕТЛАНА. Лучше вера. Надежно, как на гвоздь.
ПЕТР. Не хочу, не хочу. Меня ипотека мучить. Какой Бог?
ПРОСКУДИН. Тем более, Бог. Когда мучить — все к Бог.
ПЕТР. Временный легче...
ПРОСКУДИН. Малый вера, надо больше.
ПЕТР. Задолбать ипотека! Задолбать кредит! На хер Бог!
СОРОКИНА. Бог не на хер. Ты — на хер.
ПЕТР. Весь вселенная — ад. Ипотека — ад.
СОРОКИНА. Ад — это другие!
ПЕТР. Все задолбать: ипотека, кредит, процент. Лучше смерть. Повсюду враг.
ПРОСКУДИН. Молиться, тогда Бог съесть твой враг.
ПЕТР. Бог съесть любовь.
СОРОКИНА. Бог рыгать любовь.
СОРОКИН. Бог творить ипотека, ебанутый Россия, гандонский народ.
СОРОКИН *(гневно)*. Кто так говорить на страна, тому Бог — удар в мозг.
ПЕТР. Я его хуем в рот.
СОРОКИНА. Нельзя! Это Бог! Не в рот, а в рай!
ПРОСКУДИНА *(с упреком)*. Надя — светлый человечек. Ей Бог — тело, еда, одежда. А ты — худенький гнида.
ПЕТР *(иронично)*. Посмотреть какой Бог без ипотека.
ПРОСКУДИНА. Надя и без ипотека лизать Бог.
ПЕТР. Посмотрим, когда без дом, гноящийся глаза и одиночество.
СОРОКИНА. Никогда с Надя. Тот, кто в ад, тот — одиночество и глаза, а тот, кто с Бог — толстый и деньги.
ПЕТР. Я в одиночество, хоть и молитва, но нет Бог, нет его голос. И смерть нет...
СОРОКИНА *(обнимает сына)*. Мы с любовь, ты с любовь. Вместе — ипотека.
ПЕТР. Для причина?
СОРОКИНА. Дети.
ПЕТР. Комок материя.
СОРОКИНА. Живое человек. Душа от Бог. Чтобы жизнь и ипотека.
ПЕТР. А смысловое?
СОРОКИНА. Ипотека.
ПЕТР. Ипотека — смысловое?
СОРОКИНА. Ипотека — есть Бог.
СОРОКИН. Бог — есть ипотека.
ПЕТР *(вырывается)*. Нет! Нет!! Нет!!! Проклятие на Бог!!!!!!

Хватает нож, выбегает из-за стола.

ПЕТР. Вся сила ада — проклятие на Бог!!!

Все поднимаются.

ПЕТР. Пусть неба дребезг осколка низвержот!
СВЕТЛАНА. Петя, ишак! Опоминаться!
ПЕТР. Нет, поздний!
СОРОКИНА. Петя!..

Гремит гром. Выбрав небольшую паузу, Кирилл Петрович произносит:

ПРОСКУДИН. Дать соль.

Все смолкает.

ПРОСКУДИН *(шарит рукой по столу)*. Дать соль.

Петр садится за стол.

ПРОСКУДИН. Дать, пожалуйста, соль. Я обижаться, но не плакать — нет глазки.
СВЕТЛАНА. Вот глазки. *(Вставляет ему в глазницы редис.)*
ПРОСКУДИН. Где? *(Вынимает редис, пробует.)* Редиска... а не глазки...

Пауза.

ПРОСКУДИН. Соль, соль, иди, иди...

Светлана привязывает к солонке нитку, протягивает Филиппу Романовичу.

СВЕТЛАНА. Соль.
ПРОСКУДИН. Спасибо.
СВЕТЛАНА. Оп! *(Дергает за веревку, солонка вылетает из рук Филиппа Романовича.)*
ПРОСКУДИН *(шарит рукой по столу)*. Прыг-прыг. *(Находит солонку.)*
СВЕТЛАНА *(дергает за веревку, солонка выпрыгивает)*. Оп!
ПРОСКУДИН *(шарит рукой по столу)*. Прыг-прыг... *(Находит солонку.)*
СВЕТЛАНА *(дергает за веревку, солонка выпрыгивает)*. Оп!
ПРОСКУДИН *(шарит рукой по столу)*. Прыг-прыг. *(Находит солонку.)*
СВЕТЛАНА *(дергает за веревку, она обрывается)*. Оп...
ПРОСКУДИН *(прижимает солонку к груди)*. Соль... *(Шарит другой рукой по столу.)* Огурец...

Петр ворует огурец.

ПРОСКУДИН. Кто-нибудь видеть огурец?
СВЕТЛАНА. Я видеть — у меня есть глазки!

ПРОСКУДИНА. Что я теперь делать?!!

Все молчат.
Входит И в а н .

ИВАН. Пиво! Всех ебать!
СОРОКИНА. Ваня!

Иван подходит к Светлане и целует ее в губы.

СВЕТЛАНА. Ванька!
СОРОКИНА. Ваня, нельзя Света в губы целовать. Хорошо, что Петя не видеть.
ПЕТР *(закрывает глаза руками)*. Я не видеть.
СОРОКИНА. Хорошо, что Петя не видеть.
ПЕТР. Я не видеть.
ПРОСКУДИНА *(ползает)*. Что я теперь делать?!!
ИВАН *(Алле Львовне)*. Закрыть дыра!!
ПРОСКУДИНА. Кто давать деньги?!!
ИВАН *(бьет ее по лицу)*. Закрыть!!
ПРОСКУДИНА *(падает к его ногам)*. Жестокий мальчик.
ИВАН *(подходит к Сорокиной)*. Давать деньги, шалава.
СОРОКИНА. Нет деньги, Ванечка. Зачем деньги?
ИВАН. iPhone покупать.
СОРОКИНА. Нет деньги.
ИВАН. Тогда вспарывать живот.
СОРОКИНА. Нельзя. Бог...
ИВАН *(протягивает руку)*. Давать деньги.
СОРОКИН *(встает)*. Я отец...
ИВАН. Ты — на хуй.
ПЕТР *(бьет рукой по столу)*. Скрываться и молчать!

Иван медленно разворачивается, подходит к брату и пристально на него смотрит.
Затем начинает рычать.
Из-под век Петра течет кровь. Он сидит неподвижно.
Иван обводит всех взглядом.

ИВАН *(указывая на Филиппа Романовича)*. Что за атомы?
СОРОКИН. Пидорас.
ИВАН. Почему?
СОРОКИН. Петя член сосать.
ИВАН. Я тоже сосать Петя член. Я пидорас?
СОРОКИН *(теряется)*. Нет, ты нет.
ИВАН. Почему? Аристотель, силлогизм: если смерть Иван, то все люди Иван.

СОРОКИН. Нет, ты нет.
ИВАН. Ты говорить, что я пидорас.
СОРОКИН. Нет, ты Бог.
ИВАН. А я говорить, что ты пидорас.
СОРОКИН. Я? Почему я?
ИВАН. Я брать этот слово и на тебя бросать!
СОРОКИНА *(встает, указывает на Сорокина)*. Рвать его на кусок!!
ИВАН *(указывает на мать)*. Я брать слово «Бог» и бросать на тебя! *(Кричит.)* Ты Бог!
СОРОКИН *(встает, указывает на жену)*. Рвать ее на кусок!! Она Бог!!

Проскудина поднимается с пола.

ПРОСКУДИНА *(протягивает Ивану деньги)*. Жестокий мальчик, вот деньги для iPhone.

Пауза.

ИВАН. Спасибо... будешь сосать? *(Трясет ее, рвет платье)*. Ты сосать, я снимать iPhone, выкладывать youtube.
ПРОСКУДИНА. Хорошо, где iPhone?
ИВАН. Сейчас, сейчас. *(Ходит по сцене.)* Деньги. Деньги вот. *(Подходит к Петру.)* Деньги вот, давай iPhone.
ПЕТР. Где я брать?
ИВАН. Вот деньги, давать iPhone.
ПЕТР. Не иметь.
ИВАН *(подходит к Светлане)*. Деньги. Отдавать iPhone.
СВЕТЛАНА. Нет, не знать.
ИВАН. Где-то лежать iPhone. Ты давать мне, иначе рвать лицо.
СВЕТЛАНА *(пожимает плечами)*. Не знать...
ИВАН *(поочередно обращается ко всем)*. Ты давать мне iPhone... *(Стоит, оглядываясь.)* Кто давать мне? *(Протягивает вперед руки, сгребает ими воздух.)*
СВЕТЛАНА *(в отчаянии)*. Ваня, лучше ехать Египет!
ИВАН *(оборачивается)*. Египет?
СВЕТЛАНА. Египет как iPhone.
ИВАН *(сгребает руками воздух)*. Египет давать мне. *(Смотрит перед собой.)* Где? Нет? *(Остервенело.)* Обмануть? Обмануть меня мир? Нет iPhone, нет Египет. Ебать такой мир. Не для человек такой мир.
СОРОКИНА *(обнимает сына)*. Не плакать, мой сынок. Мы искать твой... *(Светлане.)* Открыть шкаф.

Светлана открывает шкаф.

СОРОКИНА. Посмотреть, что есть там.
СВЕТЛАНА *(вынимает свитер)*. Это.

Все смеются.

ПРОСКУДИН. Где огурец?

Светлана встает, вынимает из шкафа подсвечник, дает Филиппу Романовичу.

СВЕТЛАНА. Вот, отец, огурец.

Светлана идет к шкафу, достает дурацкий колпак.
Филипп Романович солит подсвечник, кусает. Его зубы разлетаются.

ПРОСКУДИН *(сидит с окровавленным ртом)*. Не огурец...

Светлана надевает ему на голову дурацкий колпак.

СВЕТЛАНА. Оп!

Светлана хватает Филиппа Романовича за волосы и трясет.

СВЕТЛАНА. Хуйня! Хуйня!
ВСЕ. Хуйня! Хуйня!
СОРОКИНА. Могу нести аппликатор Кузнецов.
СВЕТЛАНА. Зачем?
СОРОКИНА. На лицо класть, давить. Шипы в кожа.
СВЕТЛАНА. Лучше мой подарок вам — аппликатор Ляпко, валик.
СОРОКИНА. Да, хорошо: валик давить лицо.

Светлана вынимает аппликатор Ляпко и начинает водить им по лицу Филиппа Романовича, разрывает его. Лицо, развалившись, падает.

СВЕТЛАНА *(указывая на Проскудина)*. Не-ет! Не-ет! Не-ет!
СОРОКИНА. Закрыть! Закрыть! *(Закрывает переднюю часть головы Проскудина руками, но тут же отдергивает их.)* А-ах! *(Ее ладони словно обожжены кислотой.)* О, страшный ебало!

Кирилл Петровича разворачивает Филиппа Романовича спиной к зрителям.

СОРОКИН. Все, к лесу зад.

Все смеются.

ПРОСКУДИНА *(кричит в отчаянии)*. Вы муж убить! Где я деньги брать?! Кто в пизду ебать?!

Все умолкают.

ИВАН *(взглянув)*. Что?
СВЕТЛАНА. Это iPhone?
ИВАН. Не знать.
ПЕТР *(восклицает)*. Да, я видеть! Это такой!

Иван берет свитер у Светланы и улыбается.

ИВАН. Мой. *(Садится на свитер.)* Теперь мой. *(Пауза.)* А Египет?
СВЕТЛАНА *(поочередно открывает все ящики)*. Египет, Египет...

Светлана открывает один из верхних ящиков — из него вываливается белая каша.

СВЕТЛАНА. Анна Сергевна, Господи! Что тут такое?
СОРОКИНА *(подбегает)*. Свет, это крупа...
СВЕТЛАНА. Какая крупа?
СОРОКИНА. Машевая.
СВЕТЛАНА. А почему в шкафу и вареная?
СОРОКИНА. Забыла переложить... Как разбухла-то...
ИВАН. Ни фига не крупа... *(Идет к шкафу.)*
СВЕТЛАНА. Анна Сергевна, наверное, не надо в новую мебель класть.
СОРОКИНА. Света, извини. Ваня, посмотри, что там...
СВЕТЛАНА. Алла Львовна, вы не поможете?
ПРОСКУДИНА *(поднимается)*. Конечно. Надо тазик или ведро подставить.
СОРОКИНА. Я сейчас сама... *(Идет на кухню.)*
ИВАН *(заглядывая в шкаф)*. Там отверстие в стене... круглое... мягкое...
ПРОСКУДИН. Как это?
ИВАН. Сжимается и разжимается.

Пауза.

СОРОКИН *(смеется)*. Отлично! Только кашу не выбрасывайте, а пустите в дело.
СВЕТЛАНА. Смейтесь, смейтесь, Кирилл Петрович. Новый гарнитур...
СОРОКИНА *(возвращается с тазом)*. Сейчас мы быстро... *(Подставляет таз под кашу.)*
ПЕТР *(идет к шкафу)*. Откуда она там?
СОРОКИНА. Надо будет сантехника позвать... Света, вызови, пожалуйста.

Светлана идет к телефону, набирает номер.
Женщины собирают кашу в таз.

СОРОКИНА. Хотя, я их знаю: скажут, что мы сами виноваты — они всегда так говорят. *(Тише.)* В прошлый раз крестовую отвертку хотел спереть...
СВЕТЛАНА. Кто это виноват? Мы? Квартира новая — мы только въехали. *(Говорит в трубку.)* Алло!.. Алло! Да, здравствуйте...
ПРОСКУДИНА. Их это не волнует: новая, старая... *(Кашляет.)*

СВЕТЛАНА. Что, горло?
ПРОСКУДИНА. Да вроде ничего.
СОРОКИН. Ничего хорошего? *(Смеется.)*
ПРОСКУДИНА. Чай с лимончиком попью.
СОРОКИНА. Вот, все так думают. Если это грипп на ранней стадии, то лимон нельзя.
ПРОСКУДИНА. Почему?
СОРОКИНА. Он проталкивает болезнь вовнутрь.
ПРОСКУДИНА. Да? Не знала.
СОРОКИНА. С утра давление у самой...
ПРОСКУДИНА. Если давление пониженное, нужен не корвалол, а кордамон.
СОРОКИНА. А я для суставов беру барсучий жир.
ПРОСКУДИНА. Хочу на следующий год в Цурюпу съездить...
СВЕТЛАНА *(идет к столу)*. Вызвала. Придет, сказали.
ПРОСКУДИН. Можно соль?
СВЕТЛАНА. Да, конечно. *(Подает солонку.)* Вань, там получается и в обоях дыра?
ИВАН *(разглядывает)*. Ну да...
ПЕТР. Если в стене дыра, то и в обоях.
СВЕТЛАНА. Проблема какая... Петь, а если шкаф передвигать будем?
ПРОСКУДИНА. Залатаете.
ПЕТР. Такой же рисунок надо будет подобрать.
ПРОСКУДИНА. Съездите на Савеловский.
СВЕТЛАНА. Еще в коридоре там облили шампанским...
СОРОКИНА. Там за вешалкой и не видно почти...
СОРОКИН. Не волнуйтесь: сдерем их, будем на даче гранат закрывать.
СОРОКИНА. Старыми не получится.
СОРОКИН. Не получится: обрезки пустим.
ПРОСКУДИН *(тихо)*. Пожалуйста, дайте еще раз солонку — я потерял...
СВЕТЛАНА. Да, конечно. *(Подает солонку.)*
ПРОСКУДИНА. А как у вас дача?
СОРОКИН. Думаю летом заняться. Надо белорыбицу в пруд запустить. Она ряску хорошо съедает. Вот только квартиру до ума доведем. *(Поднимает руку, указывает под потолок)*. Там вагонку пустим...
СОРОКИНА. Когда уже распылители поставим?
ПРОСКУДИНА. Если нужен газ в баллонах — Филипп Романович может достать. Там рядом с Кольчугино, но только у них самовывоз.
СОРОКИН. О! Это хорошо! Нам нужно.
СОРОКИНА. Как же мы повезем?
ПРОСКУДИН. Они с заднего крыльца торгуют — поэтому и дешевле.
СОРОКИН *(Проскудину)*. Пойдем, Филипп, покурим, все и расскажешь.

Берет Филиппа Романович под руку и ведет на балкон.

СОРОКИНА. А в Кольчугино алкоголика на вечном огне сожгли...
ПРОСКУДИНА. Там постоянные конфликты.
СОРОКИНА. Ну, надеюсь, наши мужчины займутся баллонами. Да, Вань? *(Треплет сына по голове.)* Ой, какие у тебя волосы.
ИВАН. Не трогай, мам...
СОРОКИНА. Это гелем, что ли?
ПРОСКУДИНА. Сейчас мальчики такие модные стали, как девочки.
ИВАН *(поправляет волосы)*. Гелем, гелем...
СОРОКИНА. Как же ты их потом расчешешь?
ИВАН. Мам, отстань...
СОРОКИНА. Чего отстань? Ты себе волосы испортишь и облысеешь к тридцати годам, как твой дедушка. Света вон тоже один раз прическу залакировала — что потом было, помнишь?
СВЕТЛАНА. Волосы как сосульки были — еле расчесала.
ИВАН. Мама, все будет нормально, успокойся.
СОРОКИНА. Ты сходи, подстригись нормально, а то все торчком. Сходи к дяде Сереже.
ИВАН. Он не умеет.
СОРОКИНА. Чего не умеет?
ИВАН. Модельные стрижки, он только обкорнает.
СОРОКИНА. Почему? Он стрижет, знаешь, директора Трехгорной мануфактуры.
СВЕТЛАНА. Не директора, а Аню, которая с Метрафильмс. Они там расположены.
СОРОКИНА. Ну и что? Он папу хорошо подстриг. Затылок аккуратно очень.
ИВАН. Он умеет стричь только беспафосных овец.
СОРОКИНА. Что же папа, получается, овца?
ПРОСКУДИНА. Сейчас мальчики такие модные стали...
СОРОКИНА *(скептически)*. Модные. Не знаю... Я и Ване уже говорила, что нехорошо, когда резинка от трусов торчит наружу. Вон у Пети ничего не торчит.
ИВАН. Петя — планктон.
ПЕТР. Ни хрена себе. Извините...
ПРОСКУДИНА. Зато какой Ваня накачанный.
СОРОКИНА. Знали бы вы, сколько он ест.
СВЕТЛАНА. Ваня, ты же какую-то питательную смесь пьешь?
ИВАН. Да, в миксере делаю.
СОРОКИНА. Ваня этим летом накачался и полетел в Турцию. Загорал там. Олл инклюзив. *(Смеется.)* Я правильно сказала? Олл инклюзив?
ИВАН. Прально...

Каша прекращает течь из отверстия. Теперь из него звучит струнный квартет Моцарта.

СОРОКИНА. Ой, какая музыка приятная. Вань, посмотри что там?

ПЕТР. Я взгляну, может быть это из подъезда. *(Выходит.)*
ПРОСКУДИНА. А мне так нравятся вальсы. Какой у вас чай вкусный.
СОРОКИНА. С ароматом земляники и сливочной карамели.
ПРОСКУДИНА. А я ройбуш люблю.
СОРОКИНА. Да, ройбуш — хороший чай.
СВЕТЛАНА. Хорошо пить чай.
СОРОКИНА. Ваня, посмотрел, что там играет?
ИВАН. Ничего не понятно...
СОРОКИНА. Жалко, а то все-таки интересно. Может быть, это недостаток квартиры? Может, поменять пока не поздно?
СВЕТЛАНА. Анна Сергеевна, прекратите.
ИВАН. Ничего не видно...
СОРОКИНА. Ну иди тогда обратно. *(Сыну.)* Вань, что у тебя там с зубом было?
ИВАН. Чего?
СОРОКИНА. Болел у тебя зуб. Пока Алла Львовна здесь — покажи ей, чтобы она посмотрела.
ИВАН. Сейчас. Вот. А-а! *(Открывает рот.)*
ПРОСКУДИНА. Света бы побольше... *(Разворачивает Ивана.)* Вот сюда, вот так... *(Берет ложку, оттягивает ему щеку.)* Ну-ка... посмотрим зубик...
СОРОКИНА *(невестке)*. Свет, а что там за подушка у нас на диване. Это не от Скворцовых? Люба тогда приходила.
СВЕТЛАНА. Не знаю... она с подушкой приходила?
СОРОКИНА. А я уже и не помню.
СВЕТЛАНА. Не знаю... может, и не наша.
СОРОКИНА. Окантовка другая и мохры висят.
СВЕТЛАНА. Позвони, спроси.
СОРОКИНА *(смотрит на балконную дверь)*. Куда-то Петя пропал...
ПРОСКУДИНА *(глядя в рот)*. Шестерку удалять надо... Сгнил весь... Нерв есть?
ИВАН. Не-а.
ПРОСКУДИНА. Хотя, какой там нерв... Боюсь, киста. Нет, не спасти. Раньше надо было обратиться... Теперь что? Теперь или имплантат или два соседних под обточку и мост на них. Еще тут вот, симметрично, раскалывается. Депульпация и пломба.
СОРОКИНА. Ой-ой-ой...
ПРОСКУДИНА. Рентген пусть завтра снимет.
СВЕТЛАНА. В Москве так это все дорого!
СОРОКИНА. Вот мне сейчас за ортопедию надо тридцать тысяч отдать. Такие цены. Ужас.
ПРОСКУДИНА. Такая жизнь, что тут говорить?
СВЕТЛАНА. В Москве такая жизнь.

Входит П е т р .

ПЕТР *(говорит с отвращением)*. Там просто кусками лежит... по всей лестничной площадке... Я кое-что в пакет собрал.

СОРОКИНА. А что там?
ПЕТР *(раздраженно)*. Выйди и посмотри.
ИВАН *(выбегает)*. Я позырю...
СВЕТЛАНА *(идет за ним)*. Что же там?
ИВАН *(вбегает)*. Фу! Не смотрите!
ПРОСКУДИНА. Что такое?
ИВАН. Как... как ... человек... *(Выходит.)*
ПЕТР. Уже не человек. *(Выходит.)*
СОРОКИНА. Что, опять?
ПРОСКУДИНА. А уже было?
СВЕТЛАНА. Да, как только въехали: в первый день вся лестница...
СОРОКИНА. Света, может еще есть время поменять?..
СВЕТЛАНА. Ой, прекратите, прошу вас. Нормальная квартира. За такую цену...
СОРОКИНА. Но ты же видишь, что за жилплощадь...
ПРОСКУДИНА. Ничего страшного, всякое бывает: у нас с Филиппом Романовичем кафель на кухне не держится.
СОРОКИНА. А что такое?
ПРОСКУДИНА. Не знаю, все время какие-то знаки проступают, а если потрогаешь — жгутся.
СОРОКИНА. А как у нас, Света, кафель?
СВЕТЛАНА. Висит пока.
СОРОКИНА. Ой, не знаю, как здесь будем: дырка в стене, на лестнице гадят.
ПРОСКУДИНА. Это таджики или узбеки. Это они гадят.
СОРОКИНА. Да?
ПРОСКУДИНА. Они у нас весь подъезд обгадили.
СОРОКИНА. А почему они по подъездам ходят? Они же на стройке сидят.
ПРОСКУДИНА. Это люди нормальные сидят, а они же как животные. Или вот так под дверью разбросают.
СОРОКИНА. Кошмар.
ПРОСКУДИНА. В милицию позвоните.
СОРОКИНА. Что звонить — им все безразлично!
ПЕТР *(проходит)*. Свет, там помыть бы, а то натекло...
СВЕТЛАНА. Хорошо. Сейчас на кухне тряпку возьму. *(Выходит.)*

Анна Сергеевна и Алла Львовна одни.

СОРОКИНА *(обессилено садится)*. Не знаю, как мы тут жить будем...
ПРОСКУДИНА. Ты, главное, перед детьми-то особенно не грусти: они люди взрослые — сами понять должны.
СОРОКИНА. Так ведь не понимают...
ПРОСКУДИНА. Поймут. Мы вот когда с Филиппом Романовичем только вселились, у меня в первую же ночь игоша на груди сел. *(Шепотом.)* Я тогда аборт только сделала, а плод, значит, у меня на груди сидит, упрекает. Скользкий, глаза прозрачные. Противно было, а время советское — рассказать некому.

Сгоняю его, а он все равно приходит и говорит, что уйдет, когда я от квартиры откажусь. Молюсь Богу, а все равно приходит. Еще тогда у Васи начался некроз тазобедренной кости: он был в возрасте, когда мальчишки заболевают. Сделали ему операцию, вставили пластину. Так он до сих пор и хромает. А игоша каждую ночь приходил, говорил, что вот вы меня всего отняли, а я у мальчика сначала отниму ножку, потом ручку, а потом всего возьму. Вот так. Тогда мне женщины-сотрудницы посоветовали ему комочки хлеба класть возле порога и мясорубку разобранной оставлять. Я стала так делать, и он ушел. А Вася до сих пор хромает.

СОРОКИНА. Сколько бед с этой жилплощадью, сколько бед! Мы тоже с Кириллом намучались. Приехали мы тогда из Ярославля, квартирку получили в Алтуфьево и все вроде в порядке. Только заболела я сильно: на спине лицо начало расти. Я по всем докторам ходила — не знала, что делать. Гоняли по госпиталям, гоняли. На работе — в бюро я тогда была — на меня ворчали, потому что больничный продлевала все время. На спине лежать невозможно — болеть начинает и бормочет. Хирург говорит, вырезать придется. Только опасность задеть спиной мозг. Что делать? Что делать? Я даже в церковь ходила тайно, а священник меня прогнал. Ты, сатана, говорит. Тогда Кирилл стал каждый вечер это лицо йодом мазать. Просто йодом. Все мазал, вплоть до глаз. Оно кричало иногда, чтобы мы шли из квартиры. А потом с каждым днем все меньше становилось, затягивалось и... совсем втянулось. Там еще месяц-два кожа была сухая, а потом все нормально стало.

ПРОСКУДИНА. Что и говорить, жилплощадь — огромная проблема. У нас еще дача — газон такой аккуратный, все аккуратно Филипп Романович сделал, а у соседей — бардак. Так их собаки повадились на наш газон гадить. Пришлось его перцем посыпать, а это неполезно для травы.

Входит Светлана и Иван, вытирают пот со лба.

СОРОКИНА. Ну что, Света, убрали?

ИВАН. Убрали.

СВЕТЛАНА. Утром уберешь, вечером снова навалят.

СОРОКИНА. А Петя где?

ИВАН. Он по другим площадкам пошел посмотреть.

СВЕТЛАНА. Все настроение испортили...

ПРОСКУДИНА. Не берите в голову. Послушайте, какая у вас красивая музыка играет.

СВЕТЛАНА. Да уж...

Пауза. Все слушают музыку.

СОРОКИНА. Красивая...

ИВАН *(входя)*. Прикольная.

С балкона доносится крик.
Иван бросается к двери и распахивает ее. В комнату вваливается Филипп Романович, у него расцарапано лицо. Слышно хлопанье огромных крыльев.

ПРОСКУДИН. Ворона унесла Кирилла Петровича!
СОРОКИНА. Нет! *(Бежит на балкон.)*
СВЕТА. Петя! Ваня, позови брата!

Во время последующей сцены Филипп Романович медленно, выставив вперед руки и что-то бормоча, направляется на авансцену.

СВЕТЛАНА *(с ужасом глядит в открытую дверь)*. Ворона...
СОРОКИНА. Я же говорила ему не выходить на балкон!
ИВАН. Она бросила папу!
СОРОКИНА. Боже! Я не вижу, куда он упал!
СВЕТЛАНА. Ваня, осторожней! *(Захлопывает дверь.)*
ИВАН. Блядь, еще одна!!

Удары птичьего клюва о дверь.
Вбегает Петр.

СОРОКИНА. Света, Петя, навалимся!
ПЕТР. Навалимся!
ПРОСКУДИНА. Я вызову!
СВЕТЛАНА. Вызывайте!
ПРОСКУДИНА *(подходит к телефону, но не берет трубку)*. Нет, оттуда что-нибудь потечет. *(Вынимает сотовый телефон.)* Лучше со своего.
СОРОКИНА. Света, может быть, лучше переехать? Посмотри, как тут неудобно.
СВЕТЛАНА. Решение принято!
ПЕТР. Мама, не сейчас!
ПРОСКУДИНА. Алло! Алло!

Разбивается стекло, показывается огромный клюв.

ПРОСКУДИНА. Алло! У нас беда! Беда!

Ее нога проваливается в дыру.

ПРОСКУДИНА. Ай! У вас в полу дыра!!
СОРОКИНА. Осторожней, клюв!
ПРОСКУДИНА. У вас дыра!
СВЕТЛАНА. Что же вы с каблуками по паркету!
ПРОСКУДИНА. Там кто-то отъедает мою ногу!!
ПЕТР *(отбивается от клюва)*. Мама, береги голову!
ПРОСКУДИНА. Бля-я-ядь! Еба-а-ать!!!

Бьется, как в агонии, из-под ее бедра течет кровь.
Клюв ударяет Сорокину по голове.

СОРОКИНА. Пульк! *(Оседает на пол.)*
ПЕТР и ИВАН. Мама!

Хлопанье крыльев, птица улетает.

ПРОСКУДИНА *(царапает пол)*. Еба-а-а...

Светлана подбегает к ней и держит руки.

СВЕТЛАНА. Все, все. Все кончилось. Сдерживайте себя...
ПРОСКУДИНА. Плохая квартира...

Светлана дает ей пощечину.
Филипп Романович падает с авансцены в зрительный зал.
Резкое затемнение.
Воздушная тревога. Звуки падающих бомб.
Когда невидимые самолеты улетают, сцена медленно освещается.
Квартира Сорокиных разгромлена: окна без стекол закрыты фанерными досками, кое-где — матрасами, клеенкой и старыми афишами. В углу разбитый плазменный телевизор.
Слева возле двери на кухню, замотанный в лохмотья, лежит Иван. Справа, возле двери в коридор, также в лохмотьях, Анна Сергеевна и Светлана.
Светлана, не моргая, листает глянцевый журнал. Она кладет журнал на пол, встает и идет на кухню.

СОРОКИНА. Света... Свет.
СВЕТЛАНА *(останавливается)*. Что?

Анна Сергеевна молчит.
Светлана идет дальше.

СОРОКИНА. Света-а...
СВЕТЛАНА *(останавливается)*. Что?
СОРОКИНА. Посмотри там Ваню...
СВЕТЛАНА. Что?
СОРОКИНА. Не умер?

Светлана идет через комнату к двери на кухню. Останавливается возле двери и слабо толкает Ивана, тот не шевелится.

СВЕТЛАНА. Умер.
СОРОКИНА. Точно?
СВЕТЛАНА. Не знаю.

СОРОКИНА. Может, спит?
СВЕТЛАНА. Не знаю. *(Входит на кухню.)*

Пауза.

СОРОКИНА. Ваня-а... Ва-ань...

Пауза.

СОРОКИНА. Ваня, ты не умер?

Пауза.
Анна Сергеевна толкает консервную банку, та катится к Ивану.

СОРОКИНА. Ваня, проснись, я тебе дам поесть...

Возвращается с кухни Светлана, идет на прежнее место.

СОРОКИНА. Света, баночку захвати...
СВЕТЛАНА *(останавливается).* Какую?
СОРОКИНА *(указывает).* Во-он...

Светлана смотрит на банку, которая лежит в метре от нее.

СОРОКИНА. Далеко лежит.

Идет к своему месту, садится.
СОРОКИНА. Как там на кухне?
СВЕТЛАНА. Ничего.

Пауза.

СОРОКИНА. Света, а Ваня точно умер?
СВЕТЛАНА. Не знаю. Разговариваем много — есть захочется.

Молчат.
Иван шевелит рукой.

СОРОКИНА. Рукой двинул... Света, ты видела?
СВЕТЛАНА *(насупившись).* Нет. Закройте рот.

Иван переворачивается на другой бок.

СОРОКИНА *(с облегчением).* Живой.

Пауза.

СВЕТЛАНА. Девочка Люба тоже думала, что ее мама дышит.

Пауза.

СВЕТЛАНА. А это черви колыхали мамину грудь.

Пауза.

СОРОКИНА. Ты думаешь, его черви повернули?
СВЕТЛАНА. Много разговариваем.

Входит П е т р , в его руках сосулька. Он медленно идет по комнате.

СВЕТЛАНА. Кто это?
СОРОКИНА. Это Петя.
СВЕТЛАНА *(громко)*. Кто это?
СОРОКИНА *(Светлана)*. Петя! Петя!

Петр останавливается, оглядывается. Замечает женщин.

ПЕТР *(показывает им сосульку)*. Сорвал.
СВЕТЛАНА. Чтоб ты сдох.

Петр садится на пол, подбирает консервную банку и кладет туда сосульку.

СВЕТЛАНА. Проклинаю тебя.
СОРОКИНА *(берет ее за руку).* Не надо...
СВЕТЛАНА *(дергает плечом).* Рука гниет.

Петр гремит сосулькой в банке.

СВЕТЛАНА *(вскрикивает)*. Ебаная Москва!

Иван снова переворачивается.

СОРОКИНА. Смотри, как крутится.

Пауза.

СВЕТЛАНА. А Петуховы своих едят.
СОРОКИНА. Кого?
СВЕТЛАНА. Своих, которые хиреют.

СОРОКИНА. Да не может быть. Кого же они съели?
СВЕТЛАНА. Наташку.
СОРОКИНА. Наташку они к стенке прислонили, и ее труповозка забрала.
СВЕТЛАНА. Ничего они не прислонили. Они ее съели.
СОРОКИНА. Не говори глупости.
СВЕТЛАНА. И еще они квартиры метят.
СОРОКИНА. Какие?
СВЕТЛАНА. Свои. Им соседи оставляют. Они за ними присматривают, а те на них пишут квартиры.
СОРОКИНА. Да кому они сейчас нужны?
СВЕТЛАНА. Потом будут нужны.
СОРОКИНА. Когда потом?
СВЕТЛАНА. Когда все по-прежнему вернется. Они богатыми будут. А Наташу они не съели, сама Наташа сказала, чтобы так. *(Пристально смотрит на Анну Сергеевну.)* Потому что они не равнодушные друг к другу. *(Указывает.)* Почему Ваня не скажет, я кончусь скоро, берите меня.
СОРОКИНА. Как же я могу сына есть?
СВЕТЛАНА. Перекреститься и есть.
СОРОКИНА. На мне потом крест загорится.
СВЕТЛАНА. Не загорится. Если бы он любил мать, любил брата...

Иван стонет. Светлана резко умолкает.

СОРОКИНА. Что, Ваня? Петя, что он там?
ПЕТР *(смотрит через плечо)*. Лежит.

Иван высовывает из лохмотьев ногу.

СВЕТЛАНА. Нога...

Иван тихо и тонко смеется.

СОРОКИНА. Что, Ваня, ножка болит?
ИВАН *(словно дразнит)*. Но-ожка...
СВЕТЛАНА. Смотрите, какая толстая...
СОРОКИНА. Так разве толстая?
СВЕТЛАНА. Толще моей.
СОРОКИНА. Так он ведь мужчина...
ИВАН *(словно очнувшись)*. Кто мужчина?
СВЕТЛАНА. Начинается...

Пауза.
Иван высовывает лицо из лохмотьев и оглядывается. Хлопает глазами. Он достает небольшое зеркальце и смотрит в него.

СОРОКИНА *(шепотом)*. Света, откуда у него зеркальце?
СВЕТЛАНА. Я дала.
СОРОКИНА. Зачем? Он ведь может зарезаться.

Иван достает кусочек губной помады, спрятанный в бумажку, и начинает красить губы.

ИВАН. Сегодня у Вани день рождения.
СВЕТЛАНА. Так вчера же был. И сегодня тоже?
ИВАН. Вчера? *(Пауза.)* Вчера не помню...
СВЕТЛАНА. И позавчера, и поза-позавчера...
СОРОКИНА *(берет ее за руку)*. Ладно, Света. Пусть...

Иван похож на клоуна с намазанными губами.

ИВАН *(матери)*. Я красивая?
СОРОКИНА. Красивая, очень.
ПЕТР *(держится за голову)*. Господи...
ИВАН. Я стараюсь ради Ивана.
ПЕТР. Господи...
СВЕТЛАНА *(раздраженно)*. Петя, ну что ты сидишь!
ПЕТР. А что мне делать?
СВЕТЛАНА *(шипит)*. Не ори! Мы тратим энергию!
ПЕТР *(тише)*. Что мне делать?
СВЕТЛАНА. Твой брат ебанулся: он валяется весь день, не ходит за водой, не ищет еду, а только жрет.
ПЕТР *(закрывает голову руками сверху)*. Бля-ядь... когда же это кончится?
СВЕТЛАНА. Ты ругайся, а сходи по квартирам.
ПЕТР. Ходил уже.
СВЕТЛАНА. И что? Кроме одной сосульки ничего не надыбал?
ИВАН *(тихо)*. Сосулька?
ПЕТР. Ты внимательнее посмотри. Иногда умирают: труп лежит, а рядом кусок хлеба или «Ролтон» засохший.
ИВАН. А где сосулька?
ПЕТР. У меня. *(Показывает.)* Вот...
ИВАН. А вы дадите мне посмотреть?
ПЕТР. Дам, конечно.
СВЕТЛАНА. Лучше бы скипятил.

Петр встает и идет к брату, садится рядом с ним.

ИВАН *(берет сосульку)*. А где вы ее взяли?
ПЕТР. На козырьке висела.
ИВАН. А зачем вы ее взяли? Для шутки?

ПЕТР. Нет. Это вода.
ИВАН. Зачем она вам?
ПЕТР. Кипятить.
ИВАН. Зачем? Можно взять из крана или купить в магазине.
ПЕТР. Не идет из крана, закрыты магазины.
ИВАН. А почему?
ПЕТР. Война.

Пауза.

ИВАН *(возвращая сосульку)*. Да, я слышал. Мой возлюбленный ушел на войну...
ПЕТР. А вы...
ИВАН. Я его жду? Потому что люблю Ваню.
ПЕТР. Вы... женщина?
ИВАН *(смеется)*. Разве не видно? *(Указывает на губы.)* Я женщина.
ПЕТР. А у вас все женское?
ИВАН *(смеется)*. Да.
ПЕТР. А можно я потрогаю?
ИВАН *(отсаживается)*. Я вас не знаю. Вы дурак какой-то. Ваня придет, я ему все расскажу. Он вас побьет.
ПЕТР. Я просто хотел убедиться, что вы женщина, а не шпион.
ИВАН *(матери и Светлане)*. Вы слышите? Ха! *(Петру.)* Уходите, пожалуйста.
ПЕТР. Хорошо, только я...

Петр быстро кладет Ивану руку на пах. Иван испуганно визжит и вырывается.

ИВАН. А-а!! Не прикасайтесь!!
СОРОКИНА. Петя!

Иван бежит к матери.

ПЕТР *(идет за ним)*. Я хотел, чтобы он понял...
СВЕТЛАНА. Эта тварь провоняла всю квартиру. *(Отсаживается.)* Он мочится в свои тряпки.

Петр гладит Ивана по спине, тот дергает лопатками.

ПЕТР. Ваня, ты же парень...
СОРОКИНА *(Петру)*. Уйди, уйди... Ты его замучил...
СВЕТЛАНА. Обоссавшаяся гадина.
ПЕТР. Не говори так про Ваню.
СВЕТЛАНА *(злобно)*. Иди на хуй, гной.
ПЕТР *(отворачивается)*. Дура.

СВЕТЛАНА. Сколько энергии потратили на возню. Можно было куда-нибудь сходить.
ИВАН *(плачет)*. Я ведь никому не желаю зла...
СВЕТЛАНА. Не воняй и не тронут.
ПЕТР. Ты сама воняешь, как мусор.
СВЕТЛАНА. Это пот и грязь, но не моча.
СОРОКИНА. Сейчас все воняют.

Молчат.
Иван вытирает слезы.

ИВАН *(брату)*. Вы, наверное, очень одиноки.
ПЕТР. Почему?
ИВАН. У вас, наверное, нет женщины.

Пауза.

ПЕТР. Была. Потом умерла.
СВЕТЛАНА *(возбуждаясь)*. Кто умерла?
ПЕТР *(Ивану)*. Света моя умерла.
СВЕТЛАНА. Ты охуел, ебанашка?
СОРОКИНА. Ох!
ПЕТР. Она умерла.
ИВАН. Мне кажется, она вас не любила.
СВЕТЛАНА. Закрой рот, рванина.
ПЕТР. Не знаю.
СВЕТЛАНА. Я вас всех, тварей, выебу.
ПЕТР. Замолчи.
СВЕТЛАНА. Замолчи сам, мразь. Я жива. Я сегодня посрала.
ПЕТР. Ну и что?
СВЕТЛАНА. Мертвые не срут.

Молчат.

СОРОКИНА. А сосулька на полу лежит...
ИВАН. Снег за окошком...
ПЕТР. Возле дома снега чистого не осталось. Была одна горка, там уже кто-то окоченел.
СВЕТЛАНА. Сдвинь.
ПЕТР. Не сдвигается.
СВЕТЛАНА. А рядом ничего не лежит? Может, кулечек?
ПЕТР. Нет, ничего.
СВЕТЛАНА. Ты невнимательно смотришь. Тогда у менеджера карточки не нашел.

ПЕТР. А ты что весь день сидишь, никуда не ходишь?
СВЕТЛАНА. Экономлю силы. *(Заматывается в платок.)* Все.

Молчат.
Светлана раскачивается и что-то бормочет.

СВЕТЛАНА *(резко)*. Я не сошла с ума.

Молчат.

СВЕТЛАНА *(резко)*. А в той коробке?
СОРОКИНА. Какой? Что за коробка?
СВЕТЛАНА. Там, на кухне коробочка «грудной сбор» — может быть, там что-то есть, какая-то еда... *(Мужу.)* Там лежит «Сникерс». Я чувствую, он лежит там.

Петр, недовольный, встает и идет на кухню. Светлана провожает его взглядом.

СВЕТЛАНА. Еще за хлебницу надо заглянуть...
ПЕТР *(входит с кухни)*. Нет там ничего.
СВЕТЛАНА. Нет «Сникерса»? А за хлебницей?
ПЕТР. Тоже нет.
СВЕТЛАНА. Откуда ты знаешь? Ты же не смотрел.
ПЕТР. На кухне ни крошки не осталось.
СВЕТЛАНА. А мне показалось, ты жевал, когда вошел.
ПЕТР. Тебе показалось.

Светлана раскачивается и бормочет.
Иван встает, неожиданно разбегается и делает прыжок. Зависает на мгновение в воздухе и падает на пол.
Все, оцепенев, смотрят на его скорчившуюся в дальнем углу комнаты фигуру.
Молчат.

СОРОКИНА. Убился...

Входит Кирилл Петрович. Останавливается у порога.

СОРОКИН *(жалким голосом)*. Ку-ку.
СВЕТЛАНА. Хуй в рот.
СОРОКИН. Ку-ку, девочки и мальчики.
СОРОКИНА. Здравствуй, Кирилл.
ПЕТР. Здравствуй, папа.
СОРОКИН. А что Ванечка не здоровается?
СВЕТЛАНА *(резко)*. Нашли?
СОРОКИН. Что, Светочка?
СВЕТЛАНА. Не прикидывайся, старое хуйло. Еду нашел? Спички, керосин?

СОРОКИН. Нет, Светочка. Ничего в Москве не осталось.
СВЕТЛАНА *(разделяя слова)*. Не может быть, чтобы в Москве не осталось.
СОРОКИН *(разводит руками)*. Не нашел...
СВЕТЛАНА. Тогда пиздуй снова к метро.
СОРОКИН. Может быть, Петя сходит? У меня совсем нет сил.
СВЕТЛАНА. Петя здесь нужен: если грабеж, если чего.
СОРОКИН. Какой грабеж? Что брать?
СВЕТЛАНА. Иди к метро. Ты старик, тебя должны жалеть.
СОРОКИН. Так ведь не подают больше. Людям самим есть нечего.
СВЕТЛАНА. А ты проклинай. Или убейте чурку и заберите у него.
СОРОКИН. Убили всех черножопых уже...
СВЕТЛАНА. Тогда тебя съедим, говно засохшее.
СОРОКИНА. Нельзя так, Света. Мы же люди.
СВЕТЛАНА. Вы не люди, а дерьмо на блюде. Вы мотаетесь из угла в угол и ничего от вас нет.
ПЕТР *(мрачно)*. Еще одно слово и я тебя ударю.
СВЕТЛАНА. Что? Что? Я тебя сама отпизжу!

Петр пытается ударить Светлану, но из-за слабости промахивается. Она перехватывает руку мужа и скручивает у него за спиной.

СВЕТЛАНА *(бьет Петра в затылок)*. Я тебя угондошу!
СОРОКИНА *(разнимает)*. Света, это твой муж!
СВЕТЛАНА *(лихорадочно)*. Это не муж. Это атомы. Это ад. Это не муж.

Отпускает Петра, выбегает в центр комнаты.

СВЕТЛАНА. Шы.

Пауза. Все смотрят на Светлану.

СВЕТЛАНА *(с бегающими глазами)*. Шы-шы-шы.
СОРОКИНА. Что?
СВЕТЛАНА. Активия.
СОРОКИНА. Света...
СОРОКИН. Что-то буробит...
СВЕТЛАНА. Шы-шы-шы. *(Бьет себя по щекам.)* Нет, я в порядке. В порядке... *(Опускается на пол.)* Все...

Затихает.

СОРОКИН. Я возле метро Проскудина встретил.
СОРОКИНА. И что он?
СОРОКИН. Санки возле табачного ларька перевернул на себя, когда вез воду, а лед быстро схватился, он и вмерз.

СОРОКИНА. Умер?
СОРОКИН. Когда я проходил, был еще живой.
СОРОКИНА. Ну, ты его отколупал?
СОРОКИН. Какой там! Его не отдерешь...
СОРОКИНА. Жалко Филиппа Романовича.

Петр встает и молча подходит к лежащему Ивану. Смотрит на него.

СОРОКИН *(шепотом)*. Я хвойки принес...
СОРОКИНА. Что? А? Почему сразу не сказал?
СОРОКИН. Так Света все сожрет.
СОРОКИНА. Откуда хвоя?
СОРОКИН. Иду мимо дома, там на первом этаже окна выбиты. Смотрю, елка с нового года не убранная, а семья вокруг лежит вокруг телевизора. Одним снарядом всех положило. Я руку протянул и сколько мог нарвал иголок. *(Хлопает себя по карману.)* Вот.
СВЕТЛАНА. Вы что-то там говорите про еду?
СОРОКИНА. Ничего, Света.
СВЕТЛАНА. Мне показалось, про еду...
СОРОКИН. Показалось. *(Хлопает по карману.)* Вот.
СОРОКИНА. Шепотом. *(Спрячь.)*
СОРОКИН. Затирушки, может?
СОРОКИНА. Света не разрешает.
СВЕТЛАНА. Что? Нет. Нет, не будем есть. Все сожрем, а что потом делать будем?
СОРОКИНА. Света, не волнуйся.

Петр переворачивает Ивана. Тот обнимает брата.

ИВАН *(смеется)*. Ах! *(Заливается смехом.)*

Петр делает несколько шагов назад.

ИВАН. Вы меня разбудили...
ПЕТР. Извини.
ИВАН *(поднимается)*. Ничего страшного.
СОРОКИН *(опускает руку в карман)*. А у меня для Вани кое-что есть.
ИВАН *(поднимается)*. Я могу передать.
СОРОКИН. Вот. *(Вынимает из кармана iPhone.)* Телефончик.
ИВАН. Ах! Ваня всегда мечтал о таком.
СОРОКИН. Представляешь, там еще батарейка не села.
СОРОКИНА. Где же они заряжали? С октября тока нет.
ИВАН *(включает телефон)*. Какая прелесть... тут змейка есть ...

Звуки игры.

ПЕТР. Не разряди батарейку.
ИВАН *(останавливается)*. Вы правы... *(Прячет телефон.)*
СВЕТЛАНА. Лучше продай.
ИВАН. Это мое.

Показывает Светлане язык.
Некоторое время она сидит неподвижно, затем бросается на Ивана.
Анна Сергеевна и Кирилл Петрович хватают Светлану и валят ее на пол, вместе с Петром они связывают ее по рукам и ногам.

СВЕТЛАНА *(вырывается)*. Я хочу иметь свой бизнес!! Я хочу красить ногти!! *(Бьется в веревках.)*
СОРОКИНА. Успокойся, Света!
СВЕТЛАНА *(задрав голову)*. Я хочу съесть Ваню.
СОРОКИНА *(гладит ее по голове)*. Успокойся. Вот нам папа хвои принес. Сейчас мы сделаем отвар. А вечером какую-нибудь дуранду из остатков.
СВЕТЛАНА. Остатки? Есть остатки?
СОРОКИНА. Найдем.
СВЕТЛАНА *(улыбается)*. Какая-то я жадная стала.
СОРОКИНА. Ничего страшного...
СВЕТЛАНА. А вы меня не убьете?
СОРОКИНА. Не говори так.
СВЕТЛАНА. Кислотой не обольете?
СОРОКИНА. Что ты, Света, придумываешь...
СВЕТЛАНА. Если я буду бормотать — не обращайте внимания. *(Отворачивается.)*

Иван хлопает в ладоши.

СОРОКИНА. Что, Ваня?
ИВАН. Конечно, я уже не в том возрасте — все днище в ракушках и пора на мель садиться, но я, сорокалетняя, все-таки имею право на счастье. Я знаю, что он намного меня младше, но это ведь не проблема, он ведь не ребенок. Я все знаю и мне не страшно, потому что боятся те, кто не умеет... те, кто чего там... когда в отношениях нужны переходники... когда не рвет, а рвется... в отношениях...

Все молча слушают.

ИВАН. Знаете, так хочется почему-то произносить английские слова... (Смеется.)

Молчат.

СОРОКИН. Давайте кипятка попьем!
СОРОКИНА. Давайте.
ПЕТР. Давайте... *(Подходит к Ивану, обнимает его.)*
СВЕТЛАНА. Да...

Анна Сергеевна зажигает керосинку, Петр Кириллович выходит за дверь с кастрюлей и возвращается, наполнив ее снегом. Ставит на керосинку.

ИВАН. Что такое энзим?
ПЕТР. Не знаю. Мама, что такое энзим?
СОРОКИНА. Не знаю.
ИВАН. А коллаген?
СОРОКИНА. Не знаю.
ИВАН. А гламур?
СОРОКИНА. Это раньше было.
ПЕТР. А почему ты спрашиваешь?
ИВАН. Я не спрашиваю. У меня в голове черви. Они едят слова. Если я не смогу объяснить, что за слово — они съедят его.
СВЕТЛАНА *(возбужденно)*. А помните, как мы жрали? Помните?
СОРОКИНА. О чем ты?
СВЕТЛАНА. Как мы каждый день жрали. Помните «Макдональдс»? «Кофе-хауз». Флаер на вторую чашку. Сколько мы жрали. И одежда была красивая. В Египет могли поехать. А как мы вкалывали? Какие были толпы — все орали. Эскалаторы — если слева встанешь, толкнут. Как было тяжело и хорошо.
СОРОКИН. Да уж...
СВЕТЛАНА. А сколько мусора было в конце дня. Петя по два пакета выбрасывал. Говно у меня было густое.
СОРОКИНА. Что ты, Света, все про говно.
СВЕТЛАНА. Оно показывает жизнь. У меня раньше отрыжка была, икота, пукала я. И все от еды. А сейчас голодный понос, потому что желудок пустой.
ПЕТР. Хватит о еде.
СОРОКИНА. Да, хватит.
СВЕТЛАНА. Дайте мне старые чеки почитать.
ПЕТР. Может не надо?
СОРОКИНА. Дай, Петя.

Петр роется в карманах, затем вынимает бумажный шарик — скатанные в комок чеки.

ПЕТР *(подает Светлане)*. На.
СВЕТЛАНА. Ручки развяжи.
ПЕТР. Драться не будешь?
СВЕТЛАНА. Нет.

Развязывает ей руки.

СВЕТЛАНА. Дай! *(Выхватывает чеки.)* Двадцать восемь, ноль, два... Фрукты груша калибр шестьдесят плюс новый у-у. Кассир Гысева Т.И. Что-то я не помню груш... Хлеб «Настюша» батон нарез... Настойка медовуха ноль и пять ль... Снова хлеб «Настюша» семьсот грамм... Дарниц... Зразы «Золотой петушок» — пятьдесят шесть рублей и девяносто копеек... Крупа «Ангстрем» гречнева... Сырок глазир...

СОРОКИНА. Хватит, Света. Никогда мы хорошо не жили. До войны плохо, а сейчас еще хреновей. Экономили, экономили, а ничего не скопили.

СВЕТЛАНА. Мыло туал «Дуру»... Паштет «Гран-Мэр» сто пятьдесят граммов... *(Словно очнувшись.)* Да, плохо. А сейчас вообще ад. Потому что Богу на нас насрать.

СОРОКИНА. Нет никого Бога.

СВЕТЛАНА. Почему? Он есть, только он — хуесос. *(Бросает чеки.)*

ИВАН *(машет руками)*. Неправда! Бог не хуесос!

Дверь распахивается, и в комнату падают Проскудины. Филипп Романович звенит как стекло. Алла Львовна на костыле, вместо одной ноги у нее — культя.

ПРОСКУДИНА. Отогрейте... Филя замерз...

СВЕТЛАНА. Идите на хуй.

ПРОСКУДИНА *(ползает по мужу)*. Отогрейте его, пожалуйста. Давайте навалимся и растопим. Он саночки на себя перевернул... *(Плачет.)*

СВЕТЛАНА *(шепотом)*. Вы ведь москвичи...

ПРОСКУДИНА. Он живой, живой! Помогите, я за вас молиться буду!

СВЕТЛАНА *(смеется)*. Москвичи, а теперь замерзшие! И кому вы теперь нужны? Вот умрет Филя и больше не москвич. *(Смеется.)* Помните: регистрация, прописка. А теперь что? Зато в пробках не стоите.

Иван подходит и ложится на Филиппа Романовича, дышит ему в лицо.

СВЕТЛАНА *(Ивану)*. Пососи ему нос.

ИВАН. А где его глаза?

ПРОСКУДИНА. Несчастный случай. Анна Сергеевна, Петя, Кирилл Петрович, погрейте его сбоку.

СОРОКИНА. Да мы и так холодные...

СВЕТЛАНА *(ползет)*. Давайте я. А если оживет, убьем его.

ПРОСКУДИНА. Не говорите так — это очень жестоко.

СВЕТЛАНА. Иди на хуй, меня Бог простит, потому что я ебанутая. *(Прижимается к Филиппу Романовичу.)* Подушу его, морду московскую.

ПРОСКУДИНА *(плачет)*. Света, какая ты жестокая...

СВЕТЛАНА. Нигде столько не говорят и не дерутся, как у нас. Везде зайдешь: тихо все по углам сидят — берегут энергию. У Петуховых, когда зайдешь — тишина. Ни один человек не двигается. У каждого в кулаке сухари: по одному в полчаса достают и съедают. Даже глаз не открывают. Все сидят на горшках,

а кто на кастрюле. Назначают дежурного, который горшки собирает и в окно вытряхивает.
СОРОКИНА. Не такие мы умные, как Петуховы. Что поделать...
СВЕТЛАНА. Надо умнеть. Почему у них Сергей Владимирович перед дефолтом две тысячи девятого все заранее знал? Деньги распределил, йены купил. И перед войной он запасы сделал: вода, быстросупы, крупа...
ПЕТР. Что ж он не уехал, если умный такой?
СВЕТЛАНА. Чтобы за квартирой следить. Если мы, русские, уедем, здесь все чуркам и армяшкам останется. Придешь домой, а там таджик сидит.
ПЕТР. Где ты их последний раз видела? Все попередохли.
СВЕТЛАНА. Петуховы видели. Они одного армяша на улице подобрали, в квартиру принесли. Отогрели, а он вскочил и со стола успел сожрать. А Сергей Владимирович его за горло взял, чтобы он не проглотил, а Даша по зубам бьет.
ПЕТР. Зачем они его принесли?
СВЕТЛАНА. На него что-то сладкое налипло. Мешок он какой-то нес, когда в него бомбой попало.
ПРОСКУДИНА. Света, вы сильно отодвинулись от Фили.
СВЕТЛАНА *(отползает).* Ну вашего Филю на хуй. Его в аду отморозят.
СОРОКИНА. Ванечка, ты бы слез, а то замерзнешь.
ПРОСКУДИНА *(держит Ивана за рукав)*. Не слезайте, пожалуйста.
СОРОКИНА. Ваня...
ИВАН. Он теплый...
ПРОСКУДИНА. Видите, теплый. Значит, им двоим теплее.
СВЕТЛАНА. Раньше обогреватели были и ванна.
ПРОСКУДИНА. А Ваня себя по-прежнему девочкой считает?
СВЕТЛАНА *(злобно)*. Дождется, что выебут.
ПЕТР. Чтобы трахнуть силы нужны. А у кого сейчас силы?
СВЕТЛАНА. У Пети пися мягкая — не стоит давно. *(Громко.)* Как мы раньше еблись! А в последний раз я Петину сперму съела — так хотелось углеводов. *(Подползает к Алле Львовне.)* Вы говорили, у вас соседи голубые.
ПРОСКУДИНА. Что?
СВЕТЛАНА. Я подумала, что, может быть, содомиты купят Ваню.
ПРОСКУДИНА. Зачем?!
СВЕТЛАНА. Тихо. *(Шепотом.)* Трахать его, пока он живой.
ПРОСКУДИНА. Света, вы больная.
СВЕТЛАНА *(отползает)*. Я не больная, а думаю, как нам жить... *(ползет)* в условиях кризиса...
СОРОКИНА *(мужу)*. Что-то ты, дорогой, замолчал.
СВЕТЛАНА. Умер, наверное. *(Бьет его по ногам.)* Умер ты?
ПЕТР. Папа... *(Трясет отца за плечо.)*
СВЕТЛАНА. Подох...
ПРОСКУДИНА. Бывает, что посидит человек, а потом отойдет.
СВЕТЛАНА. Мужчины быстрее умирают. У Петуховых сосед был — такой краса-

вец. Джинсы в сапоги заправлял, носил золотую цепочку. Знал итальянский. А умер быстро, потому что есть привык много и купаться.

Иван шумно лижет лицо Филиппа Романовича.

СОРОКИНА. Ваня, это не мороженое. Это дядя Филипп.
СВЕТЛАНА *(смотрит на них)*. Раньше были немецкие десерты, взбитые азотом.
ИВАН. У него глаза под веками задергались.
СВЕТЛАНА. Вдуй ему в жопу — он проснется.
ИВАН. Я люблю вас, Филя... *(Целует его в губы.)*
ПРОСКУДИНА. Не надо, Ваня, не надо.
СВЕТЛАНА. Засунь ему в рот.
ПРОСКУДИН. М...
ПРОСКУДИНА. Он живой! Филечка!
СВЕТЛАНА. Филечка-килечка.
ПРОСКУДИНА. Он живой! *(Трясет мужа.)* Ты меня слышишь?
ПРОСКУДИН. Санки...
ПРОСКУДИНА. Что?
ПРОСКУДИН. Санки...
ПРОСКУДИНА. Здесь они, здесь.

Филипп Романович встает, с него падают Иван и Алла Львовна.

СВЕТЛАНА. Сколько силы у говна. А мы его грели.
ПРОСКУДИН *(идет к двери)*. Там внизу...
СОРОКИНА. Филипп Романович!

Он выходит.

ПЕТР. Не надо его было отпускать.
ПРОСКУДИНА. Там лестница скользкая — я боюсь спускаться.
СОРОКИНА. Петя, может быть, наш папа тоже живой?
ПЕТР *(трогает)*. Нет, холодный.
СОРОКИНА. Умер, значит. Жалко.
ПЕТР. Надо его в угол положить.
СОРОКИНА. Сейчас сил нет. Карточки у него забери.
ИВАН. Что случилось?
СОРОКИНА. Папа умер.
ИВАН. У Ивана умер отец?
СОРОКИНА. Да. Петя, карточки забери.
ПЕТР *(вынимает карточки)*. Забрал.
ИВАН. Бедный, он будет плакать. Я не буду ему говорить.
СВЕТЛАНА. Не потеряй карточки.

ИВАН. Когда он болеет, я прижимаю его к себе. Я помню, он прилетел и подарил мне огромную, до пола, гирлянду из фиалок. Ее сплели дети в Малайзии.
СВЕТЛАНА. Твой Ваня летчик?
ИВАН. Да, он летал на маленькой «Сессне» вокруг водопада «Сальто анжело» в парке Канайма в сельве на подступах к Амазонии, сафари в Кении и Танзании, занимает позицию топ-мен... *(Хватается за голову.)* Черви! Они все съели! Все добрые слова! Я не смогу читать «GQ»!

Пауза.

ПРОСКУДИНА. Да, журналы — это прекрасно. Надеюсь, они когда-нибудь появятся снова. Света, хотите я дам вам кое-что?
СВЕТЛАНА. Что?
ПРОСКУДИНА. У меня есть хороший аромат. *(Вынимает образец.)* Из журнала «Madame Figaro». Духи «Шанель». Мне кажется, я понимаю вас как женщину. Когда нас лишают маленьких радостей, мы становимся раздражительными... *(Протягивает.)*
СВЕТЛАНА *(хватает образец)*. Дай... *(Нюхает.)* Так он выветрился. *(Трет лицо.)* Совсем ничего... *(Мнет образец.)* Сухой... *(Прячет.)*
ПРОСКУДИНА. Куда вы? Верните мне, пожалуйста.
СВЕТЛАНА. Пошла на хуй. Приперлась и пиздит.
ПРОСКУДИНА *(неуверенно)*. Этой мои духи.
СВЕТЛАНА. Жопу порву.
ПРОСКУДИНА *(Петру)*. Скажите ей.
СВЕТЛАНА *(вертит головой)*. Только троньте.

Иван встает, идет к Светлане.

ИВАН. Верните.
СВЕТЛАНА. А? Что? Иди на хуй. Что ты защищаешь? Почему ты красивый, когда все посерели? Он, наверное, где-то поджирает.
ИВАН. Верни Алле Львовне ее духи.
СВЕТЛАНА *(швыряет образец под ноги)*. На!
ПРОСКУДИНА *(подбирает)*. Ванечка, вы тоже можете подушиться.
СВЕТЛАНА. Надо его раздеть и посмотреть, где он прячет еду. Он специально так заматывается и тихонько жрет под тряпками. (*Срывает с него лохмотья.)* Наверное, «Кириешки» прячет...
ПЕТР. Света, береги энергию.
СОРОКИНА. Что за позор вы устраиваете...
СВЕТЛАНА. Сейчас посмотрим...

Иван голый. Светлана роется в его одежде.

СВЕТЛАНА. Говорите про меня что хотите... еще будет мир... еще поедем в Египет... *(Находит что-то.)* Я же говорила! Это семечки *(Показывает небольшую горсть.)* А ебанашкой прикидывался. А у самого семечки. По двадцать рублей были в «Магнолии».
СОРОКИНА. Это Ванины семечки.
СВЕТЛАНА. Ванины? А почему он прячет?
СОРОКИНА. Да посмотри, сколько их там. Тебе не стыдно?

Иван стоит, опустив голову вниз.

СВЕТЛАНА *(указывает на Ивана)*. А ему не стыдно? *(Бросает ему в лицо семечки.)* На!

Пауза.

СВЕТЛАНА. Господи! Что я наделала!

Она начинает ползать и собирать семечки.

СВЕТЛАНА. Пол темный... дайте свету!.. не видно ни хрена...

Иван пинает Светлану по голове.

СВЕТЛАНА. Ой! *(Падает лицом вниз.)*
СОРОКИНА. Ваня!
ИВАН *(тихо)*. Я не Ваня. Я сатана.
СОРОКИНА. Петя, прикрой брата!

Петр наматывает Ивану на бедра тряпку.

ИВАН. Ты кто такой?
ПЕТР. Все нормально.
ИВАН. Хочешь, я сделаю тебя царем?
ПЕТР. Нет. Ты успокойся...
ИВАН. А чего ты хочешь?
ПРОСКУДИНА. Ваня, возле меня ваша семечка упала. Можно я ее съем?

Входит Филипп Романович с чем-то замотанным в ткань.

ПРОСКУДИН *(протягивает)*. Вот. Нашел, на полку под санками положил.

Все молчат.

ПРОСКУДИН. Что случилось?
ПРОСКУДИНА. Ваня — сатана.

Воздушная сирена. Все, кроме Ивана, ложатся.

СОРОКИНА. Ложись!
СВЕТЛАНА. Налет!
ПЕТР. Бомбят!
ПРОСКУДИНА. Филя, на пол!
ПРОСКУДИН. Иду!
СОРОКИНА. Ваня, ложись!
ПЕТР. Ваня!
СВЕТЛАНА. Ляг, придурок!

За окном падают бомбы. Сорокины и Проскудины ползают по полу. Иван стоит не двигаясь.

СОРОКИНА. Господи!
ПРОСКУДИНА. Боже, помоги нам!
ПЕТР. Я боюсь! Я боюсь, мамочка!
СОРОКИНА. Петя, ползи ко мне!
СВЕТЛАНА. Ваня, мудак!
ИВАН. Никто из вас не дорог мне.
СВЕТЛАНА. Закрой рот и падай!
ПРОСКУДИНА. Не стойте возле окна!
ПРОСКУДИН. Ляжьте комком!
ПРОСКУДИНА. Ляжьте как Филя!
ПЕТР. Ох, мамочка, сыкотно!
СВЕТЛАНА. Бог спаси, Бог, Бог, Бо...
ПЕТР. Пусть меня уже убьет!
СОРОКИНА. Ох, разнесет квартиру!
ПЕТР. Долбанная Москва! Зачем мы сюда приехали!
СВЕТЛАНА. Пусть она наебнется!
ПРОСКУДИНА. А где вы жить будете?
СВЕТЛАНА. У вас!
ПЕТР. Ваня-я!!

Иван стоит молча.
Делает жест рукой — бомбежка прекращается.

ПРОСКУДИНА. Вы видели?

Все молча смотрят на Ивана.
За окном падает бомба — выбивает зафанеренное окно. Поднимается облако из извести и пыли.
Все лежат на полу.

ПРОСКУДИН *(поднимает голову)*. Опять не умер.

Все молча поднимаются, откашливаются.

ПРОСКУДИН *(разворачивает ткань свертка)*. Умер...
СОРОКИНА. Кто?
ПРОСКУДИНА Котенка нашел, в тряпку завернул.
СВЕТЛАНА *(подходит).* Дайте посмотреть.
ПРОСКУДИНА *(загораживает мужа).* Это наш с Филей кот! *(Выставляет вперед руки.)*
СВЕТЛАНА *(заглядывает).* Это не кот.
ПРОСКУДИНА *(оглядываясь)*. А что?
СОРОКИНА. Может быть, подделка, как на рынке: яйцо продадут с кровью, мыло маслом намажут и продадут.
СВЕТЛАНА *(отступает)*. Это вообще не кот.
ПРОСКУДИНА *(смотрит)*. Это... Филя, что это?
ПРОСКУДИН. Был кот.

Филипп Романович вываливает из тряпки на пол что-то непонятное.

СВЕТЛАНА. Ну, спасибо: пол засрали.
ПЕТР. Что за гадость?
ИВАН *(ошеломленно смотрит перед собой)*. Господи!.. *(Бежит к непонятному.)* Ваня! Ваня!

Падает рядом с непонятным и начинает его целовать.

СОРОКИНА. Ваня, брось!

Петр пытается отнять у брата непонятное.

ИВАН. Я нашел его!
СОРОКИНА. Это испорченный котенок, брось его!

Светлана отделяется от остальных. Она словно преобразилась.

СВЕТЛАНА *(держится за голову).* Господи! Я взываю к тебе из бездны! Во всем виновата, во всем раскаиваюсь! Наказана тем, что лишена тебя — мы все лишились тебя. Ты ушел тихо, как голубь, а сатана вошел следом.
ПРОСКУДИНА. Как Света хорошо говорит...
СВЕТЛАНА. И даже если выживу, зачем мне эта жизнь? Об одном прошу — не карай меня. Еще день без хлеба, еще два, три, но что такое вечность без тебя, Господи? Я изголодалась по тебе, Отец. Ты мой хлеб, ты моя пища. Это не Москва в блокаде, это душа моя в ней...
СОРОКИНА. Она сошла с ума.
ПРОСКУДИН. Да, это не похоже на Свету.

Глаза Светланы светятся бесстрашием.

СВЕТЛАНА. У меня... к вам... есть... предложение...
ПЕТР. Какое?

Пауза.
Светлана что-то шепчет мужу на ухо.
Петр молча смотрит на нее. Затем, тоже шепотом, передает сказанное брату, матери, Проскудиным.

ПРОСКУДИНА. Светочка... Мы вас так любим... Но мы так хотим есть...
ПРОСКУДИН. Поймите нас...
СВЕТЛАНА. Мне надо будет помыться.
ИВАН. Я буду есть тебя и плакать...
ПЕТР. Я тоже...
ПРОСКУДИН *(робко).* Может быть, Кирилла Петровича?..
СОРОКИНА. Он не давал согласия. Света сама.
СВЕТЛАНА. Выйдите. Я помоюсь.
ПРОСКУДИНА. Какая все-таки молодец. Никогда бы не подумала. Все время материлась.
ПЕТР *(нерешительно подходит)*. Нужна помощь?
СВЕТЛАНА. Нет.
ПЕТР. Я хотел тебе сказать...
СВЕТЛАНА. Не нужно.

Петр молча снимает кастрюлю с керосинки и ставит на пол, подвигает табурет.

ПЕТР *(подходит к жене)*. Может быть, не надо? *(Светлана молчит.)* Спасибо. *(Целует ее в щеку.)*
СОРОКИНА. Мне остаться, помочь?
СВЕТЛАНА. Нет.
ПРОСКУДИНА. Тогда мы пойдем, Светочка?
ПРОСКУДИН. Ты нас очень выручила.
ИВАН *(подходит к Светлане, говорит шепотом)*. Я буду плакать...

Все, кроме Светланы и мертвого Кирилла Петровича, выходят.
Пауза.
Светлана прислушивается, подвигает табурет поближе к Кириллу Петровичу, садится. Оглядывается, вынимает нож и вилку, еще раз смотрит на дверь. Встает, переносит керосинку поближе. Садится.
Пауза.
Светлана закатывает одну брючину Кирилла Петровича. Подносит керосинку и опаливает огнем волосы на ноге, разгоняет дым, кашляет.
Пауза.
Светлана целится вилкой в ногу.
Стук в дверь.

ПЕТР *(за дверью)*. Света! Света!
СВЕТЛАНА *(через плечо)*. Чего?!
ПЕТР. Война кончаться! Война кончаться!!
СВЕТЛАНА. Сейчас!

Поспешно встает, убирает табурет и керосинку, прячет нож с вилкой. Идет открывать дверь.

ПЕТР. Света!
СВЕТЛАНА. Идти!

Возвращается и поправляет брючину. Быстро идет к двери, открывает.

СВЕТЛАНА. Петя!
ПЕТР. Война кончаться...
СВЕТЛАНА. Египет!

Падает в обморок, Петр ловит ее на руки.
В комнату входят Анна Сергеевна, Иван, Филипп Романович и Алла Львовна.

СОРОКИНА *(крестится)*. Господи, спасибо ты...

Иван обнимает мать.

СОРОКИНА. Господи... *(Оглядывает всех, говорит отрывисто.)* Все молиться!

Все тихо, склонив головы, шепчут молитву.
У Ивана звонит iPhone.

СОРОКИНА. Хотя бы на время молиться отключать.
ИВАН. Извини мать. *(В трубку.)* Алло!
СОРОКИНА. Что «извини»? Бог говорить: я Москву спасать, а они на меня срать.
СВЕТЛАНА *(поднимается с рук мужа)*. Надо Кирилл Петрович убрать.
СОРОКИНА. В простынь замотать.
ПЕТР. На балкон класть, рядом со свернутый палас.
СВЕТЛАНА *(берет пульт)*. О! Телевизор работать!
ПРОСКУДИНА. Что показывать?
СВЕТЛАНА. Передача: «Они пережить блокада».
ПРОСКУДИНА *(садится рядом)*. Интересный...
СВЕТЛАНА. Здесь смешной историй про блокада.
ПРОСКУДИН. Я так бояться, когда санки перевернуть.
ИВАН *(убирает телефон)*. Мать, я скоро уходить.
СОРОКИНА. Куда?
ИВАН. На фуа-гра-party в честь конец блокада.
СОРОКИНА. Заходить в магазин — покупать фрикасе и календарь про годовой блокада.

СВЕТЛАНА *(смотрит в телевизор)*. Ха-ха-ха! Анекдот про смерть младенец!
ПРОСКУДИНА. Я люблю смеяться над смерть!
ПЕТР. Я люблю российский телевизор — там всегда труп показывать.
ПРОСКУДИН. Там всегда президент мяукать.
СОРОКИНА. Иван, убирать пока отец, а то вонять и течь на паркет.

Иван волочит отца на балкон. Останавливается.

ИВАН. Уф! Уставать! Желание дрочить.
СОРОКИНА. Бог видеть — в ад кидать.
ИВАН. Ты сам в Бог не верить. Ты врать.
СОРОКИНА *(смеется)*. Да, не верить, а притворяться. Во время блокада молиться: Бог спаси, я буду живой и хороший. А сама думать: если спасать, снова быть плохой, обманывать Бог.
ПРОСКУДИНА. Мы с Филя тоже Бог обманывать в молодость. Говорить, Бог, давать нам московский квартира — мы в церковь ходить, человек помогать. А когда Бог нам давать, мы обманывать и нищих дразнить.
ПЕТР. Надо Бог плевать и в банк на процент класть.
ПРОСКУДИН. Главное, ставка рефинансирование не превышать.
ПЕТР. Даже если завышать — всех обманывать.
СВЕТЛАНА. Деньги получать и солярий ходить, эпиляция делать. Из жопа волосы выдирать.
ИВАН. На Бог надо срать, хорошо жить, умирать в пустота попадать.
СВЕТЛАНА. Надо забыть Бог.
ИВАН. Да, как скот жить: жрать и срать.
СОРОКИНА. Иван, отец тащить до конца.
ПЕТР. Да, тухлый отец не бросать.
ИВАН. Не приказывать мне. Если приказывать, я убивать.
СОРОКИНА. Я тебя сама убивать.
СВЕТЛАНА. Тихо! Телевизор не переорать!
ИВАН *(оттаскивает отца в угол)*. Вот здесь бросать.
СОРОКИНА *(Проскудиным)*. Ты уходить. Мне надоедать — целый день торчать.
ПРОСКУДИНА. Еда давать, тогда уходить.
СОРОКИНА *(указывает в угол)*. Мой муж жрать — вот такой еда.
ПРОСКУДИНА. Суши хотеть, деликатес, а твой муж пусть детдом жрать.
СВЕТЛАНА. Ха-ха! Я любить над сирота смеяться! Они уголовник вырастать, никогда гламур не знать.
СОРОКИНА. Хорошо, что окна бомба выбивать — теперь мы пластиковый рама ставить.
ИВАН. Война — хорошо. Лишний человек умирать.
СВЕТЛАНА. Да, теперь Москва свободней стать. Нет мерзкий чурка.
СОРОКИНА. Раньше Москва полный говно быть — чурка, пробка.
ИВАН. Теперь мы сам — москвич. Теперь мы всех говном обзывать. «Понаехали» говорить.

СВЕТЛАНА. Как будто интеллигентный ходить, как будто родословная и столовый серебро, а сам пустой внутри.
ИВАН. Да, пустой, как москвич.
СОРОКИНА. Света, от телевизор отрываться. Отмечать конец блокада. *(Алле Львовне.)* А ты с муж уходить — тебя не звать. И так у нас много жрать.
ПРОСКУДИНА. Если прогонять, мы у вас воровать деньги.
СОРОКИНА. Тогда оставаться. *(В сторону.)* Все равно их обмануть.

Выходит и входит с подносом шампанского и закусок. Раздает всем бокалы и тарталетки, кроме Проскудиных.

СОРОКИНА *(поднимает бокал)*. За снятие блокада с Москва!
ПРОСКУДИНА. А мне?
ПРОСКУДИН. А мне?
СОРОКИНА. А вас я обмануть.
СВЕТЛАНА. Новый поколение москвич обманывать старое поколение москвич.
ПРОСКУДИНА. Мы на вас жалобу писать Медведев.
ПЕТР. Медведев — марионетка. Нет настоящий власть.
СВЕТЛАНА. Вся власть у Путин.
ПРОСКУДИНА. Мы на вас жалобу писать Путин.
СОРОКИНА. Ах! Не надо! Нас Путин убивать! *(Подает бокалы и тарталетки.)* Вот напиток, еда.
ПРОСКУДИНА. Ха-ха, испугаться!
ПРОСКУДИН. За спасение Москва!
ВСЕ. За Москва!

Пьют.

ИВАН. Брат, идти вместе машина воровать, деньги делить?
ПЕТР. Идти.
СВЕТЛАНА. Я к парикмахеру ходить — кончики ровнять, брови щипать, потом проститутка ходить.
СОРОКИНА. А я на пенсия сидеть: нам государство копейка швырять, в нас злоба кипеть.
ПРОСКУДИН. Надо свой бизнес открывать.
ПРОСКУДИНА. Детей воровать.
ИВАН. Хороший идея! Сначала воровать, с родителей выкуп брать, а вместе ребенок — кукла в пакет возвращать. Потом малыш в подвал держать — собакой ебать, на камера фильм снимать, извращенец продавать. Потом малыш убивать, орган в Америка отправлять. Три раза деньги брать.
СВЕТЛАНА. Недвижимость покупать и в аренда сдавать.
ПРОСКУДИНА. Кавказец не сдавать — он в ванну срать, вместе с мебель уезжать. Замок ломать.
ИВАН. Чтобы другой тебя не обманывать — надо хитрый, злой быть, на всех орать. Тогда в Москва сможешь жить, иначе тебя город жрать.

СОРОКИНА. Ваня — молодец. Ваня — москвич. Вся надежда на Ваня.
ИВАН. Все я уходить — дела крутить, лавэ поднимать.
СОРОКИНА. Возвращаться, Ваня.
ПЕТР. Возвращаться, брат.
СВЕТЛАНА. Приходить обратно!
ПРОСКУДИНА. Быть смелый!
ПРОСКУДИН. Если что — кусать.

Подходят к окну.

СОРОКИНА. Ваня идти.
СВЕТЛАНА. Мы сверху на Ваня смотреть.

Смеются.

СОРОКИНА. Веселый Ваня: бежать, прыгать.
СВЕТЛАНА. Как доллар.

Истерически смеются.
Дверь распахивается. Все оборачиваются.

СОРОКИНА *(в ужасе)*. Я видеть огненный шар — это Бог. *(Отступает.)* Простить меня! Простить! Я в церковь дорогой свечка покупать!

Падает замертво.

ПРОСКУДИНА. Ха-ха-ха! Умирать! *(Смотрит куда-то.)* Ах! Теперь шар за мной приходить! Нет! Нет! Я из Москва уезжать! Только не убивать!

Падает замертво.

ПЕТР. Я убегать от шар!

Бежит и падает замертво.

ПРОСКУДИН *(печально)*. Шар меня убивать.

Падает замертво.

СВЕТЛАНА *(протягивает руку)*. Стоять, шар.

Падает замертво.
Входит И в а н .

ИВАН *(берет со стола телефон)*. Я iPhone забывать. *(Идет к выходу.)*

Возле двери падает замертво.

КОЛЛЕКЦИЯ

ГАЙ ДАВЕНПОРТ

СНЕЖНОЕ ПОЛЕ НА СКЛОНЕ РОЗЕНБЕРГА

У человека, наблюдавшего, как в мензурке с водой безмятежно горит свеча и от ее пламени струится вверх струйка мелкой икры пузырьков, у того, кто был в Цюрихе, когда Ленин, прикрыв глаза и подцепив большими пальцами проймы жилета, слушал баритона Гусева, коленопреклоненно певшего «Нас венчали не в церкви» Даргомыжского, у того, кто однажды на исходе меланхолического дня беседовал с Олимпией Мане, которая с ним говорила с дешевого оттиска, прикнопленного мною к стене между развратной девчонкой Эгона Шиле и меццо-тинто Новалиса, у того, кто, подобно мне, Роберту Вальзеру из Биля, что в кантоне Берн, видел, как профессор Уильям Джеймс распространяется, обмакнувши в суп галстук, до того долго, что этот последний уж стал фитилем, от коего покраснел воротничок, так что женщина за соседним столиком сжала себе щеки костяшками пальцев и завопила, — у такого человека путешествие на воздушном шаре по милости ветров с богатых лигнитом гор Саксонии-Анхальта к пустынным пескам Балтики не способно вызвать нового трепета от моей парафеноменальной и безродной эпистемологии, разве что очистятся раздумья о просторах дисгармонии, являемых подо мной, подобно карте, да, быть может, возникнет акрофобия.

Шар поднимался в воздух в Биттерфельде, а тем временем, с искусными корсиканскими фанфарами и резвой барабанной дробью, оркестр серебряных корнетов, сокращавшийся внизу до россыпи медных и золотых брызг, наяривал «Медведь завалился за гору».

Кассирер зацепил якорь за плетеный гакаборт и крикнул «auf Wiedersehen» сжимавшимся фигуркам под нами — дамам в шляпках из итальянской соломки, механику в синем рабочем халате, олдермену, махавшему цилиндром, лютеранскому пастору, державшему библию, как кирпич, который он только что подбросил, и мальчишкам в кепках и гольфах — с неистовой завистью эти мальчишки взирали на рукавицы наши, летные очки, шарфы из шотландки и оптическую трубу.

Ветра, к коим мы подымались, были холодны, как горные ручьи. Вокруг нас застывшим дымом висели драные клочья облаков. Если не вглядываться, никак не скажешь, ты ли плывешь мимо облаков или они мимо тебя, но даже так влияние сжимаемости смущает глаз, ибо мнится, будто земля течет под неподвижной корзиной, пока не развеется иллюзия — так бывает, если смотришь на контурный рисунок куба и дальнюю сторону фигуры полагаешь иногда ближней: эффект того Маха, который перегибался через перила мостов и ждал, пока реальность не совершит сальто, по коему он поймет, что стоит на стремительном мосту, летящему по-над недвижной рекой, — и никому неведомо, наш ли поезд или тот, что рядом, отъезжает от вокзала.

Кассирер повернулся, и мы пожали руки, рукавицей рукавицу. Я ответил ему той же Рузвельтовой ухмылкой во весь рот, хотя в животе у меня роились трепетливые бабочки, а котенок пытался поймать себя за хвост.

Кассирер, годная душа, подправил шкивы такелажа. За бортом тонули розовые и фиалковые облака.

Воздушный шар, О роскошное воспоминанье, был весело расписан под греческий кратер. По экваториальной полосе кру́гом парадировали знаки зодиака. Красные ромбы и зеленые звездочки венчали верхушку и обнимали шею. С гондолы струились ленты. Первый балласт уже лился на землю с невозмутимостью песочных часов. Наша тень переплыла красную черепичную крышу, амбар, трех голштинок, железную дорогу.

Февральский ветер пропылился льдом, и мы возносились к нему, раскачиваясь, точно маятник.

Когда куб в перспективе меняет передний план на задний, уж не Relativitätstheorie ли Эйнштейна наблюдаем мы собственными глазами? Или же мы наблюдаем куб так одним навыком мозга, а сяк — иным? Слева, где молниями скачут интуиции, мозг управляет ловкой правой рукой, логикой, речью, нашим ощущением пространства. Справа, где на страже стоит рассудок, он правит неуклюжей левой, подозрением, первобытным страхом, нашим ощущением времени.

— Тем самым, кричал далее Кассирер, человек животный есть хиазм дополняющих и противоречащих функций.

Беседа эта не кончалась много дней. В те времена люди еще разговаривали друг с другом — как я сейчас говорю сам с собой. Но вы — там, ich bitte tausendmal um Verzeihung! Слышно ли вам на таком ветру фа-мажор Erwachen heiterer Empfindungen bei der Ankunft auf den Lande? Мне слышно. Кассирер поддерживал беседу по мере того, как ему что-то взбредало на ум, — сходя с поезда, у писсуара, в сидячей ванне, из-за дверей моей спальни посреди ночи.

— У нас в рассудках сочетаются мартышечья истерия, сказал он, и уравновешенный интеллект английского исследователя.

Я поднес чашу ладони к уху — расслышать в пустоте ветра.

— Иррациональная вера, сказал он, опрокидывая мешок песка, поддерживает неверующий разум на плаву.

Я глянул вниз на делянки земли, деревни и дороги. Вес моего тела будто бы стекал в трубу. Вцепившиеся в плетенье корзины пальцы были обессилены, как черви.

— Вы побелели, крикнул он.

— Головокружение, прокричал я в ответ.

— Теперь позеленели.

— Das Schwindelgefühl!

— Жженого вина? предложил он, протягивая мне охлажденную фляжку.

Ach, das Jungsein! Теперь, сквозь них пройдя, я знаю, что нет никаких зрелых лет. Из юности я сразу оказался в старости. Сохранился мой снимок — я

аэронавт в летных очках. Походил на акробата из époque bleue et rose этого очаровательного негодника Пикассо. Видел бы меня тогда der Graf Руфцайхен! Сие потрясение стоило бы устроить — столкнуть на такой высоте зад adlig старого коня с его меланхоличным дворецким.

Лиза бы завопила, а герр Беньямента из Института насупился бы обычным манером, собрав все складки овощной мякоти на педагогическом своем челе.

Под нами скользили взгорки, каналы, хутора. Мы подобны были Зевесу в «Илиаде», когда он осматривал всю землю — от пивцов кобыльего молока за Оксом до компанейских пастухов Эфиопии.

— Альтдорфер! крикнул Кассирер. Дюрер! Это ли не, mein geliebt Вальзер, картина окрышенной и подшпиленной Северной Европы, кою увидишь с Вавилонской башни Брейгеля? Какое великолепье! Взгляните на тот стог, на вон ту мельницу, на тот Schloss. Видно теплицы. Вас когда-либо так завораживала параллельность света?

Мы увидали красно-золотые фургоны цирка у заставы, за ними — слонов, каждый держится хоботом за хвост переднего.

Поднимался ли Ницше на шаре? После Ницше, как ляпнул остряк, должен быть Вальзер. А Бонапарт? Я попробовал ощутить себя каждым по очереди — лениво развалиться, как Ницше, слепой позер, наготове пара строк из Эмпедокла для фройляйн Лу, надуть мамону, как Empereur, закопаться пальцами в жилетку и думать по-цезарски.

Но, O Himmel, я хотел, чтобы лишь граф Руфцайхен стал разоренным и разъяренным свидетелем моего Ballonfahrt. Я был словно бы сиротою под крышей его — нигде не нашлось мне места ближе, кроме как разве что здесь. Быть может.

В его поместье я прибыл, чихая, весь взъерошенный, неистово-бурным днем, от которого у меня покраснели уши, а цилиндр катило передо мной. Почему Беньямента требовал носить цилиндр, отправляясь на соискание первого в жизни места, станет известно, лишь когда сломают печати. Дабы поймать головной убор, я оставил картонный свой чемодан на милость дождя, который тут же накинулся на стыки. В цилиндре содержался мой диплом, подписанный и запечатанный, — диплом Института герра Беньяменты для Дворецких, Лакеев и Камердинеров. Зонтик мой был той разновидности, коей Droschkenkutscher заботливо прикрывают лица своих седоков, достаточно обширный, чтобы не промокла дама в бомбазине, турнюре и широчайшем фишю, даже если ее сопровождает ukrainischer Befehlshaber в придворном платье. Ветер играл с зонтиком в воздушного змея.

Цилиндр подпрыгивал, оставляя кольца ваксы на поблескивающей влаге плитняка. Зонтик тянул и вращался вертлюгом, дергал и толкал. Я бежал в одну сторону за чемоданом, в другую — за цилиндром. Гляди кто-либо из величественного сего особняка — видели бы лишь прародителя всех зонтиков на двух ногах, который скачет на цыпочках, сверчку подобно, вслед ускользающему по листу сияющей воды убору.

Кухарка Кларибель видела — и с тех пор упоминала, что сие зрелище ее вынудило задуматься.

Отношения мои с угрюмым графом Руфцайхеном были неуравновешенны, однако являли собой поистине масонское дружество в сопоставлении с противоточными встречами меня и Кларибель. Крушенья наши рождены были звездами.

Это она приняла меня у дверей, в ее квочкиных глазах — вызов и гиканье.

— Это ли, крикнул я, обуревая гласом бурю, Шлосс Дамбрау?

На сие она не ответила ничего.

— Я мсье Робер, сказал я, новый дворецкий.

Она присмотрелась ко мне и погоде, пытаясь определить, какая из этих напастей более достойна ее замечания.

— Как видите, наконец рекла она, здесь нет дворецкого, чтобы открывал двери. Кухарка, то бишь я, может готовить себе пищу, но дворецкий вроде того новичка, кой есть вы, ja? — не способен открыть двери на собственный стук, fast nie.

Со всем этим я согласился.

— На ваш взгляд, я силезка? далее осведомилась она. Фрау Кларибель — так можете обращаться ко мне. Отчего нас покинул предшествовавший дворецкий, не персонам моего пола и респектабельности сообщать, точно вам говорю. Зачем это вы бегали в полуприсяде по всей подъездной дорожке? Сверните ваш зонтик. И не стойте на ветру, не стойте на дожде.

Я проследовал в свои апартаменты мимо чугунного Зигфрида в вестибюле, предшествуемый фрау Кларибель и верховыми гессенцами в кокардах, королевской барабанной дробью и тряским флагом «Symphonie militaire» Гайдна с аденоидальными скрипками и оловянными медными доносившейся из граммофона за стенкой.

— Der Graf весьма культурен, отметила кухарка музыку. Вы увидите — у него есть манера, герр Robehr.

Я оценил лакедемонскую постель у себя в спальне. Также антикварный столик, за коим мне предстояло проводить столько часов наедине со свечою, грея закоченевшие руки над жаровней. Все мои квартиры были таковы — тесные камеры святого либо преступника. Либо пациента. Ночную вазу украшал вид Везувия в сепии и розовом.

О Кларибель, Кларибель. Ни единое воспоминанье о ней не затмевает надолго нашего первого contretemps. Слишком книжное словцо. Нашего кру—шенья.

Настал лишь третий день после моего вступления в должность, но именно тогда мы с графом вчерне набросали распорядок, который с самого начала неизбежно привел бы меня к восьмилетнему изгнанию в комнатушку над Бильским обществом умеренности — пока гибли, словив в охапку бомбы, эрцгерцоги, пока десять миллионов человек шли на убой, шесть миллионов калечились, а все деньги на свете, помноженные на пять, занимались под сложные проценты у банков. У серьезных, притихших, священных банков.

Поспешая по ковру коридора на графский звонок, я мог вдруг загарцевать кекуоком, завыступать, распушив хвостовое перо и вытягивая носок. Мог вжать локти в бока, словно бы поддразниваемый корнетом джаз-банда отсалютовать дому шляпой-канотье. И перед самой дверью в библиотеку мог исполнить боевой танец Бешеного Коня. Затем, содрогнувшись, дабы снова напустить на себя видимость выпускника Института Беньяменты, поворачивал ручку одной кистью, другой оглаживал волосы — и входил надменным дворецким, почтительным и невозмутимым.

— Звонили, герр граф?

Старикану приходилось разворачиваться всем креслом — действия сего я мог достичь, помедлив на окраине его поля зрения: неплохое среднее между остановкой совершенно не в его виду и полным представлением для неблагопристойного обращения в фас.

— Звонил, клянусь Юпитером, а то! Интересно, зачем.

— Не могу знать, сударь.

— Странно.

— Вы звонили, сударь, лишь если рука ваша по некоему небрежению не дернула шнурок звонка либо в силу привычки, либо преждевременно, не успело желанье, побудившее бы к жизни звонок, связно образоваться у вас в рассудке.

Граф Руфцайхен обдумал услышанное.

— Но вы слышали звонок, не так ли, в своем алькове?

— Истинная правда, сударь.

— Я себе его не вообразил, полагаю, нет?

— Никак нет, сударь.

— Будь я проклят, молвил граф, не отрывая взора от собственных ног. Ступайте прочь и дайте мне подумать, зачем я вас вызывал.

— Ежели вы, сударь, соблаговолите записать причину моего вызова в блокноте, вы не забудете ее до моего прибытия.

— Пошел вон!

— Слушаюсь, сударь.

Такие сцены мы с ним разыгрывали весь день. Я едва наладился подобным манером с ним хитрить, когда ввязался в путаницу с иссохшей удачей Кларибель.

Последняя, разувшись для того, чтобы оттереть несколько каменных ступеней, ведших в ее владения, скинула прихватом конфорку с печи, дабы подбросить в огонь палку топлива, а поскольку лучшее полено в дровяном ящике было длинновато, Кларибель сделала шаг назад, стараясь лучше уместить его, и встала ногой, коя была не только боса, но и влажна, на раскаленную конфорку — и возопила, призывая Иисуса проклясть докуку и ее испакощенные штанишки.

Я же тем временем, спустившись по лестнице и поспешая удостовериться в причине воя, наступил на обмылок, плававший на ступенях в потоках пены. Нога моя выскользнула из-под меня и взметнулась пинком столь тщательным,

что я лишь на малую толику промахнулся мимо потолка и не изгваздал его мыльным отпечатком стопы.

Другая же моя нога, пританцовывая, дабы сохранить равновесие, метнула полное ведро навстречу хромавшей Кларибель, и долгий язык воды зашипел, омывая конфорку примерно в тот же миг, когда я, словно бы выпущенный из катапульты, врезался в кухарку, и столкновенье наше ввергло нас обоих вверх тормашками и едва ль не бездыханных в проем кухонной двери прямиком на тележку, влекомую козлом, коя подведена была непосредственно к ступеням ради облегчения разгрузки навоза, призванного удобрять посадки рододендронов.

Взволновавшись от неожиданности, козел возблеял и дернулся прочь, таща нас сквозь прикухонный огород, через подъездную дорожку в заросли роз и из оных, вокруг колодца к конюшням до самого курятника, где желтое колесо, не привыкшее к подобным скоростям и складкам местности, рассталось с осью и самочинно отправилось катить мимо пятящихся свиней, кота, вскарабкавшегося при его подъезде на дерево, коровы, проглотившей жвачку, а затем, описав несколько горячечных кругов, покачнулось и упокоилось в саду среди ос и винного цвета яблок-паданцев.

Мы же с Кларибель, вываленные наземь посредством отъезда колеса, остались сидеть, сплетясь ногами, на куче навозного компоста, кухарка — голося, я — безмолвствуя.

Сюда. Чуть подале орляк исключителен. Траектория — вот главное. Я родился в день рождения Леонардо да Винчи, в тот год, когда по всему свету вдруг стали популярны велосипеды, седьмым из восьмерых. Отец мой правил лавкой игрушек, где, помимо прочего, возможно было приобрести масло для волос, сапожную ваксу и фарфоровые яйца. Мать умерла, когда мне исполнилось шестнадцать: до этого два года стойко верила, что она дикобразиха, коронованная на престол Болгарии, первый признак того, что я окажусь здесь.

Брат мой Эрнст, повзрослевший до того, чтобы преподавать в школе, когда я не вырос еще из детских штанишек, начал полагать, будто за ним охотятся злонамеренные стрелки. Шизофрения. Скончался он в 1916-м, Герман — бернский географ — в 1919-м. Фанни и Лиза устроены хорошо, Оскар работает с деньгами. Карл — вот успех всей семьи. Бог знает, как он переваривает Берлин.

До того, как перебраться сюда, в безмолвие, я был в Вальдау. А еще ранее — смотрите, кролик стоит на задних лапах! — я переменно побывал студентом, банковским служащим, актером, поэтом, рисовальщиком вывесок, солдатом — видел тех белых бабочек, что густым снегом обсыпали клевер, — страховым агентом, официантом, торговцем марионетками, расклейщиком афиш, уборщиком, коммивояжером у изготовителя протезов, романистом, дворецким, архивариусом кантона Берн и распространителем брошюр о трезвости. Я всегда решительно принадлежал племени Виттингтона, но колокола, разумеется, звонят, когда я их не слышу, и когда следует предъявить

кота, у меня оного не оказывается. Франклин тоже был из племени, и Липтон, британский купец, и Манго Парк, и Линкольн, и Шекспир. Я дошел лишь до места слуги. Диоген и Эзоп были рабами.

Свобода — просто выбор тюрем. Жизнь одна, одна смерть. Мы — животное, которому слишком много рассказали, нам бы и меньше сгодилось. Путь вверх и путь вниз — вообще-то одно и то же, и Гераклит был здесь мудрее — прибавил, что подъем есть падение вверх.

Я часто себя убаюкиваю, задаваясь вопросом, может ли горная дорога быть до того крутой однакоже столь петлять поверхностно, что почудится, будто она спускается по тому склону, на который взбирается?

А как *они* себя убаюкивают — этот Манн с фельдмаршальским ликом, Гессе с его гуру и воскресными школами в Гималаях? Представьте только, что вас, как Гессе, увлекает индусский ум! Как-то в Берлине я беседовал с индийцем из Калькутты — или Пуны, или Коча. *Чирик-чирик*, говорил он. Манна тоже интересуют эти бурые мартышки-человечки с женскими ручками.

— В чем смысл жизни? — спросил меня малютка-индус для начала.

У меня сложилось отчетливое представление, что у него при этом подергивается хвост и топорщится шерсть под щеками. Вот-вот примется выискивать вошек у меня в волосах.

— Вы не знаете! На западе вы материалисты, рационалисты, вы научны. Чересчур прислушиваетесь к разуму, слишком мало — к душе. По духу вы дети. У вас нет *кармы*.

Мы стояли нос к носу, носок к носку.

— В вас нет глубокой мудрости от долгих медитаций, что уходят в века, считавшиеся глубокой древностью, когда Пляттён и Аристёттяль сосали мамкину титьку.

— Нет и впрямь, сказал я.

— Признаёте! взвизгнул индус, сверкнув золотым зубом и явив черный. Разумеется, признаёте, поскольку знаете, что это истинная древнеиндийская мудрость, которая есть универсальная трансцендентная мысль, которую изучают Тёллстёй в России, да, и Г. Бичерьстёй и Тёрёй в Соединенных Штатах.

Так он чирикал себе — про Бога и человека, что будто кошка с котенком в зубах, про человека и Бога, что будто мартышка с мартышонком, который за нее держится, что-то про опустошение рассудка, а мне хотелось лишь опустошить свой мочевой пузырь.

О скольз глаза и шип языка! А Ратенау нашел мне работу в Германском Самоа. И его пристрелили, как бешеного пса, поскольку, объяснил его убийца обер-лейтенант Керн, *он был прекраснейшим человеком нашего времени, сочетал в себе все ценное в мысли, чести и духе, а я этого вынести не смог.* Я рассказал об этом здешнему врачу — в опрометчивое мгновенье, — и тот спросил, почему я так одержим этим насилием. Жестокость, ответил я, есть сентиментальность, доведенная до своего логического завершения.

— А! сказал он.

Психиатрическое «а».

— Мы никогда не сумеем поговорить, сказал я, ибо все мои идеи суть симптомы, подлежащие вашему диагнозу. Ваша наука — подозрение, облаченное в пошлое достоинство.

— Герр Вальзер, герр Вальзер! Вы обещали не проявлять враждебности.

Ничего этих врачей не интересует. Ходят во сне, с коровьим любопытством глядят на тех из нас, кто даже во снах бодрствует.

На моей стене плоско спал мотылек. Я наблюдал за его усиками, за пятнистыми перышками, от моего мира столь же отдаленными, как я далек от звезд, за посеребренными крыльями, усеянными абрикосовыми глазками и усыпанными крапинами белой жести. Он кинулся на штурм моей лампочки. Ярость его была сродни банкирской тяге к деньгам. А теперь вот устал и совершенно недвижен. Снится ли ему что-нибудь? Английский патриот Холдейн писал о его ферментах, не убив ни единого мотылька, носил на ноге клопов в целлулоидном стручке, чтобы те пили его кровь.

Он есть в Das Evangelium, собрат ржави и воров. Наверняка же спит сном рыбы, в настороженной лености.

Вот он спорхнул на карту у меня над столом — на старую ксилографию из книги: по ней в темной полноте густых вен протекает река Евфрат, ниже — сад Эдема, поверху мелкой россыпью крепкие горы Армении, Вавилон обозначен громадной башней и ласточкиным хвостом вымпела, деревья в земном раю официальны, как сосновые шишки, а Ева с Адамом голы, словно электролампочки, на них лишь аккадские юбки из табачных снопов, имена по-гречески и на иврите среди латыни — будто цветки в листве, к северо-западу в Армении сидит лев, больше горы при этом, на запад от Каспийского моря шагает зверь, обильный рогами и шерстью, тракт, хвалящийся градами Александра, кирпичными стенами и смоковными рощами Писания, вверх от Персидского залива — Каифат, на который взирал Синдбад и где можно разжиться бдолахом, островок Бахрим, где разводят жемчуг, Эдем с четверкой своих рек, зеленых и прямых, словно рукотворные каналы, роща кипарисов, поваленных, дабы выстроить Ковчег, пурпурный Мусал, Вавилон — город кирпича, сотни храмов, посвященных богам с крыльями, как у аэропланов, с пикассоидными глазами и леонардианскими брадами, Ур халдеев с его домом Авраама, где портики и щипцы, город Ноя Хомей Таманон, остров Омара с мечетью, Наарда Птолемея, где расположена знаменитая ешива, конус Арарата, Колхида с ее золотыми рунами, Фасис — фазанья земля, Каппадокия, Ассирия, Дамаск под зонтиком финиковых пальм.

А потом я увидел, что мотылек — в самой лампочке.

Потому что, сказал я, будучи спрошен, почему я здесь, мир сопротивляется собственным законам.

У подножья парадной лестницы герра Руфцайхена стоял чугунный Зигфрид, укрепленный рогатиной на кабана и круглым щитом, — он пел громче вагнеровского ветра, гнувшего ему рога, выпячивал бороду и не сгибал колени.

Надо ли было стирать с него пыль? Тщательно, тщательно. За его спиной в крутом мраке изгибом кармазина и дуба возносилась лестница.

На стремянке, обмахивая лицо чугунного Зигфрида метелкой индюшачьих перьев, я, припоминая, что если вглядываться через окно в снегопад, комната начнет подыматься, а снег замрет в неподвижности, как если сидеть слишком близко к театральному занавесу, публика величественно опускается под раскаты труб, а под занавесом является красный Тангейзер — на коленях пред вышитой Венерой, с пением «Zu viel, Zu viel, O dass ich nun erwachte!», — увидел графа Руфцайхена: он скользил из библиотеки, уткнув нос в книгу, а кухарка Кларибель спиною отступала к нему, неся в руках куст чубушника. Точность, с коей им надлежало столкнуться, была неизбежна, а также извращенна.

— Zu viel! вскричал я.

Протараненная сзади, Кларибель завопила, взметнула чубушник ввысь и села на пол.

Я покачнулся, обнял Зигфрида и утратил стремянку под танцующими пальцами своих ног.

Чубушник вверх тормашками обрушился на графа Руфцайхена, засыпав его землею и корешками. Будто из рамы на музейный пол вывалилась аллегория Садоводства с Дарителем.

Стремянка завершила падение на голени Руфцайхена, подвигнув его свершить марионеточный курбет через Кларибель; пустой горшок из-под чубушника тем самым переместился с графской головы на кухаркину, отчего крики последней приобрели не свойственную им ранее гулкость, будто со дна колодца.

Плавно подскальзывая по ковру с бархатными ступенями в отплесках пламени, размещая супницу пред моим повелителем, который касается усов салфеткой, я вновь могу насладиться состоянием моего благополучия, а равно ароматами порея и бульона, возносящимися паром, стоит чуть сдвинуть крышку жестом, достойным танцоров Бали, а именно — насладиться тем, что Руфцайхен опять собрал меня воедино: учтивая нога, точная рука, безупречная дикция.

Гений — время.

Некогда был — я знал и вспоминал его с нежностью — в Сорбонне один преподаватель, убившийся электротоком на собственной лекции, ну или почти убившийся — до того, что вдруг обнаружил себя в углу под самым потолком, легкого, как переполненный шампанским жених Шагала. Вместе с тем он продолжал видеть себя внизу — по-прежнему читал лекцию, спокойно, ничем не проявляя, что в тело его вломилась молния, способная прикончить и быка.

Затем он осознал, что его ноги — обутые и огамашенные — разместились на противоположных подоконниках. Туловище огибало орбитой лампу. Левая рука оказалась в гардеробной — она щупала галошу, — а правая оглаживала периодическую таблицу Менделеева. Его густой, музыкально модулированный голос вещал об омах и контурах, сопротивлении и ваттах.

То была моя собственная притча. Я взыскивал мудрости касаемо упадка моей души и закопченности духа в отчетах американских Джеймсов, отца и сына, об очищении — они пережили в Новой Англии кошмарные мгновенья, когда мир в одночасье лишался всякого значения, а непосредственной судьбою жизни становились отчаянье, болезнь, смерть. Солнце сияло до крайности тщетно, человек проматывал ту малость времени, что отпущена была ему на жизнь — приятный вторник тут, воскресенье золотой осени там, — алкал денег заплатить мяснику, квартирохозяину, портному. Мясник забивал невинных животных, неспособных ко греху или недомыслию, к амбициям или лжи, дабы некто через посредство кухарки, порабощенной за жалкие гроши, и супруги, порабощенной ни за что, мог глодать их плоть и по окончании периода несварения и бездеятельности, проистекающей из переедания, присаживаться на горшок и сбрасывать фекалии и мочу, затем уносимые слугою, зажимающим себе нос, к выгребной яме, засыпанной известью.

Я полагал свое отчаянье смертельною болезнью Кьеркегора, кою пресыщает наслажденье и разъедает боль. Но нет, скорее то было потрясенье преподавателя Сорбонны. Распадаешься на куски. Именно такими словами. И надо опять собирать себя воедино.

Скармливая огню в Берлине страницы трех романов, стоя под дождем над отцовскою могилой, дописывая свой тысячный feuilleton, взбираясь по темной лестнице в какую-либо из сорока снимавшихся мною комнат, — ни единое движение ноги либо сердечной мышцы не хромало, ни одно уклонение от кого-либо не отдаляло.

— Еще свиную ножку, ваша светлость?

— И чуточку нутряного сала, покорно благодарю, Роберт.

Белая плитка, термометры, графики кровяного давления, анализы мочи и спазмы в трубах отопления; каковы были колорит и манера у Руфцайхена! Ковер — орнамент сжатых кругов в двояковыпуклом тугом витке раннего югендстиля — ржаво-оранжев, австрийски бур и синеват, как лацканы вермахтовских мундиров, он напорист, а мебель — Макинтоша, изящно модернова в своей строгости, одновременно вызывала в памяти тягчайшую традицию рыцарских стульев и дамских скамей-ларей, серванты крупны, как телеги, а письменный стол таков, что за ним Кайзер мог бы планировать торжественный парад. Взор мой ценил тусклые книги вокруг, фарфоровых пастушек, виды Флоренции и Рима, репродукцию потолка Сикстинской капеллы в сепии, перекрестье кавалерийских сабель, разъяренного дракона тикового дерева, подсвечники, несомые на весу пухлыми младенцами, что на цыпочках утвердились на дельфиньих носах, громкие часы.

За двойными дверями в дальней стене, в полутемном алькове стоял железный лось.

А потом, косолапо, глядя себе под ноги, точно шел по следу потерявшегося, возник новый пациент, Фомич, как его звала его жена — или сестра. Увидя

человека впервые, я невзлюбил его глупую ухмылку. Безумцы улыбаются по-своему — так же шагают марионетки, скорее дергано, нежели с цивилизованной преднамеренностью. Фомич улыбался, как бесенок, рыжий гоблин из угла «Титании унд Основы» Фюссли. Самодовольно и хмуро сразу, вот как.
То была наружная уступка внутреннего резерва — встреча двух гордецов, из коих каждый полагал другого выше себя чином.

— Kak tsyganye! пожаловался он сестре — или жене.

И тут я заметил, как горбятся мускулы у него в плечах, как растягивают нитки в проймах, как тяжела его грудь, как невозможно узки бедра. Герой, крылатый — пал наземь.

Каждое утро и что ни день они прогуливались — заботливая женщина и проказливый мужчина. По временам он останавливался, пятки вместе, гнул колена, а руки размашисто переносил с одного бедра на другое.

А однажды прямо пред моим неверящим взором он перепрыгнул розовый куст, даже не разбежавшись. В окнах замелькали любопытные лица.

Он перескочил розовый куст обратно, глаза сонные и печальные.

Словно шагать по морю желатина — колокольный размах нашей гондолы сквозь кипы верхних слоев воздуха на эластичной лозине, а ветер бренчит талями с воодушевлением Шумановых струнных allegro molto vivace.

Мы беседовали, складывая ладони чашами и крича друг другу в уши. Бенджамину Франклину, сказал Кассирер, хотелось воздушный шар, чтобы перемещаться по улицам Филадельфии на высоте крыш, над квакерами и индейцами. Он бы впрягал в него лошадей, человек поистине богоподобный.

— Ach, les Montgolfier, Жозеф и Этьен! В те времена дым считали газом, что столь же справедливо, сколь и ошибочно, как и все знание вообще. Прозрачно-голубым октябрьским днем они запихнули физика Пилатра де Розье в корзину своего шара с горячим воздухом и приветственными кликами подняли над Bois de Boulogne. И там, встав на якорь в двадцати пяти метрах над Jardin de la Muette, воздухоплаватель разглядывал сверху осень и лилипутов, махавших ему носовыми платками. Сунул в печь, державшую его на лету, пук соломы, оглядел в подзорную трубу горизонт, снял показания барометра.

— Через месяц они с маркизом д'Арландом отправились в воздух без привязи — полчаса плавали над Парижем и спустились в Бют-о-Кай, куда принес их ветер. На земле их поджидали крестьяне с косами и лопатами — убивать воздушный шар.

История — сон, забредающий к невинным сновидцам.

И все бессвязно, если хорошенько присмотреться. Когда при ветре, щипавшем меня за нос и то и дело сбивавшем на шаг с пути, герр Беньямента отправил меня за перьями в канцелярскую лавку и тремя фунтами брюссельской капусты к зеленщику, второе — для побужденья нас писать первыми округлым и разборчивым почерком, — а утро было совсем летним и ясным, что же первым делом узрел я в сем изумительном мире? — рукоять дворницкой метлы,

макающую шляпу крепкого седого субъекта в ведерко мимопроходящего маляра: шляпа поплескалась и побарахталась в густой клеевой краске, а тем временем — точно в наши дни чудеса отнюдь не редкость — сверху с решимостью во взоре спикировал гракл и сорвал с головы того же престарелого субъекта рыжий курчавый парик, после чего вознес его на крышу, не успели зеваки на улице изречь до конца хотя бы единственную фразу, призванную красноречиво выражать испуг.

— У него шляпа в ведерке, сказала маленькая девочка своей няньке.

— Да, ответила та, вон плавает.

— Тот гракл, изрек бородатый господин, снял с него парик.

Нянька засвидетельствовала ремарку господина, залившись румянцем. Маленькая девочка сделала ему книксен. Я стоял будто бы во сне.

Пожилой субъект меж тем замер как громом пораженный — руки взметнуты к нагой голове, на коей затылочный выступ венчался лишь бахромой рыжеватых волос. Мне крайне понравилось, что рыжий парик он таки избрал не без причины.

— Человек расстроен, пояснила нянька своей подопечной. Смотри, как он вращает глазами и жует усы.

— Да, сказала девочка. Об этом я расскажу Эрминтруде. Она вся обзавидуется.

После чего, взрыдав с таким чувством, что обе щеки стеклянно блеснули, пожилой субъект обхватил себя руками до того неистово, что его сюртук в спине лопнул. Звук сей напоминал щелчок сухой ветви, обломленной с дерева ветром, субъект же незамедлительно обмяк, точно сорвался с нити кукловода.

Вся левая сторона его сюртука — рукав и прочее — соскользнула на мостовую, следом за нею — и правая, рукав и прочее.

Воротник, размышлял я, подступая ближе, должен бы удержать совместно обе половины, но нет — по пристальнейшем рассмотрении я убедился, что сюртук у субъекта моравской либо же сефардской разновидности, воротника не имеющей вовсе.

Шарф — теперь, когда пожилой субъект заметался взад-вперед, призывая Господа Бога и жандармерию в свидетели тому, что он пал жертвою некоего непристойного преступленья закона природы, — зацепился за шип местного ограждения, и его сорвало прочь эластичным рывком; хозяину более не довелось с ним встретиться на этом свете.

Непредсказуемость происшествий, размышлял я, может доходить лишь до того предела, когда столкнется с законами вероятности, — либо пока выдержит сам мученик.

Пожилой субъект уселся на мостовую и зарыдал в подставленные лицу ладони. Бородатый господин пришел ему на выручку, предварив свои замечания любезным сообщением, что он видел все происшедшее. На сих словах субъект ахнул, имея в виду собственное сердце, и откинулся на спину.

— Я полагаю, заявила нянька, у него нечто вроде приступа.

— Zu hilfe! Zu hilfe! вскричал бородатый господин.

— Я это все так покажу, сказала маленькая девочка, закатив глаза и схватившись за горло, что Эрминтруда возненавидит себя на целую неделю.

— Не забывай, ты на людях, сказала нянька.

— Он тоже, ответила девочка.

— И с его, и с твоей стороны невоспитанно, сообщила нянька, устраивать такое представление на городской улице.

Собралась толпа, из коей худощавый человек в темных очках, пояснив, что у него дядька — фармацевт в Лихтенштейне, — посоветовал расстегнуть пожилому субъекту жилет. Господин искусно разъял четырнадцать пуговиц и петель, обнаружив брюки, доходящие до подмышек, носимые на английский манер. Ширинки оных тоже расстегнули до пупка — еще четырнадцать пуговиц, — и пожилой субъект действительно застонал и вздохнул, казалось, посвободнее.

— Polizei! вскричала нянька.

Следует развязать шнурки на его сапогах, молвил племянник лихтенштейнского фармацевта, и ослабить подтяжки чулок, дабы восстановить кровообращение.

— И я, сказал бородатый господин, изыму у него часы, бумажник, галстучную булавку и кольцо, дабы они не соблазнили никого в толпе.

— Мои часы! взвизгнул пожилой субъект, отбиваясь ногами с таким негодованием, что слетели оба сапога. Один захватила собака — и тут же скрылась с проворством ласки. Второй отскочил в канаву, где краткое мгновенье полежал, несчастный и странный, пока тут же подрысивший полицейский не пнул его вдоль поребрика, и он не свалился в сток. Мы все слышали, как сапог этот стукается о стены сливного колодца по направлению к болбочущей воде, вливающейся в Ааре.

— Посмотрим, не значится ли его имя на изнанке сорочки, сказал полисмен, приподымая пожилого субъекта за подмышки и стаскивая с него жилет.

— Что это? воскликнул он, отлепляя со спины субъекта горчичник.

— Это, ответил ему племянник фармацевта, и есть, вероятно, причина его приступа. Сие — припарка из ферулы вонючей, горчицы и керосина, кои назначают сельские врачи от легочных и печеночных недомоганий. Слишком крепкая, как вы наверняка чуете, что и вызвало удар. Снимите с него сорочку и нижнюю рубашку, дабы проветрить спину.

С трудом размещая пожилого субъекта уместным образом, бородатый господин ненароком наступил на обе отстегнутые чулочные подтяжки, тем самым пришпилив их к мостовой, поэтому, когда тело повлекли назад, дабы удобнее извлечь длинные полы сорочки из седалища брюк, эластичные ленты растянулись до предела, щелкнули, хлестнули и катапультировали и себя, и чулки прямиком с ног пожилого субъекта, причем один комплект полетел мне прямо в лицо. И — О, сколь удовлетворен я был тем, что влился в происшествие со своей скромной лептой — я чихнул, отбрасывая подтяжку с чулком в корзинку с покупками, несомую кухаркою, коя позднее и уже дома швырнет их в печь

от сглаза. Второй комплект перехвачен был в воздухе собакой, завидовавшей своей товарке, ранее получившей в распоряжение сапог.

В этот миг, обезумев от ярости и обеспамятев от невероятия, пожилой субъект вырвался, поднялся на ноги и вцепился в глотку полицейскому, по мере подъема теряя брюки вместе с исподним.

— Противодействие закону, вот вы как! сказал полицейский.

— Где я? возопил субъект. *Кто* я? Что стряслось?

Он был наг, как в минуту собственного рожденья — за исключением, разумеется, пуповины.

— Scheisse und verdammt! Припоминаю, что я — бригадный генерал Шмальбит. Вот кто я такой! Генерал Шмальбит!

С этими словами он пнул полисмена в промежность, от чего сам согнулся впополам.

И рухнул на спину — паденье его сопровождала дуга мочи. Все попятились. Выглянув из-за первого же угла, за который свернул, я увидел, что полицейский слюнит карандаш и открывает блокнот, одна собака тащит прочь брюки пожилого субъекта, а другая подбрасывает его исподнее в воздух и заливисто лает.

Олимпия Мане, прикнопленная к стене между развратной девчонкой Эгона Шиле и овальным меццо-тинто Новалиса, сообщила мне о первой на свете картине, выполненной en plein air. То была работа Doppelgänger'a ее собственного создателя — Моне, Мане с *омегой*.

— Я уже запутался, сказал я. Но продолжайте, ибо это сообщает цель моему гляденью на вас, в ваши самодовольные парижские глаза, на ваш болтающийся шлепанец, на вашу столь живописно отважную руку.

— Êtes-vous phallocrate?

— L'homme est un miroir omnigénérique, tantôt plan, tantôt convexe, tantôt concave ou cylindrique, donnant à l'objet réfléchi des dimensions variées.

— Vous êtes phallocrate.

— Suis-je donc?

— Ce ne fait rien.

Ее ионические плечи дрогнули вверх на ироническую безделицу. В углах рта мелькнул клочок улыбки — легчайший намек на веселье в глазах.

— Едва, сказала она, в сквозистом зеленоватом воздухе Фонтенбло Клод Моне разместил свою модель и тронул кистью первый на свете холст пленэра, по затылку его стукнул диск, и он лишился чувств.

Лицо ее не изменилось при сем заявлении.

— Диск?

— Un disque.

— Дискобол, продолжала она, который тут же подбежал встревоженной рысью осведомиться у окровавленного импрессиониста и вопящей мадам Моне, не видали ли они его метательный снаряд, оказался англичанином в гетрах и с таксой, а сазаний рот его и бриджи из шотландки явились прямиком со страниц Джерома К. Джерома.

Граф Руфцайхен, англофил и спортсмен, одевался так же. Именно старательное подражание всему английскому вынудило его нанять дворецкого — вот так и случилось, что я ступал по мягким его коврам, ни на миг не докучаясь ни их роскошным безмолвием, ни розовой отдушкой английского чая, ни усилиями, потребными для того, чтобы заколыхался двойной подбородок герра Руфцайхена.

Один способ — оглохнуть к его призывам, пускай колокольчик дворецкого надрывается тщетно. Через некоторое время старый бескрыл, сопя и шмыгая носом, сам пойдет искать по комнатам. Обнаружив меня в оранжерее, он прострет ко мне персты и закричит.

— Что, во имя Господа, вы делаете?

— Сударь, я наблюдаю природу, отвечал бывало я. Вижу, однако, что, обратив свое внимание на прозрачность воздуха, мелодичность кукушки и мычанье рогатого скота, я впал в небреженье.

— В леность, говорил герр Руфцайхен.

— Коровы сообщали некоторых басов дисканту кукушки.

— В наглость.

— Ваша честь звонили?

— Почти безрезультатно, совершенно безуспешно, мсье Робер. Чего бы мне от вас ни требовалось ранее, нынче у меня разыгралась печенка.

Граф с дрожью опустился в кресло.

— Желаете бокал «Перье», сударь?

— Doppelkohlensaures Natron.

Граф извлек из рукава карманный плат размерами с карту Европы, обеими руками скомкал его и стер пот, выступивший каплями на челе.

Соду я поднес на серебряном подносе ему под нос. Питье выпито, воспоследовала икота. После третьего содроганья — отрыжка, баритональная и лягушачья.

За воротами приюта пыхтел и пумкал духовой оркестр — медно чихал, серебряно тявкал, громыхал резонансами и содрогался барабаном, а распевку скрепляла толстуха в тирольской шляпе и мантии Лесного царя, что зыбилась на ее бедрах, когда она сжимала и растягивал мехи польского аккордеона, огромного, как овца; на saltarelli толстуха чуть приседала, сгибая колени, и вращала глазами, как злорадствующий клоун.

Пациент Фомич танцевал вокруг своей довольной сестры, покачивая плечами, когда озорно отступал прочь, но стоило ему подскочить прямо над сестриной головой и зависнуть на миг в воздухе, будто остановились все часы на свете, один безумец закричал, что Гитлер — седьмое бедствие Нострадамуса, посему все мы в пределах слышимости без дальнейшего промедленья должны вступить в Братство Иллюминатов.

— Вполне нарядно, не так ли? со слезами на глазах осведомился я у санитара.

Оркестр поршневым галопом скакал сквозь нечто рапсодическое, венгерское и пошлое.

Кто сей веселый затейник? Он весь дышал grivoiserie, от коей разило Берлином и тем, что вынашивалось у Малларме, Рембо, Аполлинера.

— Литература, сообщил я апатичной женщине на скамье рядом, превратилась в ветвь психологии, политики, власти, принуждения, домоводства. В древности...

— Когда Иезус был маленьким, подхватила она, заинтересовавшись и сложив на коленях руки.

— В древности литература была историями, которые слушали люди. Услышавший историю мог рассказать ее кому-нибудь еще. Теперь же все на бумаге, слишком сложно — не запомнишь.

— Вы любите Иезуса? спросила она.

— В наш жуткий век не пишут. Мы не делаем стулья — мы делаем деньги. Мы не делаем башмаки — мы делаем деньги. Их нюхают, что банкир, что лавочник, как раньше кавалеры вдыхали аромат платка своей возлюбленной. Пучат глаза, когда их видят, с готовностью и желаньем швыряют мальчишек под изрыгающие смерть пулеметы, в туманы цианистого газа, им не терпится выдать дочерей за беззубых банкиров, за финансистов с дурным запахом изо рта и грыжами величиной с голову младенца. Франки, иены, шиллинги, песо, кроны, доллары, лиры: деньги — вот красота мира. Сосут шекели и сами с собой забавляются.

— Иезус был бы против, скорбно произнесла она.

— В конце концов, сказал я, как это прекрасно — не быть, но некогда быть гением.

Танцор уже рухнул через дорожку — он плакал, и его утешала сестра.

— Господь является вам ночами, спросила она, с лампой и дает подержать щеночка?

— Господь, сказал я, есть Роден навыворот.

— У Господа красивые глаза, коровьи.

— Все пошло не так, кроме денег. Все, все испорчено, располовинено, выгнило, лишено благодати и великолепья. Города наши стираются с лица земли. То, где раньше стояли дома и дворцы, ныне занято огромными ломтями ничто.

— Вы очень серьезны, сказала она.

— Деньги препятствуют милосердию.

— У вас были деньги и вы их потеряли? Иезус был бы не против.

— Я всегда оставался беднее бедняков.

Санитары пришли отвести этого Фомича обратно в камеру. Он произносил ужасные гадости про человеческую сексуальность, поэтому женщина рядом заткнула себе уши. Я расслышал нечто про распаленные ляжки козлов и необузданных девушек Аркадии, которые что-то там целуют, а также про нечто обезумевшее от музыки.

Мог бы я еще раз поговорить с Олимпией, она бы мне рассказала. Она-то знает.

Какая нелепость, а? Башмак свершает странствие ноги.

И в прекрасный английский денек 1868-го викторианского года, когда случились первые велосипедные гонки и Конгресс тред-юнионов в Манчестере, в год «Лунного камня», «Кольца и книги» и осады Магдалы, в лондонском Эшли-Хаусе собрались четверо: дом был весь обвит пятилистным плющом, интерьеры его гармонично темны и ярки, как в английском лесу, — темны углами, дверями и холлами, где красное дерево, тик и красные, как вишни, портьеры, ярки окнами, индийской латунью и лампами, что как луны, — лорд Линдзи, ведроголовый, с хохолком казуара на загривке, лорд Адэр, чье лицо похоже на серебряный заварник, и шустрый капитан Уинн.

Они английски стояли вкруг кривоногого скотта с бахромчатой бородой. По фамилии Хоум. Дэниэл Даглас Хоум.

— Потребно ваше вниманье, произнес он, выгибая шею и закидывая назад руки, точно его сверху душил ангел.

После чего, презрев тяготение, задрал левую ногу, затем правую — и просто распростерся в воздухе.

— Будь я клят! чертыхнулся капитан Уинн. Паразит парит!

Лорд Линдзи ухватился за лорда Адэра, лорд Адэр за лорда Линдзи.

— До встречи, выдохнул горизонтальный скотт, в тех палатах.

Оттолкнувшись на взлет, он проскользил пред их парализованными взорами, лишь чуточку дернувшись на первой горке, и гладко, безмолвно вылетел в окно.

Дальний перезвон церковных колоколов — которого никто не услышал.

— По-моему, я сблевну, произнес лорд Линдзи.

— Я обмочился, произнес лорд Адэр.

Ноги Д.Д. Хоума возникли в соседнем окне — он свернул направо. Затем — его прочные глазговские брюки, затем клетчатый жилет, руки слегка болтались, пальцы растопырены, затем — героическое адамово яблоко, глаза, устремленные ввысь.

Тремя этажами ниже тень его проплыла по розовым кустам, по укатанной траве, ровной, как вода, по солнечным часам, по туловищу садовника, который задрал голову, вверил душу Господу Богу и лишился чувств.

Лорды и капитан шевельнулись, ринулись друг к другу и скопом побежали по коридору на непослушных ногах. Лишь одна дверь в комнату на другой стороне дома была открыта, и в нее они ввалились, по-кроличьи задыхаясь, Адэр завопил при виде Хоума, вплывающего ногами вперед в окно — спокойно, трупу подобно.

Посреди комнаты он завис, похмыкивая.

Затем накренился вниз и встал гордо, как Панч.

— Колдовство, клянусь Господом! сказал капитан Уинн. Мы все околдованы.

Лорд Линзди поседел.

Однако вся троица подписала показания, что они свидетельствовали тому, как человек и шотландец выплыл в окно Эшли-Хауса и вплыл в дом снова, с другой стороны.

Хоум вскоре после этого умер.

— И теперь, сказал я герру Руфцайхену, как нам убедиться в обратном?

— Англичане, произнес Руфцайхен, не кто-нибудь! В Индии, полагаю, такое каждый день?

В Институте Беньяменты я был словно кукушонок в воробьином гнезде. Не удавалось мне почти ничего, а прочие студенты, изучавшие дворецкое искусство, проваливали одно лишь предопределение, да и то как сказать, ибо каждодневно нам твердили, что Иосиф служил дворецким в Египте, а Даниил в Вавилоне. Их умерщвленным и воскресшим богом был Дик Уиттингтон. Гнилые чулки, что они штопали по вечерам, носил Уиттингтон, в их холодных постелях Уиттингтон спал, их обмылки, их обрывки от разных шнурков, их красные уши и сутулые плечи.

Признак неудачи — необходимость заново делать то, сквозь что уже однажды проплыли удачливые. Юность моя меня поджидала, когда ноги мои каждое утро все эти семьдесят лет опускались на пол. Бог мой, ну и перспективка! Образование, работа, жена, дочери, коих обожать, сыновья, коим советовать, отпуска в Остенде, пенсия, внуки, банкеты в мою честь, сановники и гора цветов на похоронах, усыпальница, внесенная в путеводитель по кладбищу.

А я в зрелом возрасте поступил в школу дворецких.

Дортуар располагался наверху — долгая комната с переизбытком кроватей, составленных слишком близко. В сущности, и ни по-военному, и ни по-школьному, ни аккуратно, ни в беспорядке. Картина отчаянья и бедствования.

Я помню все как сон, где вся текстура реальности пропиталась смятеньем. Помню соломенновласого Ганса и сломленного простофилю Тёффеля с обгрызенными ногтями и обмоченной постелью, умненького Крауса и его несносный и утомительный цинизм, беспечного и ветреного Фукса, который по ночам плакал под одеялом. У всех нас были тайные жизни на виду друг у друга.

Герр и фрау Беньямента, отпетые жулики, приходили и уходили, как больничные санитары. Целыми днями мы слушали проповеди и оборванные фразы гимназических учителей на пенсии, высиживали уроки по глаженью брюк и накрыванью столов. На рассвете и перед сном — Писание. Из всего этого я сделал свой роман «Якоб фон Гунтен» — книгу нового типа, и, за исключением нескольких очерков, написанный для газет, под пристальным взором Олимпии, упиравшимся мне в спину, это лучшее, что я оставляю миру. Его украл Манн — и Кафка украл, и Гессе, и о них заговорили. А я оставался невидимкой всю жизнь.

Слыхал, что Кафка упоминал обо мне в пражских кафе. Подумать только.

Вам не узнать, O Leser, сколь долго можно сидеть на краю кровати и таращиться в пол.

Доктор Цвибель посмотрел мне прямо в глаза. У него урбинский нос. Где-то среди его далеких предков, когда время еще не начало тикать секундами, когда вся земля была лесом папоротников, растущих у озера Чад, наверняка имелся носорог.

— Скажите мне, герр Вайзель, начал он.

— Вальзер, поправил я.

— Именно, сказал доктор Цвибель, глядя в раскрытую папку перед собой. Скажите мне, герр Вальзер, вы никогда, я вижу, не были женаты?

— Никогда, подтвердил я, но почти.

Я вздохнул, вздохнул и доктор.

— Что вы имеете в виду, *почти*? Не забывайте, все, что вы мне расскажете, не пойдет дальше этой папки. Вы вольны... вообще-то я побуждаю вас — рассказать мне все.

— Фройляйн Мермет, сказал я. Была некая фройляйн Мермет. Я в нее влюбился. Она отнеслась ко мне любезно.

— Pfring! Pfring! пропел телефон на столе.

— Ja? Zwiebel hier. Морская болезнь? Гидрохлорид прометазина и сульфат декстроамфетамина немного разбавить лимонным соком. Да, верно. Загляну попозже. До свидания. Это моя дежурная. Говорит, пациент, считающий себя Наполеоном, попал в шторм на переходе в Александрию. А вам известно, герр Вайзель...

— Вальзер.

— ...что пугающее количество санитаров в санаториях впоследствии оказывается на месте пациентов? Вы можете знать Aufwartender Фюттера — с примечательно продолговатой головой и тремя бородавками в линию поперек лба? Именно! Он несколько месяцев здесь лечился — параноидная шизофрения, считал, что в Швейцарии все превращаются в деньги. Убедил в этом своего старшего санитара, который однажды мне объявил, что желает сдаться в банк, чтобы на него шли проценты. Фюттер счел это до того забавным, что избавился от своей фантазии, и они поменялись местами — Фюттера тогда уволили с работы на Бирже. Отлично все вышло. Так о чем мы? Вы мне рассказывали о своей жене, полагаю.

— Но я на ней не женился.

— Не женились на ком? Если она была вашей женой...

— Я как раз намеревался ответить на ваш вопрос, герр доктор. Вы спросили, как это я почти женился. Была некая фройляйн Мермет. Я любил ее и полагал, что она любит меня. Мы писали друг другу много писем. Проводили вместе воскресные дни в парке. Хохоча, она падала мне в объятия без всякой видимой причины. Миндальное печенье...

— Сколько у вас братьев и сестер, герр Вайзель?

— Две сестры, Фанни и Лиза, четверо братьев, Эрнст, Герман, Оскар и Карл, известный художник и книжный иллюстратор. Живет в Берлине.

— Ваша последняя должность, судя по всему, — архивариус кантона Берн. Почему, осмелюсь спросить, вы ее оставили?

— Подал в отставку.

— Не сочли уровень оплаты соответствующим объему работы?

— У нас возникла разница во мнениях, располагается ли Гвинея в Африке или в Южной Америке. Начальник мой сказал, что я его оскорбил. Я связал вместе ему шнурки, когда он однажды уснул за рабочим столом.

Доктор Цвибель сделал пометку и присовокупил листок к папке посредством канцелярской скрепки. Что-то привлекло его внимание, и он подскочил. Вгляделся пристальнее и зыркнул на меня.

— Здесь говорится, что ранее вас лечил от невроза некий д-р Гаше, коему вас рекомендовал Винсент Ван Гог, а также д-р Распай — по совету В. Гюго. Что это означает? Вы предоставили эту информацию санитару, заполнявшему бланки?

— Jawohl, Herr Doktor.

— Стало быть, Ван Гоги еще живы? Родня великого художника?

— О да, еще бы. Племянник — вылитый дядя, рыжий, sensitif, голландец до мозга костей.

— А Гюго, здесь упоминаемый, — потомок известного французского поэта?

— Так точно.

— А Гаше и Распай — это французские или швейцарские психиатры?

— Французские.

— Как долго вы у них лечились?

Политик — толстозадый. Сановник — носатый. Банкир — глазастый. Тасуешь франки, складываешь их в стопки — так священник переставляет и устраивает на алтаре Евангелие и Потир. Конторщики за своими священными книгами высчитывают сложные проценты, вице-президенты — первый, второй и третий, — все, кто знает шифр сейфа, кассиры с губками, штампами и колокольчиками, все это единственные оставшиеся иерофанты, чьи ритуалы неоспоримы и неоспоряемы, чьим санкциям подвержены равно сирота и Кайзер, фабрика и церковь. Здесь требуют единственную овцу пастыря и последний пфенниг вдовы — и получают их в полном спокойствии совести, с дрожью добродетели, что превосходит благоговение Авраама, правящего нож.

В 1892-м, когда мне исполнилось четырнадцать, я оставил Гимназию и подал прошение на место кассира в банк. В странствии этом моя собака испугала юного козленка, и накинулась на него, и я, побежав ее ловить, поймал ее и спас тем самым козленка от собаки, он выжил. Письмо, отправленное мною в ответ на объявление в «Züricher Zeitung», включало в себя фразу из Вергилия, видного мантуанца, а поручителями в нем значились Хетти Грин и Дж. Пирпонт

Морган. Тем не менее, в ответной корреспонденции мне было назначено собеседование, на кое следовало явиться. Я совсем было решил принести его домой по возможности: ибо частенько размышлял, не явится ль возможным заполучить себе козленка-другого и вырастить целую породу ручных козлов, кои могут снабжать меня, когда истощатся порох и дробь.

В банке меня взял за руку некий помощник жреца и провел в роскошный покой, где мне надлежало ожидать собеседования. Никогда прежде не видел я такого ковра, настолько высоких окон или до того надраенного письменного прибора.

Открылась дверь. Хромая, вступил мужчина в римском шлеме, опиравшийся на бамбуковую трость. Бреясь, он порезался, и вдоль всей шеи его бежал пластырь, по краям окровавленный.

— Вы Роберт Вальзер? вопросил он, прочтя по карточке.

Я ответил, что он самый.

— Мы в Албании, нараспев рек он, у склонов Арарата. Я Третий Вице-Президент. Наши подвалы ломятся от злата, серебра, акций, банкнот. Как Бог на небе...

Тут дверной проем заполнился людьми, человеком с обилием бакенбард, конторщиками, какими-то лысыми, заламывающими руки.

— Хватайте его! сказал Бакенбард. Отведите ко мне в кабинет. Шмидт, ну сколько раз вам можно говорить!

Третьего Вице-Президента увели — с некоторым прилежанием, — а меня оставили пред взором человека, оглядевшего меня с головы до пят, с неодобрением.

— Такая обувь, сказал он, не годится.

Руфцайхен в альпийской шляпе, твидовом пиджаке, брюках-гольф, австрийских походных башмаках с бахромой и кистями на язычках, с крепкой палкой, сигарой, моноклем, в зеленых вязаных перчатках. Я подступил к нему сзади — в черном английском костюме дворецкого, в котелке и с зонтиком, в руках — корзинка с провизией и плед.

Граф простер руку, не оглянувшись.

— Здесь, сказал он.

Я расстелил плед по луговым цветочкам и устроил графу привал. В тонкой пустоте открытого воздуха странно позвякивало столовое серебро. Винный бокал не хотел стоять ровно. Вокруг графа собралась мошка́.

Я стоял в почтительном отдаленьи.

— Говорю вам, Роберт, произнес он, набив рот бутербродом, до вашего прихода такого не бывало. Нет, уверяю вас, не бывало, решительно не бывало. Наша кухарка Кларибель, я полагаю, одержима.

— Одержима, ваша светлость?

— У меня в кофе соль, в омлете скорлупа, в супе перчатка...

— Весьма настораживает.

— Безумие.

Мне тогда взбрело в голову — кто тут скажет, отчего, — что динозавры, о коих я читал графу из британского журнала, были вовсе не огромными ящерицами, а цыплятами, только размерами с лютеранскую кирху. Никто никогда не видел их шкур — да и перьев, может статься, тоже. Выжили одни кости. У динозавров было по три пальца на ногах, длинные шеи, клювы, изящные передние лапы — вероятно, они и есть крылья, бесполезные, как у додо. Быть может, на эту мысль меня навело зрелище графа, пожирающего куриное крылышко.

Я упомянул ему о такой вероятности — поддержать беседу. Мы, в конечном итоге, были единственными живыми существами на много миль окрест, ну плюс-минус отдаленный орел да рой мошкары.

Он посмотрел на меня очень странно.

Человеческая натура не может писать. Ich schrieb das Buch, weil sie mir nicht gestattete, meine Tage in ihrer Nähe zu verbringen, mich ihr zu widmen, was ich mit wahrer Lust getan hätte. А в иронии денег пропадает всякая ирония.

Потина, римское божество без алтаря и всякого соображения, в божеском смысле не имело ни часов, ни календаря, ни понятия о времени. Как-то раз она свалилась на улицы Берна прямо перед трамваем, который чуть ее не сбил. Одеянье ее уж тысячу лет как вышло из моды — сорочка из белой шерсти, побуревшей от времени, от подола до ворота изъеденная молью, глодавшей еще узорчатую столу Юлии Домны и чулки Виктории. Обязанности богини средь бессмертных заключались в слежении за тем, чтобы младенцы переварили свой первый глоток пищи, чем их ни корми — пережеванным матерями ашанти саго, сплюнутым в рот детки, ворванью, впихнутой в розовые утробы эскимосскими матронами, или же козьим сыром с медом, кои мамы Гельвеции засовывают ложками во рты, разинутые, как клювы орлят.

Чем бы когда бы и где бы Деа Потина ни была, она протерла глаза. Темные покои за дверями, повозки, катящие без помощи быков, — да, люди сии породнились с богами. Везде чуяла она молнию, видела лампады, пылающие в хрустальных плодах, и пламя их не питал воздух. *Аполлон!* молилась она, *яви мне свои начертанные слова.* И древний голос, в коем отзывалось пещерное эхо и слышался змейский шип, сообщил ей, что слова, все до единого, так или иначе гласят одно: *монета.*

Но вон то здание — наверняка храм. Поистине, рек Аполлон. Они все тут храмы, и все выстроены для хранения монет. Стало быть, сказала она, я в стране мертвых, однако зрю улыбчивых детей, чую молнию, а ее в преисподнем мире не бывает. Такова теперь мода, рек Аполлон, жить так, словно всё — Домос Гадес. В каких-то веках увлекались образом жизни олимпийских богов, в каких-то — Сирийской Матерью, в каких-то — пустошами Посейдона, в каких-то — живым златом пшеницы, светом и детьми.

Нынче они вырвали из царства Плутона его сверкучие металлы и его черную слизь, его серу, соли и яды, все смертоносное, что им, похоже, так по нраву. Но больше всего нравятся им монеты.

Eine Ansichtskarte («Лодка-мастерская Моне» Мане) от Олимпии: Вчера я видела в трамвае женщину с мальчиком, который засунул голову в ночной горшок, и теперь его везли к врачу, чтобы извлечь. Горшок налез ему на глаза и уши, виднелся лишь открытый рот, которым мальчик выл. Мама вся в слезах, как и сын — хотя, вероятно, она то и дело стирала с его лица pipi. Herzlich, Олли.

В вечном июле Египта писец как-то раз вывел на папирусе *телом своим она была привлекательней всех прочих женщин на этом свете* — ПЕРО, *ах,* и МОТОК ВЕРЕВКИ, *оо*, она, КЛЮКА ПАСТУХА и ХЛЕБ, *сетт*, была, ЛЮТНЯ, ГАДЮКА и РОТ, *нефер*, привлекательный, СОВА, *м*, в, ВИТАЯ ВЕРЕВКА, ХЛЕБ, РУКА, ПЛЕЧО, ТРИ, СИДЯЩАЯ ЖЕНЩИНА, КЛЮКА ПАСТУХА и ХЛЕБ, *хатсет*, своем теле, РОТ, *эр*, чем, СТРЕЛА, ХЛЕБ и СИДЯЩАЯ ЖЕНЩИНА, *сет*, более чем, ВАГИНА, ХЛЕБ и СИДЯЩАЯ ЖЕНЩИНА, *хемт*, женщина, ЧАША и ХЛЕБ, *небт*, любая, ВОДА, ХЛЕБ и ДВОЙСТВЕННОСТЬ, *энти*, кто, СОВА, *м*, в, УТКА, *па*, определенный, ЗЕМЛЯ, та, мир, ПОТИР, РОТ и ГАДЮКА, *терф*, весь.

Написав, он вздохнул и передал лист переплетчику, который подшил его к следующему листу и навернул на палку. *Ану* по вечерам читал эту строку под плеск *сешсеша* и вялое нытье *са*, и господа слушали, сложив бурые руки на квадратных коленях, и госпожи слушали, в волосах — *хены* цветов, а тень Неба, коего дети тьмы зовут Сфинксом, скользила с запада на восток триста шестьдесят пять раз и еще столько же, и опять, и кто уже потом мог прочесть начертанное писцом?

Гром из-под земли загрохотал в полночь девятого января 1784 года, будто сотня артиллерийских батарей открыла огонь под серебряным городом Гуанахуато в Мексике, и не смолкал, как вызревающая летняя буря, с треском и барабанной дробью, подобно вестготской кавалерии, что под водительством Алариха надвигается на Рим, когда разор света посреди полуденной синевы дал понять Вортумне и Арвальским Братьям, что боги в горах отвратили взоры свои от римских хлебов и римских цветов, рассерженный угловатый треск огня, шкворчащий разрыв воздуха — и Рим уже не под секирой и пучком розог, не под орлом и волчицей, но под Враном, грохот такой, будто от материка откалываются мысы и валятся в ревущее море. Кой ужасный шум длился до середины февраля. Когда на четвертый день за настойчивым подземным громыханьем никакого труса земного не воспоследовало, el cabildo велел жителям города не покидать и окружил его ополченьем из опаски, что явятся грабители и украдут их серебро, ни единый слиток коего не вздрогнул в сем нелепом покое и неуклонно содрогающемся смятеньи.

Однако то была земля, в которой высокий собор мог ни с того ни с сего встрепенуться всеми своими колоколами и кануть с глаз прочь в расселину, открывшуюся столь стремительно, что, поглотив сад, караван мулов, церковь, дремлющего хряка и местного астролога, она тут же могла схлопнуться до того аккуратно, что наседка улавливалась за обе лапки мостовою калье Сан-Доминго.

Der Graf Руфцайхен сидел, слушая сии подробности, вынутые из «Космоса» фон Гумбольдта, с остекленелым взором.

— Целые проспекты, усаженные деревьями, продолжал я, землетрясением перемещаются так, что ни одно дерево не выкорчевывается. Взаимозаменяются участки возделываемых угодий разнообразного свойства.

— Erstaunlich!

— Еще примечательнее и сложнее то явление, когда утварь, принадлежащая одному хозяйству, обнаруживается в развалинах другого дома на великом расстоянии от первого; сие обстоятельство давало повод судебным разбирательствам.

— Это вы мне что, о землетрясеньях читаете? осведомился граф. Бог мой. Меня однажды дурнота обуяла на выезде, совершенно безо всякой на то причины, вот разве что дичь, поданная у старого Фюхтеля, могла оказаться немного с душком, — я все увидел дважды и тут же сверзился с седла, всюду звезды. Не землетрясенье ли то было, как считаете?

— А кто-либо еще отметил содроганье? спросил у него я.

— Каким образом? с легким негодованием ответствовал граф. Их же там не было.

— Землетрясения обычно весьма обширны. Покрывают немалые площади, я убежден.

— А мелкого, только под моей лошадью, не могло статься?

Граф подоил немного собственный ус и уставился в угол комнаты.

Когда-то давным-давно в одной швейцарской долине у честной семейной пары родился младенец с Джеком-фонарем вместо головы. Родители были свято уверены, что такого ужаса и горя не ведал никто, однакоже младенец сосал грудь и плакал, спал и срыгивал, как любое другое дитя. Глазки у него были разрезом проказливые, аккуратные треугольные ноздри отвратительны не вполне, а круглая дыра рта всасывала материнское молоко с желаньем также испускала громогласный ор, окраской и зычностью своею соразмерных с плачем любого младенца Швейцарии.

Много месяцев держали его под спудом. Родители понемногу начали его обожать — так дитя зрит величайшую миловидность и очарованье в куколке, имеющей в рассужденье глаз пуговицы, чей рот нашит на марлю, а власы нитяные. Детку осмелились показать прародителям, кои затрепетали в страхе и отвращеньи, однако в итоге прониклись и полюбили качать малютку Клауса на коленях.

Один за другим падали бездыханными, закатив глаза, соседи, едва завидели малютку и его тыквенную ухмылку, и один за другим привыкали же к нему. Не успели опомниться, как вся деревня перестала обращать на Клауса недолжное внимание, и долго ли коротко ли, он стал образцовым мальчуганом — в школе успевал примерно, в церкви был утешительно набожен, добрый приятель всем своим друзьям, коих разжился множеством.

Лишь редкий лудильщик либо странник, проходящий мимо, при виде его с воплем падал в припадке наземь или же окаменевал, и приводить его в чувство надлежало пощечинами и бренди.

Кафка из этой истории спер своего таракана. Готов признать, он ее усовершенствовал и рассмотрел под темным углом. Я имел в виду, что все мы — чудовища, судьбой как и характером. Судьба и характер — лук и тетива. С нами происходит то, что навлекается нашим характером, наводится, оспаривается. Значение иметь должно лишь то, что мы живы, и это, как я понял, оказывается предельной нашей заботой. Какая разница банкиру, жив он или мертв, коли он может целовать свой шиллинг, лизать свой франк?

А от жизни мы просить можем лишь непрерывности. Таков, как объясняю я своим врачам, мой невроз. Я был, есть и некоторое время буду — но мерцая, как светляк.

Врачей я ввергаю в смятенье. Утверждая, будто я ошибаюсь касаемо реальности, ошибаются на деле они. Говорят, что я не различаю, не способен отличить факт от вымысла.

С какой серьезностью слушали их пустые стулья и портреты Фрейда и Юнга на стене! Лампы, а особенно огонь в очаге внимали этим странным словам с испугом. Подумать только — смотрителям духа надлежало уготовить меня к категорической тюрьме.

— Вдумайтесь! сказал я.

Они переглянулись — доктор Фогель и доктор Хассенфусс.

В писаниях Маха говорится, что разум — не что иное как непрерывность сознания. Не сам по себе вещь, но его содержимое, подобно глазу и тому, что он видит, руке и тому, что она держит. Непрерывность Маха, как река Гераклита, определяет себя собственным теченьем.

Доктор Фогель глянул на Хассенфусса.

— Очаровательный поэтический образ, сказал он.

— Это же так очевидно, стоял на своем я, стоит только увидеть. Разум — то, что он знает! А кроме этого — ничего, вообще.

Я вознамерился крепко держаться за обломок скалы и затаить дыханье, доколе возможно, пока волна не откатит назад; теперь, поскольку волны поначалу были не так высоки, ибо вблизи суши, я удерживался, покуда волна не схлынет, после чего кидался вперед вновь, и каждый рывок приближал меня к берегу настолько, что следующая волна, хоть и окатывала с головою, не заглатывала меня целиком, как бы тщась увлечь меня прочь, и новым предпринятым рывком я достиг континента, где, к вящему моему утешенью, взобрался на береговые утесы и уселся на траве, избежав опасности и вне досягаемости воды.

Предай слово бумаге — и уже Бог знает, что ты совершил. Будут читать в Ангулеме, Анкоридже и Гиппоне. Духовная керамика для миссионерских столов в Британском Камеруне так же способна услаждать нёбо мандарина. Шейх

Акбара собирает два десятка сыновей вкруг себя, пяток жен и дюжину дочерей и читает им «Британскую энциклопедию» — ту страницу, на коей говорится, что форониды, составляющие филум Phoronida, суть малоизвестные морские донные беспозвоночные, характеризуемые продолговатым несегментированным телом, венчаемым пучком щупалец. Каждая взрослая особь обитает в пленчатой трубке, на которую могут налипать частицы песка, ракушки и прочие материалы. Король может прочесть притчи булочника, которого постесняется пригласить на ужин самый захудалый конторщик из Отдела налогов и сборов за рыболовство и овощеводство.

Черному горбатому Эзопу с культей ни за что бы не дозволили ввалиться на костыле в эту библиотеку, и нечесаному слепому и босому Гомеру, опиравшемуся бы на мальчика, и забулдыге Ли Бо в шелках с драконами, да и почтенного Бенджамина Франклина я не смог бы ввести в сюда без угрозы вылететь за то, что предъявил der Graf'у гадаринского хряка. Однако книги их здесь стояли, переплетенные в красный сафьян.

Weder antic Fisch noch spartanisch Athlet.

— Безумны, не так ли? осведомился герр Руфцайхен у потолка, выдувая вверх кольца сигарного дыма.

— Безумны, ваша светлость?

— Эти писатели книг, Роберт, кои вы мне читаете. Все они с причудью — в смысле, для вас и меня, что скажете?

Резкий ветер у горла, взор мой устремлен на головокружительные местности и каналы внизу, барабанной перепонкой в одном ухе я чую тимпаны нашей хладной осцилляции сквозь наседающие толпы ветров, другим ухом слышу «Героическую». Не лезь, говорил Мэн-цзы, на дерево за рыбой. Да и не взвешивай линейкой, не меряй длину весами. Почто мы с Кассирером плывем над всей Европой на воздушном шаре?

— Hsing! сказал Кассирер.

Сазан Хокусаи, капли клена, красные, как вино, sao shu, стекающие глицинией с эстампа. Это и есть hsing, сказал Кассирер у печки, — желать себе жену, сливянки, варенья из гингко и водяной орех. Hsing — внутреннее, справедливость и милосердие — внешнее, nei wei.

В Китае, как и в Греции, есть эпос, известный в каждом доме и собрании, объяснил он. Эпос о Wanderung. То, как люди фуражируются, становится Heldenfahrt у Kollektivunbewusste. Герой без странствия — как святой без видения. Трипитака и Обезьяна бредут по зарослям хурмы под голубыми горбами гор. Геракл в чем мать родила благословляет скачущего кентавра бычьей рукою толщиной с мышиную нору, Улисс с волкобоязнью излагает свою ложь meerstrandbewohnend Phaiakischhot, торговец образами Кассирер и Nachni etzschischprosaschriftsteller Вальзер на шаре парят в вышине к балтийским пескам: в наши дни героям следует отправляться в ледяные пустоши полюсов, в глубины моря, в воздух. Мы не уверены, в чем героизм фон Мольтке — в его железнодорожных рельсах, в том, что он изобрел правила судопроизводства, или в том, что перевел Гиббона.

Он говорил о Ницше и Земмельвайсе. Один нас уговаривал грезить о босоногих греках, танцующих в масках пред загадками ферментации и электричества, другой учил мыть руки перед тем, как принимать роды.

Здесь, в снегу, кого я предпочту своим спутником, будто есть силы внимать еще одному призраку, будто не хватает мне Зелига, добряка Зелига? Может, человеческое качество — в некоем страдании, кое он рассматривает с жалостью. В таком случае — Земмельвайса. Или все-таки Ницше? И обоих с ума свела глупость. Не я.

Я убредаю прочь каждый день — одним и тем же путем — и прогуливаюсь. Каждый день, вот уже двадцать семь лет. Неужто я некогда писал книги? Некогда дрейфовал через всю Европу на воздушном шаре? Некогда был дворецким в Силезии? Был ли я некогда мальчишкой?

Слежу за коноплянкой, зайцем, горами, что розовы и серы над ровным туманом, который простирается от стены участка, словно озеро облаков, словно поверхность рассудка перед тем, как ее согреет мыслью, свет растворяет эту дымку призрачной ваты, неуверенность страха.

Я спрашиваю санитара, кто этот человек, который танцует по всей территории с такой мукой в глазах. Он отвечает, что это великий Нижинский, параноидный шизофреник.

— Думает, он лошадь.

Чего ради сия дикая круговерть снега должна не пускать нас на прогулку? Она мне напоминает игрушки в отцовской лавке, швейцарцев с голубиными грудками, с алебардами и кокардами, молочниц в фарфоровых фартуках, пастухов, у чьих овец мышиные личики. О неразбериха и суматоха снега в окне лавки игрушек! Там стоял эмалированный staffetta, которого я желал поистине похотливо, — у него была кожаная шляпа, мундир красный, как вишни, и седельные сумки, оштампованные гербом кантона.

Кролик! Смотрите, боится, как будто ему так и надо. Не шевелитесь. Я могу думать — столь же бездвижно, как и он, и снег будет лить на нас обоих, — о батальоне красных солдатиков на отцовских полках, о поэте-мандарине, что катит в повозке вдоль Великой Стены, о Робинзоне Крузо, беседующем со своим попугаем. Но что шевелится в его рассудке, кролика? Образ ли меня на сетчатке он видит — старика с лицом измятым, как носовой платок, не стиранный с месяц? Видит ли он капусту, морковку, ежевику? Свою крольчиху?

Вот в такой вот холодный день я встретил даму с panache из фазана и цапли, который торчал из завитка алого шелка у нее на шляпке, и ощутил, как мой человечек весь охватился благожелательством, вытянулся и восстал. Цвета курток и шарфов в лавках, вывесок и камня, трамвая и света стали великолепны. Чтобы дух пошел в танце, в нас потребно животное.

Schicksal, Zeit, Unfall: важно завязывать шнурки, пришивать на место отбившуюся пуговицу и смотреть миру в глаза.

Но кролик способен думать, не отвергая всего, что характеризует жизнь, ибо никак в его незрелый мозг не помещается бесконечность свойств, возникающих от наших мыслей о смерти. Однако боится он так же, словно я банкир, филантроп, психиатр. Он длится, мы снашиваемся. Он скачет, мы претерпеваем.

Прошлое — я много лет это знаю — есть будущее. Все, что имело значение, — лишь пара мгновений, непригодных, пока длились, но в волнах времени они обратились в золото. Февральский свет, кой по хилости своей мог бы исходить и от полуденной луны, и от красного солнца сквозь фактуру бамбука и персидской сирени, хладно падал на стену, несшую на себе французский офорт с камбалой, карту Гебрид, бюст Т. Помпония Аттика, мадагаскарского попугая, чей зеленый глаз пылал опалово, да испятнанное зеркало, не отражавшее в столь тусклый день ничего, кроме элементарной нейтральности света и сумрака, соседства и терпения.

Снаружи я больше всего внутри. Однажды Олимпия со своего ложа на стене сказала мне, что мсье Мане был их тех мужчин, что нравятся женщинам. Им с ним было легко, поскольку он верно обращал на них внимание. Оставался в себе и выглядывал наружу. Выходить из себя даже не умел. Это всегда чувствовалось. Женщине утешительно, сказала она, видеть мужчину, который столь бессознательно остается собой. Женщина знает, когда быть внутри, а когда снаружи, это единственный ей полезный материнский урок, а также, разумеется, когда быть ни там, ни тут.

Снег — некая музыка. Случись мне писать снова, может — стихотворение, искусное и все прозрачное, как у китайца, — мне бы хотелось засвидетельствовать им красоту снега.

А книги их, этих людей, кто пишет и пишет, — кто их читает? Все это — предпринимательство, как и любое прочее. Стараюсь не утомлять их старческой говорильней, когда приезжают — те немногие, кому еще хочется расспрашивать меня о писательстве, о времени до обеих войн, о Берлине. Не рассказываю им, сколько горя тогда принесли писатели — те, кто утверждал, будто они писатели. Не рассказываю, что бросил писать, ибо мне вообще было нечего, уже нечего, сказать.

Вон кроличьи следы. По-моему, за столом говорили, что сегодня Рождество. Не уверен.

Но давайте же прекратим, дабы по несчастной случайности не расставить все по порядку.

перевод Максима Немцова

РОБЕРТ ВАЛЬЗЕР

СТИХОТВОРЕНИЯ

Швейцарский писатель Роберт Вальзер известен скорее как автор прозы, чем как поэт. Хотя его первой публикацией, в 1909 году, были как раз несколько стихотворений, позднее он надеялся стать известным как автор романов. Романы при его жизни принесли ему только очень ограниченную известность. Настоящий интерес к текстам Вальзера пришёл многие годы после его смерти. Он вошёл в литературную традицию, в первую очередь, как автор "микрограмм": коротких прозаических отрывков, которые он записывал карандашом, заполняя всё свободное место на бумаге мельчайшими значками. Иногда это были картонные карточки, иногда — даже поля газет. Только когда "микрограммы" из архива Вальзера стали расшифровывать, оказалось, что эта система записи была не шифром, а только очень плотно набранным почерком. Сам Вальзер говорил, что переход на систему "микрограмм" оказался спасением от навалившейся на него однажды неспособности писать дальше. Чернила и разборчивый почерк лишали его свободы, необходимой для писательского воображения. Карандаш и идиосинкратический, искусственно сокращённый почерк позволили ему писать так, как это соответствовало самой его личности: во всех его текстах, прозаических или поэтических, есть что-то не совсем окончательное, не совсем достигшее полного развития, не доросшее. По духу проза Вальзера напоминает записки увлекающегося литературой юноши, который пишет "для себя" и чтобы самому прочесть позже. Но, вместе с тем, это их свойство настолько полно и чётко определено, настолько независимо и индивидуально, что переходит границу идиосинкразии и становится исключительным литературным событием. Вальзер-писатель — не графоманствующий подросток, но графомния это его демон, с которым он ведёт эпическое сражение, даже в самых коротких отрывках с самым незначительным сюжетом (например, об оторвавшейся и пришитой на место пуговице).

Русскоязычному читателю Вальзер известен благодаря, в основном, двум публикациям: сборнику рассказов, напечатанному издательством "Текст", и роману "Разбойник" с приложением некоторых рассказов, выпущенному издательством "Колонна". Стихи, собранные здесь, должны показать читателю ещё одну сторону Вальзера: как автора, стихи которого, как и проза, ставят перед собой задачу "сократить" сам жанр лирики и придать ему неокончательность, как карандашному наброску, который можно стереть или переписать поверх кистью и красками. Вальзер — мастер малой прозы не столько потому, что его тексты не заполняют монументального количества страниц, сколько потому, что рассказывают о жизни того, кто и сам очень хотел бы уменьшиться, стать ребёнком или даже пуговицей на бедном сюртуке.

День пятидесятилетия

Я родился в апреле в одном
городке среди прекрасных ландшафтов, и там
я ходил в школу; наставники и священники были
мной отчасти довольны. Прошли годы,
я устроился помощником в банк,
потом посетил некоторые города, Базель, Штутгарт
и Цюрих. Здесь я свёл знакомство с
одной очень милостивой и любезной дамой,
которая проживала то в городе, то на природе, так,
как ей того желалось, и она
обратила моё внимание на Генриха Гейне,
которого я, разумеется, только гораздо позже
научился ценить по заслугам.
Имя той дамы один только я мог бы
поведать, но зачем же мне это делать, когда
меня так радует собственная деликатность? Служил
и по разным конторам,
оживлённо менял места работы,
целиком из собственных побуждений
находил новое место и служил; между тем
пописывал в фабричных помещениях стихи,
которые потом публиковало издательство
Бруно Кассирера с некоторой даже помпезностью.
Лет примерно семь я жил
в Берлине, усердно строчил прозу,
а потом вернулся, когда господа издатели
перестали платить мне гонорары, в
Швейцарию, страну, которую многие любят
за красоту гор, и тут я собирался и дальше
неутомимо заниматься писательством.
Так или иначе мне стукнуло пятьдесят годков,
о чём напоминают мне пряди седых волосков.

Газета

Размышляя о будущем и здраво
взвешивая в уме и преодолевая потери,
я смотрел с высоты, стоя на горе,
вниз на гладь озера, в котором,
женственно выгибаясь, плыли лебеди,
словно на празднике чистоты.
Красиво раскрашенные лодки скользили
по озеру туда-сюда, и горы купались
в отражении, окунаясь, как человек
в прелести жизни и как встряхивается душа
от сладких страданий. Потом, когда
из деревьев стал слышен шёпот листвы,
я спустился с холма
и развернул газету.

Пивная сцена

Один шутливо толковал с разносчицей.
Один устало голову подпёр.
Один бряцал на пианино вдохновенно.
У одного из горла рвался смех.
Один во сне был темнотой настигнут.
Один тугую клавишу заставил петь.
Однажды девушка-красавица сбежала.
Однажды глупый спящий вдруг вскочил.
Однажды пели песню англичане.
Один блудливый сплетник, дым табачный,
один проснувшийся, и сон один,
один усталый пианист-маэстро.

Счастливый

Ушами, ртом, глазами мы наделены,
а у домов есть двери, стены, окна,
но в тупиках и залах жил всё это время
счастливый человек, который
чужие заблуждения нёс в себе,
и это бремя так его давило,
что быть подавленным ему казалось мило.
Он, кроме прочего, гулял однажды
в большом саду и что-то там искал.
Он исполнял какой-то непростой приказ,
едва надеясь, что приказ исполнит.
А на веранде, то есть на террасе
стояли господа, следя за ним,
и дамы также, пышное собрание,
над ними смех шутихами взмывал,
а он, глупейший юноша, в тот день,
наполненный событиями, чашку,
расписанную мастерицей, вдруг разбил,
и тут уж занавес упал. Ему, глупцу,
навечно много важных истин недоступны
остались, и за это свойство
ему завидовали многие – не зря,
наверно. Он носил в себе
всю жизнь чужие заблуждения, и его
тянуло вверх и вниз, он был полезен
и бесполезен, выше всех похвал,
укорами осыпан, расщеплён – и цел.

Забвение

Забытое я позабыл.
Полузабытым я страдаю.
Оно, с любовью возрастая,
гнездится в голове моей,
как беспокойная рука
нашаривает дно корзинки,
а не клубок, который ищет,
и потому уж нелегка.
То, что вполсилы позабыл,
выходит снова из могил.
Живёт прозрачно и стыдливо,
мертво, и снова полуживо.

Улыбка и ухмылка

На меня находит улыбка,
на меня находит ухмылка.
Ну и что? Пустяки и безделка,
и без толка.

Уныние

В одной новелле Келлера
речь идёт, как нам известно,
об унылом Панкраце,
который скитался по свету,
пока однажды его не излечила
от упрямства встреча со львом.
Писатель наверняка
неслучайно выбрал такую
тему для сочинения.
Нет, он несомненно
хотел высмеять в своём
произведении этот порок.
Уныние – это серьёзная ошибка,
из-за которой не раз приключались
разные неприятности.
Некоторые считают, что уныние
придаёт человеку своеобразия,
но это неправда.
Кто предаётся унынию,
тот раб и батрак своего изъяна
и платит оброк хозяину – гневу.
Уныние происходит от любви к себе
и ещё, по всей видимости,
от уязвлённой гордыни.
Никто не в состоянии опровергнуть то,
что я только что сказал;
напротив, это высказывание
можно только подтвердить.
Несложно научиться унынию,
смотрите сами, сколько людей
в этом отношении на высоте.
Все персонажи Келлера
значительны в своём роде;
нас же занимает унылая фигура.
Уныние это настоящий недуг,

который, должно быть, издавна
процветал повсеместно.
Кто теряет время в унынии,
не может искренне утверждать,
что занят полезным делом.
До сей поры я обычно изъяснялся в прозе,
а сегодня, с позволения,
торжественно говорю стихами.
Уныние свидетельствует о мелочности,
так неужто ты хочешь оказаться в плену
такой болезненной слабости?
Время от времени можно заметить,
что даже умные люди
слишком поспешно падают
в пучину уныния.
Уныние едва ли можно причислить
к большим достоинствам,
уж поверь мне.
Женщины с удовольствием унывают
по поводу безответных чувств,
а художники – из-за непризнанности.
В политических кругах,
как и в единичных жизнях,
по необходимости предаются унынию.
Долой уныние, оно же
вовсе не лакомый кусочек
и отравляет жизнь.
Кто сколь-либо честно
борется с собой, тот способен
обуздать и покорить недуг.
Не в гневе, но в терпении
и великодушном прощении
выражается храбрость.
О, будь другом, а не врагом,
будь кроток, и силен, и весел,
будь свободен, доверчив, смел, терпелив.
Поторапливайся, иди вперёд,
помни, что жизнь коротка,
и пройдёт уныние.
Больше сказать мне нечего,
а то, что я мог бы добавить,
в конце концов, понятно и так.

Мышка

Я недавно шёл домой
и увидел трупик мышки.
Как же так? – воскликнул я.
Бездыханна, умерла?
Отчего ты не бежишь?
Не успела жить начать,
как уже ушла из жизни.
Хорошо, тогда хотя бы
дай мне описать твой путь.
При твоём рождении, верно,
пышных слов не говорили,
и крестить тебя не стали.
В школу тоже не послали,
и учителя не бились
над твоим образованием.
С первых дней ты научилась
находить дорогу в жизни.
Что касается науки,
воспитания и познаний,
можно обойтись без них.
Ты не занималась спортом,
фортепиано и мазуркой,
не брала таких уроков.
Ты быстра и грациозна
от природы, и стыда
ты не знаешь от природы,
как не знаешь, что такое
туфли, шляпы и перчатки.
Ты всегда в одном костюме.
Есть ли у тебя сестрёнка,
братья, дяди и кузины?
Или, может быть, супруг?
Это сложные вопросы,
на которые, наверно,
лучше не искать ответ.
Но зато ты, моя мышка,
никогда забот не знала.
Люди склонны сомневаться,
грызть себя, воображать,
отравлять себе же жизнь;
мучают себя, терзают,
утончённая тоска

их доводит до безумия.
Ты была довольна жизнью,
не задумываясь много,
да ведь мысли зачастую
причиняют только вред.
Думаю, не ошибаюсь,
полагая, что по норкам
ты любила бегать, мышка.
Малый квант листвы тебе
домом был, и под камнями
ты ютилась с наслаждением.
То, что для людей – трава,
для тебя – уже деревья.
А деревья, скажем, клёны,
кажутся тебе громадой,
если столько толщины
с высотой объять ты в силах.
Даже заяц для тебя
был внушительной фигурой.
Но особенно котов
ты боялась откровенно,
ведь проблем не избежать.
Голос твой похож на свист,
а походка тороплива.
Ты не знаешь ни немецкий,
ни французский, ни английский,
говоришь лишь на мышином
языке: его хватает
в повседневном разговоре.
Дела жизни у тебя
не было как такового;
путешествий тоже, впрочем.
Что ж с того? Тебя в ладонях
милостивых бог держал,
как и все свои творения,
и парили облака над твоею головою.
Так прощай же. – Так сказал я
и пошёл своей дорогой.

В лесу

Как прутья прочного забора,
стоят стволы густого бора.
На что бы мы в лесу смотрели,
как не на худенькие ели?

Проходит день, и ночь грядёт.
Уже темнеет небосвод;
иду в молчании в лес густой,
и ухожу потом домой.

Куда моей судьбы звезда
меня ведёт – как знать, куда?
Но между тонкими стволами
приятно тешиться мечтами.

Письмописец

Если у кого-то есть, скажем, талант
к написанию писем и его письма читаются так,
словно глядишь на череду сменяющих друг друга картин,
то предполагается, что он уж никогда и не перестанет.
Никому не приходит в голову, что однажды
он не найдёт ни внутреннего, ни внешнего повода
проявлять остроумие и сообщительность.
Вызывает удивление, когда письмописец
останавливается вместо того, чтобы, подобно ручейку,
продолжать изливаться, журчать и пробалтываться.
От него ждут, что он без устали
будет ублажать, развлекать и сервировать
только самые добротные вещи без примеси усталости.
Но он – тот, кто писал письма
и тем самым развлекал себя и других –
внезапно чувствует, что ему необходимо
находить радость в молчании,
и он действительно её находит
и молчит, в то время как раньше болтал
без остановки, а теперь он для разнообразия
сдержан, сдержанность для него – что-то новое,
она придаёт ему сил к жизни.
Он находит, что ходить по комнате
целый день туда-обратно
доставляет ему неизведанное и изысканное
удовольствие и блаженство,
и он думает, помимо прочего,
о возникновении своего первого письма,
и простота кажется ему чем-то странным;
его интересует начало, несвершённость,
а получатели писем этого не могут
понять, не в состоянии представить себе,
по какой такой особенной причине
он не продолжает свою разговорчивость...

Новые дороги

Новые дороги,
когда на пороге
я стою, разминая ноги,
и не хочу других дорог,
помимо тех, что день мне приберёг,
вседневных, словно свет дневной,
ведь свет не сдержишь, и руками
свет не возьмёшь: как солнце, сами
дороги стелются долой.

Она скучала

Улицы стали ей слишком мало чужими;
кино, рестораны, казалось, вот-вот
начнут становиться ей в тягость, но нет,
она не устала, только стала холодной,
безразлично шла рядом с людьми,
с экипажами; и никаких новостей,
мир мужчин, например, казался ей
старым, а молодые весёлые люди
строили мину, вели себя так,
что представляли собою вершину
безынтересности. Толку в кокетстве
не оставалось. "Я скучно живу
в этом городе, некогда славном", -
говорила она себе, и каждый день
то же самое думала; повод искала
уехать, но всё же любила
презренное в жизни, видела
прелесть в отверженном и не решалась
остаться, но не уезжала, и давно надоевшее
хоть отталкивало, но и притягивало,
и много людей ей в глаза заглядывало.

Город в снегу

Укрылась снегом, спит страна.
Поскольку я ведом куда-то,
иду по улице закатной:
как посеребрена она!
По двое милые гуляют,
и, может быть, друг друга знают
уже так долго, что скучают,
потому что никогда больше друг друга не покидают.
Другие вдаль бредут одни,
но в одиночестве они
порою меньше одиноки, чем другие,
которые друг с другом связаны в узлы тугие,
а ведь они не против путы развязать,
по городу свободными гулять,
ведь снег и колкий шип мороза
похож на то, как раскрывает лепесточки роза.

Мир

Тонкий дымок поднимается,
но это лишь тонкий дымок.
Тонкое деревце тянется,
но это деревце лишь.
Полянка сквозь лес прорывается,
но это всего лишь полянка.
Домик лепится с краю,
но это всего лишь дом.
В небе летят облака,
но это всего облака.
Небо прекраснее некуда,
но небо всего лишь небо.
Мир всего лишь огромен
и всего лишь мал.
В мире мне тесно, просторно,
и мира я след потерял.

Представь себе

Представь себе её, прекрасную собой,
которая была юна и хороша на протяженье
долгих лет, и жизнь с восторгом обнимала,
и верила во всё, во что поверить
считала нужным, в радость юной жизни,
в почётность зрелости; теперь же,
день за днём, неделю за неделей, год от года
она становится, к несчастью, терпеливой
прежде всего по отношению к себе. Она узнала,
как различать ошибки, недостатки, слабость,
и в сотню раз скорей простит себе самой,
чем ближнему, и со смиренной миной
себя считает уважительной руиной.
Заметим, что нам свойственно – хоть так ли это важно? -
со временем располагаться слишком уж вальяжно.

Перевод и предисловие Анны Глазовой

Деревья (I)
(Баллада)

Нечего вам кулаки сжимать,
то моя тоска, она к вам близится;
нечего вокруг стоять, исполнясь гнева,
моя тоска к вам робко близится;
нечего вам злыми псами рваться,
будто мою тоску хотите растерзать;
в широких рукавах таить угрозу,
что причиняет боль моей тоске.
Почему вы вдруг переменились?
Ведь велика и глубока моя тоска всё так же.
Как тяжело мне это и как жутко,
но должен к вам идти, и вот я здесь.

Рассказ

В какой-то миг я разлюбил ее,
или себе вообразил лишь это,
ну а потом понравилось, наверно,
о ней не думать больше.
Та девушка с жемчужиной однажды
мне объявила: «Ты мой супруг»,
хоть ничего такого и в мыслях не имела,
я вовсе не поверил, но однако
был весь её; и если шел гулять,
то говорил себе: «Она мне разрешила»,
а дома был – опять же ее воля.
Как получалось всё, как получилось,
что и она меня не удержала,
что с обладательницей веера, прельщенный,
связал себя и обязался
пред ней одною трепетать,
заботиться о ней единственно?

Деревья (II)

Бывают по ночам плохие сновидения,
однако же их забывают.
Днем трелям птиц вниманье уделяют,
но есть еще явления
деревьев – они, даря отраду,
к себе притягивают наши взгляды.

Перевод Марка Белорусца

***

Признаю все свои ошибки,
но ни о чем не сожалею,
потому что из того, чего у меня нет,
произрастают мои силы,
мне с давних пор чего-то не хватает,
и именно поэтому
я верю себе, и уже тогда был спокоен,
мы достигнем чего-либо
старанием, по себе и о себе
я не забочусь обо всем.
Молодость [...] незрела,
если не оглядывается на возраст,
потому что между старым и молодым
большой разницы не существует
и между бедным и богатым
и умным и неумным ее тоже нет.

Перевод Александра Филиппова

ГЕРТА КРЕФТНЕР

ПАРИЖСКИЙ ДНЕВНИК

В русскоязычном пространстве творчество Герты Крефтнер (Hertha Kräftner, 1928–1951) известно мало. Единственная публикация была в журнале «Иностранная литература» в 2009 году. Шестьдесят лет назад австрийская поэтесса свела счеты с жизнью. Но и сегодня, не только в Австрии, переиздают, перечитывают и обсуждают ее произведения. В венском районе Флорисдорф есть даже улица Герты Крефтнер. Притом само литературное наследие поэтессы умещается в одном томе: стихотворения, рассказы, «наброски к роману от первого лица», дневники и письма. Письма (в основном, это письма к возлюбленным) не уступают по выразительности ее прозе. То же относится и к дневникам. Венский литературовед Венделин Шмидт-Денглер отметил, что такое, как у Герты Крефтнер, сращение биографического и художественного редко встречается в литературе.

Юные годы Герты Крефтнер в провинциальном Маттесбурге пришлись на время унижения, деградации и войны. Когда ей исполнилось семнадцать, её отца жестоко избил советский солдат, ворвавшийся в дом. Много ли поводов требовалось для рукоприкладства в 1945 году? От побоев отец через несколько месяцев умер. Страшная реальность войны стала для нее психической травмой. Необходимо здесь принять во внимание и повышенную, даже болезненную у Герты Крефтнер, впечатлительность, без которой, наверное, нет поэта. Образ отца много раз потом возникает в стихах и письмах.

С 1946 года Герта Крефтнер в Венском университете, она изучает германистику, философию, эстетику и психологию. Живет в полуразрушенном, оккупированном городе. Ее поколение, входящее в жизнь, оказалось среди руин послевоенного мира. Меж развалин зданий, мировоззрений, религий и судеб.

С семнадцати лет она пишет стихи, ведет время от времени дневники, чуть позже подступается к прозе. У Герты Крефтнер покинутость и изоляция – точка отсчёта, а ее поэзию питают любовь, отчаяние и смерть. Эта смерть стоит у нее за спиной, заглядывает в рукопись. Однако отсюда в ее текстах чувственное ощущение полноты бытия, переполненность любовью, яркость тропов.

На очень недолгом творческом пути Герты Крефтнер "Парижский дневник" 1950 года – особая веха. С него начинается самый многообещающий и зрелый период ее творчества. Суждено ему быть лишь ослепительной вспышкой. Это не совсем дневник. Нет записей, привязанных к датам. Да и была она в Париже всего пару недель. Дневник словно намеренно фрагментарен. Впрочем, он рассказывает о Париже больше, чем обширные путеводители. В этих записях присутствует «внутренний» Париж Герты Крефтнер, выстраданный и пережитый. Выстраданный – потому что она легко ранима и везде живет вблизи смерти. Образ города совмещён, слит с событиями ее внутренней интенсивной жизни. Здесь почти моментальные снимки, но сделанные поэтической камерой. Оптика та же, что и в стихах. Границы между привидевшимся и реальным стерты. Одно перетекает в другое. Именно эта зыбкая ткань и особый повествовательный ритм соединяют фрагменты в единое целое. Есть у дневника еще один аспект, создающий поэтическое напряжение: Герта Крефтнер знает, что «Париж всего лишь увертка; Париж – издевка, чтобы еще раз мне показать, что придется потерять».

Несколько дневниковых записей она успела преобразовать в стихи перед тем как приняла смертельную дозу люминала.

Август 1950

Его называли Аменофисом[1] и полагали, что есть нечто неуловимое в его чертах. Печаль поколений скопилась у него в уголках глаз; она, не находя выхода, проложила себе узкий и длинный путь по лбу, захватила глаза и наполнила собой тяжелые брови. Фараон, лицо которого никогда не прояснялось. Уста его не произносили женское имя, но в своих изгибах таили тысячу нежностей.

1 Имеется в виду скульптурное изображение головы Аменофиса (Аменхотепа) III, египетского фараона XVIII династии (1391–1353 гг. до н.э.) в экспозиции Лувра. См. также приписку Г. Крефтнер в конце «Парижского дневника».

Если и целовал фараон девушку, то потом, наутро повелевал ее умертвить. Он чувствовал, что его уста оскорблены. И они, юные, это понимали, они знали свою вину. Он был подростком и нередко топил печаль в мучительстве. Но иногда он зарывал лицо меж узких девичьих коленей, им было страшно, хотелось стиснуть зубами его волосы, но они не осмеливались и умирали. Женщин он не знал, ему не позволяли даже коснуться той, что не была девственницей. Он покорялся и терзал свои уста, тосковавшие по налитым грудям. Аменофис – подросток и фараон, спустя тысячелетия ставший черным камнем, одинокий в тени пирамид и одинокий на свету из французских окон. Аменофис – отзвук дали и зеленой меланхолии.

У него вокруг юной шеи обвился город Париж. Они привезли его из Египта, чтобы их подвижный мир прикрепить к тому, что сохраняет спокойствие[1]. Но с тех пор прошло много времени, и сегодня об этом никто не помнит. Некоторые находят, что центр города – площадь Оперы, потому что на ней шумно и чужаки, засев в кафе из никеля и красного дерева, «ощущают Париж». Другие считают, что центр – Сен-Жермен-де-Пре[2]. Да простятся им их заблуждения. Площадь Фюрстенберга, на которой четыре дерева и старый уличный фонарь, вообще держится так, будто Париж строился вокруг нее. Ветер редко колышет ее четыре дерева, и дома в одинаковой мере грязны и стары. Мостовая на ней разбита. Фонарь – как луна, а во дворах сырость. Как знать, кто здесь живет? Порок тут не оставляет следов. За этими железными решетками на окнах – не знаю, ох, не знаю, что там, за ними, они делают. Уж кое-что делают, но мне о том не говорят. Деревья над белыми фонарными шарами вросли друг в друга. Когда здесь в полночь кто-то сидит на бордюре, зло, что произросло у него в мозгу, становится камнем, бордюрным желтым камнем с черной окантовкой. Наверное он ощущает, что приобрел, вместе с этим камнем, особую ценность, и уходит, испугавшись собственного запаха.

Я отправляюсь на запад, далеко. Где ты, черно-белый Ангел? Монмартр – холм, его потоп накроет последним. Париж не залило, я иду, под ногами твердая почва. Но с Монмартра открывается вид на восток, там прозелень, холодно и затоплено. Сюда наводнение, скорее всего, не доберется, но я должна возвращаться. Ангел, пошли на границу за мной ковчег!

Неизвестно никому, даже самим художникам, почему они рисуют на Монмартре. Однако искушение им подражать велико. Красотой новая церковь не блещет, она белая, но какая-то ненастоящая. Набожные женщины, перед тем

1 В одном из писем, датированных, как и «Дневник», августом 1950 г., Герта Крефтнер пишет: «Поначалу все проскальзывало мимо, будто передо мной скатывали ковер, на который я не осмеливалась ступить. Я была слепа, растеряна и искала спокойное место, где этот подвижный мир прикреплен. Нашла я его. Он – за гранью Красивого. Контур лба у него подобен линии спины одной из тех мучениц, которые умирали ради того, что им неведомо... Он стал черно-зеленым камнем и находится в Лувре».

2 Название площади и примыкающего к ней района.

как войти, прикрывают волосы. Рядом, в старой церкви[1] , пусто и темно. Здесь две колонны языческих времен, и священник, тощий француз, говорит о порочности некрещеных и тех, кто отринул Церковь. Его пальцы стискивают мне руку, а глаза вещают моей шее. Под конец он меня благословляет.

За Сакре-Кёр начинаются старые узкие улицы. Низкие дома, садики, а над ними в вышине крылья обеих мельниц. Смешиваясь, солнце и зелень творят тихое старомодное веселье. Улица Сен-Венсан... по ней шла девушка, пахнущая свежими розами; наверху, где был пока пустырь и не стояла еще белая церковь, ее зарезал любовник, он был злодей, а других мужчин любить она не хотела. (О малышка Роза с невинным взглядом, о тебе поют в песнях, что мужчины думали, когда тебя хоронили, будто ты умерла в свою первую брачную ночь.)

За скрипящими воротами – чудный сад, заросший и одичалый. Он легко сбегает вниз по холму[2]. Развалившийся дом[3] с покрытой пылью лестницей, по этим ступеням один из французских Генрихов поднимался ночью к возлюбленной. Спустя годы в покоях, где они спали, расцвело искусство труппы Мольера и с этого холма сошло в мир. Еще через много лет здесь жил Ренуар, потом – Утрилло.

У подножия холма дурная слава сама кричит о себе. Бедность, порок, суетливость уродуют человеческое тело. Я прислушиваюсь к неграм на улице и к человеку, показывающему фотографии, на которых он солдат в Индокитае. На площади торгуют арабы, и одноглазый мужчина поет известную всем песню. Уличный силач в досаде уходит, теперь они поют, и никто его не замечает. Режущий свет ночных ресторанов. Площадь Пигаль демонстрирует голые груди, а то, чего хотят все, прикрывает. Здесь девушки берут недорого, они стоят у окон и в дверях.

Поверь мне, маленький томящийся Роланд, не имеет смысла отправляться далеко. Мы всегда возвращаемся, но ничего уже не застаем! Того, что ты ищешь, тебе не найти ни в Индокитае, ни в Корее, ты же ищешь во всех вещах себя. Ты всегда будешь делать то, что считаешь опасным, и никогда не позволишь себе сделать то, что любишь. Не вспоминай о гавани Свольвер[4] прежде, чем пойдешь со мной ночью вдоль Сены. Почему ты кладешь руку мне на затылок, если знаешь, что потом мы глянем друг на друга и похихикаем над разыгранными страстями. Не рассказывай с жаром, как нам следует поступить, поскольку тебе хорошо известно, почему мы никогда так не посту-

1 Новая церковь – базилика Сакре Кёр (1875-1914), рядом с ней «старая» – Сен-Пьетро-на-Монмартре (1147 г.).

2 Монмартрский холм.

3 Особняк XVII в. – старейшее здание на Монмартре, где в настоящее время расположен Музей Монмартра. Был построен для актера Клода Роз из труппы Мольера. Впоследствии здесь была первая мастерская Ренуара, в этом доме жил также Утрилло.

4 Город и порт в Норвегии. В Дании и Норвегии Герта Крефтнер побывала во время студенческих каникул летом 1949 г.

пим. Не тверди: «Сбегу в кафе „Дё маго[1]», – ты и сам знаешь, что среди людей почувствуешь себя счастливым. О маленький, глупый Роланд, как ты все-таки мудр, когда весь отдаешься инакоделанию, от которого нам все равно никак не уйти. То, чем другие занимаются вынужденно и жалуясь, ты делаешь легко и с улыбкой.

Она стояла на Трокадеро[2] и глядела на город. Было темно и не холодно. Внезапно она почувствовала, что в светлом платье ей неловко: хотелось какой-нибудь нелепости. И было одиноко. Огни в ночи, голоса, отчужденные взгляды. «Габриэль...», – произнесла она, вообразила чьи-то лица, но даль оставалась недвижима. Терраса показалась чужой, она спустилась по ступеням вниз. Усталости не ощущалось, и ей вздумалось пойти домой пешком. Домой... Пустая квартира на узкой улице, где никогда не бывает тихо; зеленая кровать, зеленое... Возле Военной школы ноги стали подкашиваться, однако метро здесь поблизости не было, пришлось идти дальше. Она сократила путь, пересекла две улицы и потеряла направление. Вернулась назад, пошла налево, постояла там, ни о чем не думая, нашла, наконец, улицу Лекурб, но не знала, где ей повернуть. Двое парней пытались с ней заговорить, она лишь засмеялась и покачала головой. Заглянула в ближайшее кафе, там – сонная тишина. Какой-то мужчина шел вверх по улице. Его одежда не выглядела дешевой, а белизна манжет подчеркивала черноту волос. Она сказала: «Excuse me, but...»[3]. Он ответил на французском. Она улыбнулась сожалеющей вежливой улыбкой и отошла. Он сказал: «No, wait; I'll bring you home. But I suppose, you are not English, your accent...»[4]. «You are right, I am from Vienna»[5]. «Я тоже. Позвольте представиться...». Через десять минут они вошли к ней в дом. Она кивнула консьержке. Наверху он помог ей снять черный плащ. Комната была низкой и теплой, а кровать – зеленей, чем обычно. Вскоре они вышли снова и до трех ночи сидели на Монпарнасе. Она не считала чашки кофе. Когда возвращались, он, остановившись перед одним домом, сказал: «Я здесь живу...» – и взялся за ручку двери. Улица Блом, отель «Жанна Д'Арк»... Ей стало смешно. Отель «Жанна Д'Арк»... К нему она не пошла, это было бы слишком абсурдно. Ложась в свою зеленую кровать, она слышала, как внизу на улице тот человек уходит.

1 Расположенные в Латинском квартале кафе «Дё маго» и кафе «Де Флор» были популярны в художественных и литературных кругах Парижа.

2 Площадь, заканчивающаяся большой обзорной террасой с широкими лестницами, ведущими к набережной Сены.

3 Простите, но... (англ.).

4 Нет, подождите. Я провожу вас домой. Но вы, полагаю, не англичанка, акцент у вас... (англ.).

5 Вы правы, я из Вены (англ.).

У Аристида Брюана[1] :

Elle avait, sous sa toque d'martre,
Sur la butt' Montmartre,
Un p'tit air innocent;
On l'app'lait Rose, elle était belle,
A sentait bon la fleur nouvelle,
Ru' Saint-Vincent.

Свой человек на Сен-Жермен-де-Пре, кто носит сандалии из соломы на босу ногу, и завитые локоны до плеч, и черную рубашку; кто бархатную блузу не гладит никогда и очень длинные штаны готов надеть с любым нарядом; кто, если девушка, стрижется чертовски коротко. По кафе «Дё маго» расхаживали двое, фальшиво напевая и подыгрывая себе на гитаре, как если бы рубили дрова. А чужаки благодарно и восхищенно платили. Рядом в кафе «Де флор» бывает Сартр, его почитают как чужеземное божество. Его книги, пусть и не понимая их, воплощают в жизнь. Люди здесь танцуют и напиваются до бесчувствия. Они голодают, но они свободны. Их тошнит[2] от вещей, которые для них непостижимы. По «Буль-Мишу»[3] они слоняются взад-вперед, послеобеденное время тянется долго, а дел – никаких. Они страшатся конца и душат себя сами.

Улица Сены ведет к реке. Рыба, фрукты, остро пахнущее мясо, прилавки прямо на мостовой, под тротуарным бордюром валяется гнилье. Покосившиеся дома, высокие и грязные, в закоулках дворов темно, парадные без света, лестница вьется вокруг стальной колонны, скользкая плитка. Между свежим мясом и зелеными мухами – розовые гладиолусы, толстая женщина с желтыми пальцами нарезает помидоры. Негры размахивают тонкими коричневыми руками, белки их глаз – будто застывший жир. Снуют темноволосые мальчишки, и пахнет вином. Белье, розовое и серое, на оконных решетках, крики, хохот, бормотание нищих и, неожиданно, – лавка старьевщика. Узкая, невозможно узкая улица. Тут бар; несмотря на послеполуденное солнце, в нем темно и тихо, утомленная пустота. Рядом – другой, с зелеными лакированными ставнями, этот сулит опьянение, жару и прикосновения к бархатистой коже. Кошка насторожилась. Но что-то – отсюда мне не видно – исчезло, теперь у нее разочарованная спина.

1 Аристид Брюан (1851–1925) – прославленный парижский шансонье, сочинял свои песенки на парижском арго.

У нее под куньим колпачком,
Там на холме Монмартском,
Было невинное лицо.
А звали красотку Роза,
Свежим пахла она цветком
На улице Сен-Венсан.

2 Герта Крефтнер, видимо, обыгрывает название романа Жан-Поль Сартра «Тошнота» (1938).
3 Бульвар Сен-Мишель.

Под готическими сводами Сен-Северена[1] всегда вечереет. Озаренная солнцем «роза»; синие и фиолетовые круги передвигаются по стене. Колонна упоенно ввинчивается ввысь. Здесь впадают в экстаз грешники. Упади в меня, пурпурный Ангел. Окуни нас в готический сумрак, и мы будем, как святые, которых ужасает ощущение своей незапятнанности. Прими меня, Ангел болезней и смерти. Тебя я хочу испить. Ты полнишь собой вновь и вновь. Я люблю тебя и молюсь, твои уста – сердцевина потаенного счастья.

Какой-то человек пытается нарисовать Сен-Северен. Я долго рассматриваю его рубашку. Она очень пестрая, не понимаю, что за фантазия – поместить такую голубизну рядом с желтым цветом. О ты, голубое чудо на спине смертного. Перемешайся с зеленоватостью незрелых бананов в лавочке торговца напротив и подмешай себя в сны мальчика, спящего подле стройных огурцов. Растворись в мозгу у марокканца, будь белей его тюрбана и стань запахом старых книг, которые продают на набережной Сены.

I don't know why I am feeling so sad, I want to try something I've never had...[2] – напевала Колетта, сидя на постели, где она любит свою подругу. Колетта – блондинка, большая и пышная, но она больна; у нее изобилье белой плоти, а мужа нет и не было. Она лежала в госпитале, в продолговатой и тихой белой комнате. На соседней кровати – еще одна женщина, взвинченная, экзальтированная, томящаяся. Та непрестанно говорила о любви. Они не утомлялись, делать им было нечего и думать не о чем. В первый раз это случилось, скорей всего, после полудня. Темные занавески были задернуты, и в палате накапливалась бурая духота. У Колетты красивый рот с бледными губами, зубы белые и ровные. У другой – прерывистый хриплый голос, и руки подрагивают.

После того случая они уже не расставались. Вместе ходили в горы, убегали от семей. Теперь они живут в Париже вдвоем, на седьмом этаже. Когда просыпаются, видят Пантеон. Это чужая квартира, но им нужна только кровать, ничего больше. Они не работают, одалживают деньги. Спасение откуда-нибудь да явится. Они слепы, сбиты с толку тягой друг к другу. Колетта сидит на постели, шея у нее голая, а сорочка голубая. Она играет на гитаре и напевает низким голосом негритянские спиричуэлс. Другая присела на коврике, глядит на нее, не отрываясь, и в дрожи замирает. I don't know why... и ...it's me alone, standing in the need of pray'r.[3].

Пастер захоронен под мрамором, покрытие часовни – золото и эмаль[4]. В каждую годовщину его смерти они ведут себя так, будто он умер вчера: весь Институт выражает соболезнование руководству. Но никто не называет это шовинизмом. И никто не называет шовинистическим поступок Пастера, ког-

1 Церковь (XIII в.)

2 Не знаю, отчего в тоске я изнываю, Еще неведомое испытать мечтаю... (англ.).

3 Это я, стою один и жажду молитвы (англ.)

4 Усыпальница Луи Пастера (1822–1895) находится в главном корпусе основанного им института.

да он в 1871 году отказался от почетного докторства в Германии; подобное здесь называют чувством ответственности и любовью к отечеству. А любовь эта все площади уродует памятниками, напоминает непрерывно о войнах и побежденных врагах, призывает народ «хранить память о мертвых». Каждую субботу вновь зажигают на Этуаль[1] огонь Неизвестному солдату и в юбилей какой-нибудь битвы устраивают иллюминацию. На немецком не говорят, в Институте Пастера мне предложили пользоваться английским.

Он – врач, бактериолог в Пастеровском институте. У него своя лаборатория, для иностранца это совсем немало. Его кошка меня любит, каждый раз приветствует в коридоре. Ей позволено, но только у меня на руках, переступать порог лаборатории. Она, как и он, черная с белым.

И порывистая решимость у нее такая же. Я уже в постели, тут он звонит: «Excusez Mademoiselle...»[2]. И мы ужинаем на Елисейских Полях. Я не голодна, но не могу отвязаться от хора женщин Кентербери[3]:

Ill the wind, ill the time, uncertain the profit,
certain the danger.
O late, late, late, late is the time, late too
late, and rotten the year;
Evil the wind, and bitter the sea, and
grey the sky, grey grey grey.

Я снова знаю: потоп начеку. Мне его не избегнуть. Париж всего лишь увертка; Париж – издевка, чтобы еще раз мне показать, что придется потерять. Я тоскую по моему Ангелу. Ты, что насылаешь дождь и в то же время шлешь ковчег, который приплывает слишком поздно, где Ты? Почему на некоей границе я покинула ковчег, где была в безопасности? Как могла я так слепо довериться... Потому что тот безумец на время перестал петь, потому что зверь с карими глазами отступил от меня? Я думала, что время – это вечно раскрытый цветок.

А теперь я взываю о ковчеге, и Ты мне его пошлешь, но – поздно. Я утону, а Ты, наверное, опечалишься, увидев, что мое место в Твоем плавучем доме пустует. Моя белая Птица-Найденыш[4] полетит над водою с криком: «Земля, земля...». Но будет поздно.

Я сказала: «Мне скучно». А затем: «Хочу танцевать». Мимо меня проезжает Париж, Сена – черна, Этуаль – далека и мала. Во время этого проезда заме-

1 Площадь Этуаль.

2 Извините, мадмуазель...(франц.)

3 Из трагедии Т. С. Элиота «Убийство в храме»:

Ветер зол, время зло, достаток неверен, опасность верна.
Конец, конец, конец, времени конец, проклятому году подошел конец;
Ветер зол, море горько, небо серо, серо серо серо.
(Пер. И. Юрьевой.)

4 Персонаж одноименной сказки Братьев Гримм.

чаю вдруг бар: «White and black»[1]. Кричу: «Сюда». Пью. Он говорит: «Не так много». Танцую с незнакомыми мужчинами и вижу, как он сидит далеко-далеко и приглядывает за мной. Он не танцует. Иногда я остаюсь с ним, потом мы лишь посматриваем друг на друга, мы не знакомы. В какой-то момент я сказала: «У меня болит сердце». Он встал и взял меня за руку. Мы уходим, а когда садимся в машину, я вижу, что у него там, где начинаются виски, седые волосы. Это мне напомнило об одном дне после полудня, я почувствовала далекую руку на своей и капли дождя на лице. Или слез.

Когда мы, вчетвером, трогаемся наконец, нас разбирает хохот. У Черного Пьера, который поначалу не говорил по-английски, внезапно прорезалось красноречие, мы его называем теперь «Цицероном в Англии». Да здравствует мартини! Несколько улиц, и дальше машина не едет. Аперитивы не для автомобилей. С трудом добрались до Конкорд[2]. Какое-то решение они энергично приняли, мне сообщают о нем на английском; я понимаю, что для меня оно чересчур логичное, и только говорю: «О.К.».

Идем в Латинский квартал. Он сер, брошен на лето и стар. Его слава досталась Сен-Жермен-де-Пре. От ветхости дома клонятся вперед либо назад. Никого это не беспокоит. На шестом этаже беззаботно цветет герань. Мы заходим в старую позабытую церковь. В сенях сидит серая кошка, она трется о мои щиколотки; консьержка поясняет, что открывает церковь только по воскресеньям. Я беру кошку на руки, теперь она меня не отпускает, цепляется за воротник, а длинный и гладкий хвост обвивает вокруг моей шеи.

Лик Мадонны на грязной стене. Свесившись из окна, перевали через решетку и выпадай сюда, мягко упади и располагайся среди банановой кожуры и старых газет. Дети, играющие на улице, тебя приласкают. Вокруг соберется ночью тысяча парижских кошек. Ты забудешь столетие, в котором родился. Порой долетит к тебе капля краски, сорвавшись с кисти художника, да хозяин ресторана, что напротив, перебросит через тебя букет опавших гладиолусов. Скорей всего, гладиолусы однажды осыпятся в вино, оно станет стекать у тебя по щекам и соберется в твоих милых глазницах, покуда утром не откроют канализацию и не захлестнет тебя прозрачной водой, которой смывают каменные желобы водостоков.

«Соланж»[3] – написано над перекошенной, коричневого цвета дверью. Запах лука и вина смешиваются в один свирепый аромат, но его смягчает гнилостный воздух из кладовки. Сто́ит только сесть, и тебе уже непонятно: пролез ты сюда под столами или пробрался по ним. Но ты и не сидишь, ты жуешь. Локоть незнакомца долго лежит у тебя на бедре, волосы девушки напротив задевают то и дело твое лицо; все же ты доволен. Ты ешь то, что ставит перед тобой Соланж. Она готовит только два блюда, но если видит по твоим глазам, что тебе необходима телятина, ты ее получишь. Твое предубеждение, еще с детства,

1 *Белое и черное (англ.).*
2 *Площадь Конкорд.*
3 *У Герты Крефтнер – очевидно, по ошибке – значится «Солонж» (Solonge), такого имени нет.*

против белесого безвкусного мяса проходит от веселого грохота, с коим Соланж швыряет тарелку и прибор на твой стол – и тем являет свое могущество. Она прохаживается между столами и ломает хлеб. Она никогда не нарезает эти длинные тонкие белые багеты. Не проси чистый нож, чтобы разрезать желтую сладкую дыню, Соланж тебе его не даст, потому что на столе лежит нож, которым ты мажешь на хлеб мягкий сыр. У вина темнокрасный цвет. На стенах – сплошь коврики и старые гобелены. Голубое пятнышко где-нибудь в уголке свидетельствует, что стены некогда были крашеными. Из-за дыма и чада не видно, что каймы поверху нет. Своих клиентов Соланж знает по именам, и как прошел экзамен, ей тоже известно. Это всё студенты. Кто не может уплатить, ест даром. Кто заходит через двор, пользуется окном как дверью. Иногда Соланж рассказывает истории, от которых мужчины краснеют. Она – маленькая, черная, грязная, и она стареет.

Пьер и Морис пригнали автомобиль. Эдит Пиаф поет *La vie en rose*[1], пока мы проезжаем пустынный Латинский квартал. Зато на бульваре Сен-Жермен шум и гам. Для кого в кафе «Флора» слишком спокойно, пусть идет в бар «Мартиника». Мы пьем сладкое и крепкое и играем в «четыре-три-один», в игру, где выигравший проигрывает. На полу – лица, глядящие на меня, зеркала приближаются, я вижу в них мои горящие волосы, но это был лишь промелькнувший алый отблеск. Кто-то пел, и я ощутила, как голос вливается мне в вены. Двое мужчин, уставившись друг на друга, воспламеняются и гаснут, вздрагивая, когда их пальцы соприкасаются, при этом один из них передает другому ключ. Рядом негр закатывает глаза.

В какой-то момент мы снова едем. На Конкорд они останавливаются, почему – неизвестно. Выхожу из машины. Обелиск[2], белый в свете прибывающей луны, умиротворяет. В машине Менухин играет Крейцерову сонату, за моей спиной Тюильри, фонтанная чаша ожидает водяных струй и парусников малышей, Аменофис в Лувре знает ответ, но не скажет[3]. Вдалеке – Триумфальная арка. Два ряда огней между Этуаль и Конкорд внезапно съеживаются, становятся светящейся точкой, большой и желтой, и проникают мне в мозг. Одно мгновение я абсолютно точно что-то знаю – и пугаюсь. О Ангел, осененный голубизною, возложи Твои нагие ступни мне на волосы.

Этой ночью я забываю про сновидения. Утром меня будит старьевщик, он тащится с причитаниями по нашей улице, и колокольчик на шее у его лошадки, которая ждет на углу, легонько позвякивает.

На Трокадеро вздымаются и падают струи. Они – сверкающая кисея. Чужаки приходят на террасу и уходят. Мы, облокотившись на балюстраду, глядим вниз на хлещущий фонтанный ливень. За ним, далеко, – черный Париж. На

1 «Жизнь в розовом свете» (франц).

2 Древнеегипетский обелиск (ок. 1285 г. до н. э.) из Луксора, так называемый Луксорский обелиск, – узкая стела высотой 23 м, покрытая египетскими иероглифами.

3 В уже цитировавшемся выше в примечаниях письме Г. Крефтнер: «Я люблю его [Аменофиса], люблю с отчаявшейся надеждой, но знаю, что я для него ничто; если даже никто прежде не любил его, как я, все равно он не откроет ради меня свой каменный рот. Я опоздала родиться на тысячи лет».

вершине Эйфелевой башни красные огни; когда над ней тянутся облака, кажется, что она плывет под парусом, что она – мачта какого-то угрюмого корабля. Красный свет – недобрый. Он глядит тебе в сердце и насмехается. Тогда ты вспоминаешь, и становится жутко. Скрытая облаком луна умирает за тебя. Золотое сияние Собора Инвалидов[1] доходит к тебе сюда и искушает тщеславными помыслами. У Парижа такая щедрая рука, такая широкая душа. Стоишь и видишь, как эта душа открывается, только не знаешь – для кого. Не для тебя, не для тебя... Ты лишь присутствуешь при совершении таинства. Будто молятся последователи каких-нибудь чуждых религий.

Струи фонтанов рухнули, огни потухли. Париж теперь – город, каких много. Терраса почти опустела. В углу, где темно, старик играет на скрипке. Tristesse[2]... Но почему здесь? Почему сегодня? Мои волосы тянутся и странствуют, это путь смирения. Вступи на него, Ангел. Пролей свой голубой свет на этот город, в котором мы одиноки.

В метро странный запах. Плитка на стенах и сводчатом потолке лихорадочно блестит.

Туннели заполняет черный грохот. На некоторых станциях – эскалаторы. На эскалатор ступаешь, и непонятно, где он закончится. В какой-то миг веришь, словно ребенок, что знаешься с бесконечностью. Горячий чадный дух там под домами, который не думает о судьбах людей, замерзающих наверху, на свежем воздухе. Парочки жмутся к стенам. Нервозность вместе с жарой вливается в мужчин, и те притискивают девушек к черным железным штангам ограждений. Губы у девушек красные и влажные. Пылают огни поезда. Ворота сдвигаются, состав вкатывается. Заблудившиеся страсти уставились в темные дыры, где время от времени мелькают алые вспышки. Тысячи желаний, пришедших сверху, собираются здесь и становятся волнующим теплым ароматом, припахивающим машинным маслом, человеческой плотью и сыростью. Однако в несущихся со свистом вагонах все растекается, превращаясь в меланхоличную скуку.

Музыканту

Помести меня в раковину твоих ладоней, укрой мои томящиеся бедра. В глазах у тебя вырастают белые гладиолусы тоски, позволь им расцвести во впадинах под моими руками. О эта смугло-черная печаль на твоем лице... Если ты коснешься меня, твои пальцы зазвучат, и моя кожа это услышит. Открой твой большой прекрасный рот. Есть в оттенке твоих волос тягостная злая нота, но ногти у тебя на пальцах – слоновая кость или перламутр.

Пой, пой, и меня баюкай в раковине твоих рук, и меня согревай.

У реки есть тайна, которая хочет высказать себя, но река не дает. Когда мелкие волны бьются о крутой откос, тайна стонет, жалуясь камню. Кто знает, почему тайна молчит... Старый китаец рыбачит, он говорит, что ловит рыбу, но

1 *Собор Дома Инвалидов, где похоронен Наполеон Бонапарт.*
2 *Грусть (франц.)*

хочет уловить эту тайну; поэтому он клонит голову набок и закрывает глаза, так ему лучше слышно.

Много их сидит бок о бок на камнях, они рыбачат и ни слова не проронят. Рядом маленькая девочка, она позабыла песенку и растерянно теребит подол своей юбочки. Нищие, примостившись на ступенях, дремлют под палящим солнцем. Один пьет светлокрасное дряное вино и сыплет проклятиями, другой роется у себя в рубахе.

Она очень печальна и потому беспрерывно гладит его волосы, эта печаль вытесняет у него вожделение, он соскальзывает со скамейки и кладет голову ей на колени. Ее руки у него в волосах, и нечто плывет, струится, что – течение реки или ток, исходящий из ее тела, – он уже не понимает, но знает, что в этом утонет.

От воды запах, он зеленовато-серый. Мертвая рыба, городские отбросы... Волны, бывает, ополаскивают рот мертвеца. Опустошенная тоска сидит под мостами и страдает от гнилостных испарений. Солнце падает на белые ступени Нового моста. Манекенщица все очарование вкладывает в левое бедро. Ее золотистое платье трепещет, когда к нему прикасается длинная фиолетовая перчатка. Мужчина, словно от восторга, падает перед ней на колени, и чернота у него в руке издает отвратительный звук. Та, золотистая, уверена, что отныне вечна. Но она забыла: бумага портится.

Художник кладет подрагивающий серый мазок на то место, где Нотр-Дам отражается в реке. Наверху на каменных парапетах – книжные развалы, где много всякого. Il principe[1] рассказывает о жестокости, а навигационные карты – о лихорадке, морях и луне. Аристид Брюан воспевает Монмартр, Фрейд говорит о наших затаенных влечениях, и под обложкой из коричневой кожи иронически улыбается Вольтер.

У воды, внизу, ссорятся два негра. Черные фонари на парапете сообщили: настает ночь. И ивам грустно. Прошумела мимо большая лодка. Свет отдален, видны только его отблески вблизи мостов. Речная тайна плачет, ей хочется высказать себя влюбленным. Но те и сами никак не найдут слов друг к другу, а потому любят немо. Их поцелуи расплываются. Ночь кротко лежит у них на руках.

Лилии растут в небо, они белые на голубом поле. Плавные изгибы соединяются в улыбчивое колеблемое кружево. Камень утратил свою сущность, он стал листком, и ветвью, и розой, он растет и цветет. За много столетий краски не поблекли: кармин, лазурь и золото. Сверху над ними разноцветные стеклянные стены заменяют окна. Жизнь у святых голубая и алая, а смерть мучеников фиолетовая. Сен-Шапель[2] являет божье чудо в красках. Ясность веры и смиренная молитва. Мистическое восхождение к розовеющему свету. Поклонение божественному могуществу и поверженность молящихся перед явленным им великолепием. И это чудо, произведенное цветом, и брильянты, и все драгоценные камни они отдали в дар божку пестрых стеклянных бус.

1 Государь (итал.), здесь, очевидно, название знаменитого трактата (1513) Никколо Макиавелли.
2 Часовня (1243–1248).

На площади Вандом ювелиры выкладывают в витринах брильянты. Гемма погружена в мечты. Рубины сочетаются браком со светлыми опалами. Аметисты – как вдовьи слезы. Мимо проходит индианка в длинных прозрачных шелках; перед витринными окнами, где роятся тысячи слухов, она поправляет синие волосы, ногти на смуглых пальцах алеют лаком. Риволи – улица аркад; там перламутр, оправленный драгоценным деревом, бархат, мыло, кружева, перья на черных шляпах. В Люксембургском парке прохаживаются негры в дорогостоящих костюмах, и слоны неуклюже переступают через голубой галстук. Мальчики в белых рубашках пускают кораблики в круглых фонтанных чашах, и ветер развеивает высокие струи. Кафе здесь носят высокопарные названия, плетеные стулья и золоченые столики расставляют на тротуаре, под разноцветными маркизами. Перед ратушей порхают голуби. Лето в Париже – это раскаленный свет на улицах, изнеможение и сонливость, как после большого загула. Ты наполовину спишь, но к вечеру легко пробуждаешься.

Мозаичные плиты на солнце становятся матовыми. Фонтаны не бьют. Это хорошо, сейчас в саду Пале-Рояль их веселость показалась бы нарочитой. Всё – утомленно-кроткое, притихшее, медлительное. Высокомерие французских парков, их прохлада и одиночество здесь превратились в благородную печаль. Рано опавшие листья на дорожках, никем не занятые стулья в аллеях. Круглый бассейн томится желанием, но он сдерживает себя, и желание иссякает. Зелень немного поблекла, и краски цветов уже не такие яркие. Будущее таится за большими воротами. Змея обвивается вокруг зеленой ноги, но рука настолько устала, что не в силах ее сбросить. Движение засыпает в плечевом суставе. Когда идет дождь, небо опускается очень низко, и капли – сладкие и светлые. Смутное вожделение исходит от деревьев и теряется в красноватых кругах у стволов. Мечтания находят себе тут пищу. Мимо проскальзывает детское лицо, уже впитавшее серьезность и несостоятельность; с таким лицом придется идти, минуя все двери. Глаза маленьких птиц меланхолия сделала большими, они об этом поют. Чей-то ломкий голос крошится, будто дряхлая стена на солнце.

Париж был опьянением. Два дня я сладко и уютно отсыпалась, Ангел стоял на страже надо мной. Но этим вечером я снова бодра. Вода холодная и зеленая, вода... Глаза открыты, меня относит, рядом со мной труп моей маленькой белой птицы, что утонула давно, давным-давно, когда я хотела ее положить в любимые руки. Ну а ковчег, где же ковчег?

Примечание на последней странице дневника:
Аменофис III, XVIII династия; серый гранит.

Перевод и предисловие Марка Белорусца

АРХИВ

"НИЧЕГО ОСОБЕННОГО, НО КАКАЯ ЖИЗНЬ"

Константин Сомов в 1926 году

Константин Сомов покинул Советский Союз в конце 1923 года. К этому моменту за границу успели уехать почти все известные русские художники. Лишь Зинаида Серебрякова и Александр Бенуа получили разрешение на выезд из страны в следующем, 1924 году.

К этому времени прочие художники так или иначе успели устроить свою жизнь. Так, Леон Бакст жил плодами прежних успехов. Кто-то, подобно, Борису Григорьеву или Савелию Сорину, снискал любовь американских миллионеров и получил фантастические заказы на их портреты. Некоторые – например, Александр Яковлев – ждали будущей славы. Многие, и в их числе Василий Шухаев, уже скучали по России и хотели вернуться, но пока еще никто не думал об этом всерьез. Константин Коровин оказался в Париже без денег, с тяжело больным сыном: он остался бедняком до конца жизни.

Выставка русских художников в Америке, в числе организаторов которой Сомов попал за рубеж, не имела серьезного успеха. Родственники художника – Евгений Сомов и его жена Елена – познакомили его с Сергеем Рахманиновым. Благодаря последнему Константин Сомов получил роскошный заказ от фирмы Steinway & Sons. На роялях этой фирмы играл сам Рахманинов — его портрет и предлагалось написать.

Работа была закончена осенью 1925 года во Франции. Сомов поселился в Гранвилье, деревне в департаменте Эр, где купил ферму Мефодий Лукьянов. С Лукьяновым художник познакомился в 1910 году в Петербурге, их роман прервался с бегством Лукьянова из России после Октябрьского переворота. Кроме Мефодия (или Мифа, как его называли друзья) на ферме жил Михаил Кралин – собственно, именно на нем держалось хозяйство. По приезде Сомову отвели лучшую комнату, но спал Лукьянов в одной постели с Кралиным.

Сомов часто приезжал в Париж. Обычно он останавливался в квартире Владимира и Генриетты Гиршман. Прежде, в России, Владимир Гиршман был богатым фабрикантом; в Париже ему принадлежал магазин, который со временем превратился, в сущности, в галерею русского искусства. Его жена Генриетта прежде позировала Сомову, равно как и многие ее подруги, оказавшиеся теперь в Париже. Круг Гиршманов, их родственников и друзей – по выражению Нины Берберовой, "щедрых и культурных русских евреев" – был привлекателен для Сомова как источник новых заказов на портреты. Так и случилось: в начале 1926 года Берта Попова, Елена Питтс и Луиза Морган позировали художнику благодаря покровительству Гиршманов.

Жизнь Сомова в Париже была связана не только с необходимостью работы над портретами. Художник с удовольствием бывал на выставках, он любил ба-

лет и оперу. Здесь жили его друзья, например сотрудник дягилевских "Русских сезонов" Вальтер (Валечка) Нувель и Александр Трубников — потрясающей эрудиции и вкуса историк искусства. Кроме дружбы, Трубникова, Нувеля и Сомова объединяла любовь к легким развлечениям. Во Франции художник предавался ей в полной мере.

1926 год, равно как и несколько последующих, были счастливыми для Константина Сомова. Неустроенность и неопределенность пребывания в Соединенных Штатах остались в прошлом. Смерть Мефодия Лукьянова и встреча с Борисом Снежковским, любовь к которому принесла художнику немало страданий, были далеко.

Действительная жизнь Сомова никак не соотносится с представлением о ней советских искусствоведов – представлением, без всякого анализа транслируемым новыми авторами. Художник отнюдь не "умер в нищете и безвестности" — он никогда не знал уныния города Биянкурска и у него всегда хватало денег для того, чтобы привести домой того, кто ему понравился.

Еще одно заблуждение часто можно встретить в виде тезы "после эмиграции во Францию Сомов продолжал работать в прежнем ключе". Если почти полный отказ от графики в пользу живописи (при том что в России художник сделал ничтожно мало масляных вещей) означает "работать в прежнем ключе" – безусловно, Сомов так и делал. Если же говорить о тематическом разнообразии, сцены XVIII века, "радуги" составившие славу молодого Сомова, не покидают его и во Франции, однако вовсе не составляют основной материал его творчества. Кисти Сомова принадлежат великолепные пейзажи окрестностей Гранвилье, невиданные прежде портреты маслом, полные средневековой символики мистические вещи. В самом деле, грешно думать, будто кто-то может быть счастлив за пределами Советского Союза.

Сомов часто писал Анне Михайловой, своей оставшейся в Ленинграде сестре. Та читала письма брата их общим знакомым. Михаил Кузмин, с которым Сомов был очень близок в конце 1900 годов, отозвался об услышанном так: "Все описано по часам, вроде дневника дьячка. Если он пишет дневник, то это не трудно"[1]. Следует отдать должное проницательности Кузмина: ежедневные записи Сомова имеют очевидную бытовую структуру. Возможно, художник (как правило, безуспешно) стремился подражать хорошо знакомому ему дневнику Кузмина 1905–1915 гг. — в сущности, тоже построенного на ежедневной фиксации произошедшего и тематически близкого его собственному. Кузмин не преминул отметить: "Ничего особенного, но какая жизнь".

Существенное различие дневников Кузмина и Сомова заключается в том, что записи первого были рассчитаны на публичное чтение (и зачастую предполагали его: без сомнения, Кузмин читал дневниковые записи своим знакомым для того, чтобы повлиять на них). Друзья Сомова также читали его дневник, но без ведома автора, хотя и при его попустительстве. В художнике боролись от-

1 *Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб, 2007. С. 120.*

кровенность и стеснительность: он подробно описывал ночи, проведенные с любовниками, скабрезные диалоги, но, как правило, делал это по-французски (основной язык дневника — русский), или, позднее, использовал несложный подстановочный шифр, секрет которого нам известен.

После смерти Константина Сомова в мае 1939 дневники были вывезены в Англию другом художника, коллекционером его работ Михаилом Брайкевичем. После смерти Брайкевича, его дочери, уже в 60-х годах, переслали сомовские тетради жившему в Ленинграде племяннику художника Евгению Михайлову.

Нам неизвестно, сколько тетрадей получил Михайлов, однако в настоящий момент судьба записей с конца 1934 года по начало 1937 не известна. Так как у самого художника не было очевидных причин уничтожать такой большой массив собственных записей, мы полагаем, что это сделал опасавшийся репрессий Евгений Михайлов. Вероятно, именно им были испорчены значительные фрагменты текста дневника — наиболее откровенные сцены и антисоветские пассажи. В ряде случаев современное вмешательство совершенно очевидно — вымарки сделаны шариковой ручкой. При этом мы допускаем вероятность того, что Сомов перед смертью самостоятельно испортил несколько наиболее рискованных, с его точки зрения, фрагментов. Вероятно, именно в то время, когда дневник находился у Михайлова, он был отснят на фотопленку — этими снимками мы пользовались при подготовке настоящей публикации.

После этого дневник был передан в архив Русского музея, началась подготовка к его изданию. Публикаторы А. Свешникова и Ю. Подкопаева не ставили задачей подготовить значительную часть дневника – речь идет о ежедневных записях с 1894 по 1939 год. Им представлялось более важным дать общий обзор литературного наследия Константина Сомова, в которое, помимо дневника, входят также письма художника к его сестре Анне Михайловой. К этим письмам мы вернемся позднее.

Сомов делал записи сразу, вечером того же дня, или на следующий день. В 30-х годах он терпеливо переписал некоторые тетради, параллельно шифруя часть записей. Возможно, художник желал полностью переписать весь дневник. Но все же значительная часть дневника, в том числе за 1926 год, представляет собой полную сокращений и помарок скоропись, помещенную в блокноты приблизительными размерами 15х10 см. Записи сделаны мелким, неразборчивым почерком: на одной странице художник умещал более сорока строк!

Удивительно, что у Сомова доставало терпения еще и пересказывать события своей жизни в подробных и частых письмах к сестре. Чтение писем не вызывает проблем; кроме того, в них подробно объяснена подоплека событий, которые предстают в дневнике безусловными данностями. При подготовке своей публикации Подкопаева и Свешникова главным образом пользовались письмами, изредка дополняя их фрагментами дневника.

Заметим, что Сомов в своих письмах к Анне Михайловой не позволял себе высказать мысли, которые доверял дневнику. Например, 5 ноября 1925 он пишет: "<...> Вечером написал письмо Анюте и переписал Мифино, т.к. оно

было полно индискреций[1]: [я] писал, как будто он мне диктовал из постели". Таким образом, лишь дневник художника отражает более или менее реальное представление о жизни его автора.

Мы не беремся за подробный текстологический анализ публикации Подкопаевой-Свешниковой, так как не считаем нужным доказывать ее и без того очевидную научную несостоятельность. Ее читателя поразит обилие угловых скобок: неудивительно, ведь предложения составлены из слов, произвольно набранных из оригинального текста, благодаря чему смысл высказывания меняется на противоположный. Подкопаева и Свешникова комментируют этот факт так: "Сделав много купюр, мы неизбежно создали как бы свою призму в восприятии тысяч страниц сомовского текста, исписанных бисерным почерком миниатюриста. Задача была в том, чтобы не упустить главного, ценного, не нарушить элементарной человеческой этики и в то же время избежать идеализации". Впрочем, отчего опубликование высказывания о том, что Борис Григорьев является "полотером", а Лев Бакст – "свиньей", – подразумевает побег от идеализации, а вовсе не нарушение "элементарной человеческой этики", авторы не объясняют.

Также они не разъясняют причины сознательного искажения текста Сомова, самое невинное проявление которого – превращение игривой Мифетты в официального Мефодия, которая вовсе не "сделала", "пошла", "сказала", а "сделал", "пошел", "сказал". Едва публикаторам встречался более-менее сложный для чтения фрагмент, его также скармливали всеядным скобкам публикаторской конъектуры.

Кстати, именно работа Свешниковой – Подкопаевой прямо нарушает последнюю волю художника, явленную в дневниковой записи от 19 августа 1930: "<...> Я пил чай с Меф<одием>. Написал ему письмо-завещание на случай моей смерти, что все находящиеся в квартире вещи принадлежат ему, т. к. им куплены. Потом запечатывал свои дневники и на пакете написал, чтоб их не опубликовывали раньше, чем через 50 лет после моей смерти". Эти слова прямо указывают на возможность опубликования текста дневников без каких-либо изъятий. Впрочем, автор определил и 50-летний рубеж, проигнорированный Свешниковой и Подкопаевой. Подготовленная ими книга "Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников" вышла в 1979 году, спустя всего 40 лет после того как Константин Сомов навсегда поселился в Сен-Женевьев-де-Буа.

Таким образом, большинство исследователей искусства Сомова не имеют представления об оригинальных текстах художника и испытывают полное доверие к публикации Свешниковой – Подкопаевой. Выводы, сделанные этими исследователями на основании так называемого литературного наследия художника, основаны на искаженных источниках.

Предлагаемый нами текст дневника публикуется в соответствии с современными нормами пунктуации и орфографии, кроме отдельно оговоренных случаев авторских особенностей написания. К последним относятся наиме-

1 *От англ. indiscreet – неосмотрительный.*

нования всех без исключения производителей художественных средств. Они приводятся в строгом соответствии с текстом Сомова, даже если речь идет о совершенно очевидных с точки зрения публикатора орфографических ошибках. Это сделано во избежание обвинений в фальсификации, которые могут последовать в случае попыток пересмотра атрибуций работ Сомова, предпринятых после этой или последующих публикаций дневника. Исходя из тех же соображений, мы отказались от перевода всех иноязычных слов, имеющих отношение к сомовской "химии искусства". Полагаем, от этого никто не потеряет: вне экспертного сообщества эти данные не представляют интереса, а экспертам не требуются подсказки.

Раскрываемые сокращения заключены в угловые скобки, конъектуры публикатора – в квадратные. Также мы обращаем внимание читателей на то, что вопросительный знак, заключенный в круглые скобки (?) является авторским.

Знак = заменен тире, знак № (в случае, если речь идет о номере журнала) заменен за слово "номер". Сокращения слов "франк" и "сантим" (фр., ф., f., fr. и c. соответственно) приведены так, как в тексте. Заменены номера числительных до 20 включительно; к распространенным исключениям относятся часы дня или ночи. Слово Saint всегда дается так, как в тексте (как правило, сокращено до St.) Арабские цифры в обозначениях столетий или очередности правления монархов заменены на римские, простые дроби перед числами записаны словами. Сокращения т. е. (то есть), т. к. (так как), т. д. (так далее), т. п. (тому подобное), др. (другое) оставлены без изменений. Аббревиатура NY обозначает Нью-Йорк, а ч. и м. (или мин.) – час и минуту соответственно.

Фрагмент дневника Сомова, который вы прочтете здесь – не единственный из подготовленных нами. В ближайшее время мы планируем опубликовать полный текст, охватывающий весь французский период жизни художника. Однако даже в этом малом деле оказалась очень уместной помощь людей, желающих, чтобы настоящие дневники Константина Сомова увидели свет. Артур Гамалий взял на себя перевод с французского особенно сложных идиом; Татьяна Голубева весьма помогла в работе над именным указателем.

Павел Голубев

КОНСТАНИН СОМОВ

ИЗ ДНЕВНИКА

1926

1 января, пятница

Дописал Анюте письмо, вложил в него неск<олько> строк и Варюше. Пытался раскрасить оттиск из Le livre'a[1] "L'évanoui"[2], но из-за неуд<ачной> бумаги не удалось – хотел сделать освещение à la Peter de Hogh[3]. Получил очень милую открытку от С.В. Каминского с поздр<авлением> с Новым годом. Раскрасил три виньетки из Le livre'a: "Осенний пейзаж", "Розу с бабочкой" и "The headdress". Читал "Les Jardins de Versailles" Nolhac'a. Вечером рисовал Мишеля, но опять неудачно.

Целый день у нас бегал младенец кролик, мы им все занимались, кормили его яблоком, он был ручной. Но ночью с криками – я думал, что его ест крыса – он издох. А его хотели сделать комнатным. Умер В.Г. Каратыгин.

2 января, суббота

Утром ездил с в Michel'ем в Damville, шел почти все время дождь. Отправил две книги Елене. Покупал провизию. Вернулись к часу. После обеда прочел газету и раскрасил одни незначительный оттиск – виньетку из Le livre'a. Читал и кончил "Les Jardins de Versailles" Nolhac'a. Получил от Брайкевича телеграмму, спрашивает в ней, не может ли приехать завтра. Я ответил, что сам еду [в Париж] в понедельник. После ужина рисовал на новой бумаге Michel'я. Опять ничего не вышло. P.S.[4]

3 января, воскресенье

Получил от Жени каталог The Pierpont Morgan Wing[5]. Написал письма Софье Мих<айловне> Ростовцевой и Жене-Елене, собирал вещи в Париж и прибирал

1 Речь идет о Le Livre de la Marquise — "Книге Маркизы" (франц.) – важнейшем художественном проекте Сомова в русский период его творчества. Первый вариант этой книги — антологии эротической литературы, составленной Францем Бляем и иллюстрированной Константином Сомовым – вышел в свет в Мюнхене в 1907 г. Качество издания было невысоким. Кроме того, немецкая цензура пропустила далеко не все выполненные Сомовым рисунки. Вскоре Сомов принял решение самостоятельно подготовить новый вариант Le Livre. Работа заняла почти десять лет: новая, роскошная "Маркиза" появилась в 1918 г., сразу в трех вариантах. Совокупный тираж книги составил всего лишь 800 экземпляров — если не считать еще 50 экземпляров увеличенного формата, снабженных дополнительными текстами и иллюстрациями. После отъезда из СССР художник неоднократно обращался к рисункам "Книги маркизы" и ее мотивам, тщетно предлагал книгу различным издателям.

2 Обморок (франц.)

3 Так в тексте. Верно – Pieter de Hooch.

4 Литеры P.S., в некоторых случаях завершающие записи за тот или иной день, не связаны ни с одним известным нам фрагментом публикуемого дневника или какой-либо другой частью архива Сомова. Принимая во внимание незначительную вероятность того, что такие документы все же существуют, мы решили не исключать эти литеры из текста настоящей публикации.

5 Крыло Пирпойнта Моргана (англ.). Джон Пирпойнт Морган (1837–1913) – один из крупнейших коллекционеров прикладного искусства. Бенефициар нью-йоркского музея Метрополитен, именем Моргана было названо крыло музея, в котором в 1918 году было размещено его богатейшее собрание.

комнату. Вечером нас пригласили к себе Petits. Была и старшая дочка Иветта. Было как всегда скучно. Ели шоколадный крем, пили кофе.

4 янв<аря>, понед<ельник>

Встали в четверть 7-го. Уехали в Tillieres втроем. В 12½ в Париже. По дороге любовался красивым и гордым лицом молод<ого> человека, брюнета. Прямо к Гиршманам. Завтракал у них. Показал им привезенные с собой портреты. Володин сверх ожидания им чрезвычайно понравился.

После завтрака с Генр. на taxi в магазин. Сидел с ней и болтал наверху. Видел mme Quinsboury[1], К. Мизурова [?], Каминского.
К 4½ поехал на rue Cardinet, с девами[2] пил чай и болтал. Показывали очень удачные фотографии с bebe[3] и матери Wasserman'a. К 7 в Hotel Campbell. Обедал там по-шикарному с Мих. Вас. Бр<айкевичем>. Он чрезвычайно со мной мил, но немного заговорил меня о политике. В 9 расстались, я немного опьянел от Chambertin'a. В 9½ на rue Legendre у Ю. Конюса[4]. Масса народу, челов<ек> 60. Из знакомых: девы, С.М. Волконский, Л. Конюс, жена Юлия Конюса. Познакомился с его двумя учениками-скрипачами, с его племянницей-пианисткой[5]. Стол был завален яствами. Играли струнный квартет Haydn'a. Пели Маркова (сопрано) и голландка юная, высокая как кисть [?]. [Пели] Арию Баха Tronér[6], Kummer, чудную, и что-то по-английски – подражание ветру, дов<ольно> безобразное. Обе пели неважно. Я флиртировал с девами. В 12 втроем ушли, я их проводил и потом на bus'e доехал почти до самого дома. Спал отлично.

5 янв<аря>, вторник

Утром написал письмо Мефодию. Поехал с Генр. в магазин. Ходил покупать тетрадь арий Генделя для низкого голоса. Бродя, добрался до Hotel Campbell к 1.15. Там завтракал с Брайкевичем и Татьяной Андреевной Покровской-Гурлянд. Я ее видел раз у меня в П<етербур>ге, она была собирательницей картин. Ей лет 40, и она из красивой сделалась некрасивой. Была очень со мной мила, приглашала к себе гостить в Лондон и они оба перебирали, кого можно было бы подбить на портрет. Нашли двух дам.

Часа в 3 я ушел, зашел в магазин. С Генр. и Поллак'ом[7] (мужем Хитиной) болтали глупости и неприличности по поводу Генриэтты. К 5 я дома. Лежал. Потом пел – разбирал тетрадь Генделя. К 7 часам на bus'e к "девам". На вновь присланном им "Стейнвее" поиграл Mozart'a, пока они переодевались. Обедал с ними. Потом с ними в театр Edouard VII. Сидели в первом ряду у самого оркестра, не отделенного от публики, так что виолончелистка чуть ли не задевала Ирину своим смычком.

1 Так в тексте. Очевидно, французская транслитерация распространенной английской фамилии Queensbarry.
2 Девами Сомов называл дочерей Сергея Рахманинова — Ирину и Татьяну.
3 Младенец (франц.). Речь идет о дочери Ирины Волконской (Рахманиновой) Софье.
4 Речь идет о второй жене Юлия Конюса — Марии.
5 Речь идет о пианистке, писательнице Ольге Хрептович-Бутеневой.
6 Так в тексте. Возможно, речь идет о хорале Es stehn vor Gottes Throne.
7 Также встречается написание "Полак".

Mozart Саши Гитри, comédie musicale[1]. Муз<ыка> написана очень пикантно R<eynaldo> Hahn'ом. Mozart – Yvonne Printemps, Grimm – Sacha Guitry, G. Levallois [в роли] mme d'Epinay. Пьеса легкая – довольно пошлая, но смотрелась легко. Printemps недурна фигурой, детскими улыбками и музыкальным пением; хороша Леваллуа; Гитри чем-то в лице напоминает [своего] отца, но все скверно у него, а тот был красавец. Играет неинтересно. Какая разница с американскими актерами и насколько они лучше сами и весь тон их! Mozart изображен здесь chérubin'ом[2]. Посадив дев (они скупы, не хотели взять дорогого taxi и мы долго шлепали по грязи) на bus, пошел к Веберу выпить кофе и там встретил Вл. Ос., с которым вернулся домой по métro.

6 <января>, среда

Встал в 8. Вымыл себе голову горячей водой. Сделал пакет из портретов. (Да: вчера комбинация с Нобелем не удалась; он просил продать Г<иршма>на "Спящую", которую он [Нобель] купил у mme Landau и кот<орую> не хочет держать у себя из-за ребенка, а я предложил Г<иршма>ну ее для меня выменять на одну из четырех вещей, кот<орые> я дал ему показ<ать>. Они Нобелю не понравились). Потом пел Генделя. Заходил к Леону взять второй том Lucien Leuwen, застал там Иду Исидоровну, но она не успела в меня вцепиться, я сейчас же ушел.

Повез Р.Г. Берлин три св<оих> портрета и одну картину; завтракал у нее один, мужа не было. После завтрака развесил картины. Я сидел у нее довольно долго. Заходил в магазин – там была и Р.Гр. с mme Коган, с неприличным выражением лица женщины за 40. Она выбирала себе фальшивые нитки жемчуга. Домой. Усталый, к 8 ч. к Самойленкам. У них теперь живет Тамара, сестра, со св<оей> 20-л<етней> падчерицей Милей, черной и смуглой. Она – модель у Ворта. Был холодный обед с шампанским и вином. Весь вечер было весело и забавно. Тамара и Фатьма были в ударе. Сговорились встречать наш Новый год вместе[3]. Домой, как и туда, пешком.

7 <января>, четверг

Утром получил пересл<анные> из Grandvilliers письма от Анюты, Димы, Бархана и Фатьмы. Пошел к Бархану, посидел с ним в номере, а потом в café du Dôme. Подписался на полгода [на] L'Art Vivant[4]. Заходил к Шевичу по делам Мифа, но не застал его дома. Завтракал дома. К сожалению, была Ида. После завтрака часа в 3 поехал на Pigalle к А.Е. Яковлеву, с кот<орым> сговорился вчера по телефону. Он мало с 17-го года изменился. Показывал свои африканские этюды, и рисунки, и большую картину, изобр<ажающую> участников

1 *Музыкальная комедия (франц.).*
2 *Здесь: ангелочком (франц.).*
3 *Речь идет о "старом" Новом годе – Новом годе по юлианскому календарю.*
4 *Французский журнал, посвященный искусству*

экспедиции от Citroën'a[1]. Художник он остался тот же – виртуоз без живописи, без души, внешний. Эти его афр<иканские> этюды – скорее этнографические. Картины скомпанованы недурно, но без солнца, без красок. Он меня отвел к Шухаевым по соседству. И там сидел я больше часу, болтая, рассказывал об американской нашей выставке. Пили чай, у него я видел незаконченный портрет L. Vogel'я во фраке и цилиндре, лицо очень похоже. Жена Шухаева мне понравилась больше чем когда я встр<етил> ее в Петербурге.

От них я проехал к Рахманиновым. Обед с Шуваловыми Сандрой и Сеттой (мать и дочь). После обеда пришла Ольга Ш<увалова>, друг<ая> дочь Сандры, довольно привлекательная на вид и очень молоденькая. Разговоры не очень интересные и вечер я проскучал, хотя делал всевозможные frais[2], чтобы помочь девам занимать этих гостей. После ухода Шуваловых, из-за того что я отказался прийти в субботу на обед будто для меня специально устроенный, с тремя мужчинами (я не обещал, Ирина [говорит], будто да), она на меня страшно разозлилась, даже не дала мне опустить письма. Я просто кривлялся или думал пойти к Lyon'у и Raoul'ю. Но ночью раздумал и решил написать Ирине, что буду. Дома застал на диване в моей комнате сидящих рядышком Генриэтту и Каминского, рассматрив<ающих> Stammbuch[3] Генриэтты, сидели [на] диване еще долго.

Заснуть я не мог до 4 часов.

8 янв<аря>, пятница

Ходил на почту перевести деньги Мефодию, собранные с его клиентов – Генр., Розы и Танечки. Ирине – carte pneumatique на франц<узском> языке, чуть-чуть колкое и веселое. Домой. Пел Генделя – чудесные вещи – написал комическое письмо Фатьме. Записывал в эту тетрадь. Решил остаться в Париже до нашего Нового года, хотя здесь я даром болтаюсь, но, м<ожет> б<ыть>, выяснится что-то относительно заказов через Розу и mme Апостол.

Написал Анюте длиннейшее письмо. После завтрака дома ([неразб.] у Гиршманов) пошел к З-м в музей André Jacquemart; был там всего час до закрытия, было темно, плохо видно. Обошел его мельком. В нем чудные вещи; купил ил<люстрированный> каталог и открытки.

Заходил в лавку Г<иршманов>. С Генриэттой домой на taxi. Спал немного в темноте. После обеда с Генр. в театр Atelier, с нами встретился там Каминский. Там "La femme silencieuse" Ben Jonson'a. Очень веселая, остроумная пьеса. Среднее между Мольером и шекспировскими комедиями. Играли недурно. Dullin – Morose'a, лакей, сама Молчаливая (переод<етый> мужчина). Постановка лубочно-балаганная – недурна. Потом втроем в ближнем кафе на

1 Речь идет о "Черном круизе" — проходившей в 1924—1925 гг. автомобильной экспедиции компании *Citroën по французским владениям в северной Африке. Вся Европа – в первую очередь, Франция – с большим интересом следила за событиями "Черного круиза". Яковлев был художником экспедиции.*

2 *Усилия (франц.).*

3 *Книга для памятных записей или, в другом значении, генеалогическое древо (нем.).*

Montmartre'e часа два болтали. Разбирали Генриэтту и говорили о любви. С. Влад. или ярится на Генр., или же валяет дурака.

9 янв<аря>, суббота

Проспал. Едва успел одеться и вымыться, чтобы не опоздать к Розе, которой до половины 11-го надо было привезти мои две картины. Да: еще заходил Шевич по делам Мефодия. Взял taxi. Поговорил с Розой немного. Пешком домой. После завтрака дома (пришла Катер<ина> Берл<ин>, я ее видел в первый раз после ее болезни), пошел на ту сторону[1]. Был в лавочке и оттуда водил Генр., Катерину и Люсю (Елиз<авету> Матв<еевну>) Леон[2] к Jadure'e угостить кофе и т.д. Оттуда пешком к обеду Рахманиновых. Там Ливены[3] и довольно симпатичный молодой Безобразов (Георг<ий> Влад<имирович>). За обедом говорили об искусстве и Ливены выказали свое невежество, оба. Безобр<азов> молчал. Обед очень вкусный. После обеда играли в petit jeu, Lange Hose и в игру, где каждый по очереди называл себя как<им>-ниб<удь> предметом и уходил. Глупо и скучно. Вскоре трое ушли, и я остался один. Девы начали объяснение по поводу обеда их, и того что я будто бы им обещал и забыл, и назначил другой. Я оправдывался. И вдруг Ирина сказала с довольной и гадкой улыбкой: "Вы все-таки должны сознаться, что были невоспитанны". Я дико разозлился и наговорил ей неприятных слов, что она девочка передо мной, бестактна, не понимает как она груба и т. п. Она оправдывалась, начинала плакать, Танечка – тоже, я был непреклонен, говорил много и нескладно от волнения. Сказал, что не буду у них бывать. Наконец, встал и простился холодно с Ириной. Она вскочила, прижала мою руку к сердцу и ради отца умоляла меня не сердиться. Я сказал, что не могу ей теперь ничего сказать. Танечка выводила собаку, и мы долго на улице с ней говорили. Она упрекала меня, я объяснял ей. Простились, ничего не решив. Я же решил больше к ним не ходить.

Приехал домой раздраженный, усталый после нелепого скандала – мне жаль, Танечка и Ирина провалились для меня в пропасть, откуда мне ее нет интереса вытаскивать. Плохо даже спал часть ночи.

10 янв<аря>, <воскресенье>

Встал поздно. С головной болью. После завтрака дома пошел на rue de Varenne в музей Rodin'a. Чудесный hotel, бывший Hot<el> de Biron. Кроме мужских бюстов и нек<оторых> этюдов скульптурных он мне не нравится. Его туманно вылезающие из глыб камня фигуры слащаво бесформенны и не эротичны, как он ни старается изобразить любовь и страсть. Две-три простые статуи хороши. Часть музея в капелле. При hotel'e большой запущенный сад с об-

1 Имеется в виду другая сторона Сены.

2 Любопытно то, что во всех известных нам источниках нет никаких указаний на настоящее имя Люси Леон. Очевидно, она переменила его после отъезда из России, подобно своему мужу Павлу Леопольдовичу (Полю, Полу) Леону. Кажущееся несоответствие имен (Елизавета/ Люси) может смутить только тех, кто не знаком с развитой в дореволюционной России культурой домашних имен.

3 Исходя из текста дневника, Петр Ливен мог быть у Рахманиновых либо со своей женой Еленой, либо с сестрой Марией Конюс.

ломками античных статуй. Мне понравились его некотор<ые> ранние этюды масл<яными> красками, портрет, натурщики.

Домой. Гости Генриэттины воскресные. Проходной двор. Карышева-Болтовская – как идиотка, какая она и есть. Германова и Марианна Зернекау, Б.Э. Нольде. Тетка Евг<ении> Исидор<овны>, вроде Иды, но поскромнее, ее сын П. Гинзбург, Вассерман, Мандельштам, Берта Ефимовна Попова (кот<орая>, по словам В.О., хочет заказать мне каранд<ашный> портрет) и много других – человек 30. Обедали поздно. После обеда пришли Каминский и Ромм с нотами. Каминский спел одну вещь, [а потом] отказался из-за больного горла. Пел один я и не так уж плохо. Две новые арии Генделя, его же много старых, мне знакомых. После чая с вином я спел Шуберта: Lachen und Weinen, Aufenthalt, Du bist die Ruh, Erstarrung, Doppelgänger, Am Meer, Sollend nicht. С Роммом мы перебирали старинные времена: итальянскую оперу, Maria Durand, Salvy, Valeria Repetto[1] и т.д. Он все помнит – энтузиаст музыки. Весь день болела голова и был под впечатлением ссоры с Рахманиновыми [более пяти строк испорчено].

В эту же ночь видел во сне Анюту, в ванне, мертвую или умирающую, белую совершенно.

11 янв<аря>, понед<ельник>

Встал около 9-ти. Ходил на почту отправлять деньги Мефодию. Играл Генделя – арии из двух новых тетрадей.

К 12 поехал – опять день чудесн<ый>, сухой, солнечный – на ave<nue> Henri Martin – к Вассерману, пригл<ашавшему> меня сняться. Снял меня в трех позах. Потом завтракал у них (его жена, племянница В<ладимира> Осиповича), вкусно. В 3 часа ушел я в лавочку. Там дамы: Тамара Ханум, Quinsboury, Коган. Я потом в магазин Попова. Жена его показывала чудесные вещи: фарфор, табакерки и toys[2] (головка в маске, boîte à mouch[3] Chelsea-Battersea). Группу "Черный кринолин" Кендлера, чудесную фигуру Buen Retiro – воин-калека, очень редкая вещь. В кафе Вебера пил кофе на воздухе. Домой – долго разбирал арии Генделя. К обеду купил франкф<уртские> сосиски и фунт Port-salut.

После обеда отдыхал с Генр. на диване. Потом поехал к Аргутинскому: у него Vaudoyer, Giraudoux, Dethomas и антиквар с Élysées. Разговоры о картинах. Неожиданно пришел вернувшийся из Берлина Валечка. Скоро французы ушли, а мы втроем сидели еще до 12-ти. Аргутинский хочет мне заказать свой портрет карандашами. Я согласился, и он хочет в феврале. С Валечкой вышли вместе [две строки испорчено]. (Роза говорила Генр., что пока еще ничего не выяснилось, что будто французу очень понравились мои картины и, в особ<енности>, "Пастораль" и Володин портрет). Домой пешком и в постели записывал в эту тетрадь. Завтра Генр. уезжает на неделю в Лондон.

1 Вероятно, Сомов запамятовал имя одной из звезд петербургской Итальянской оперы — Evlira, а не Valeria Repetto.

2 Здесь: безделушки (англ.).

3 Мушечница (франц.).

12 янв<аря>, вторник

Утром ходил проститься и нежно расцеловался с уезж<ающей> в Лондон Генриэттой. К доктору Béal'ю: утром соскочила facette'a[1] с коренного зуба. Записался. В лавочку; еще раз видел Генриэтту. Домой. Пел. Завтракала Катерина, потом вдвоем болтали. Она, глупая, спрашивала [у] меня совета, как найти содержателя и как с ним обращаться. Она и наивна, и глупа. На минуту заходил ее муж. После их ухода пел, гл<авным> обр<азом> Генделя. Пешком пошел в лавочку. Звонил Розе Б<ерлин>, потом к доктору. Его ассистент чрезв<ычайно> любезно меня принял и в 15 м. не беря денег поправил зуб. Домой пешком. Лежал. Пришла из деревни индюшка – мой подарок. За обедом В.О. напоил меня через меру бургундским, кот<орое> я ему преподнес. Лежал под пальто – сег<одня> холодно и ветер. День – около 11 вышел, в кафе des Deux Magots пил кофе, написал Мифу письмо (второе сегодня и прочел фельетон) Jaloux в "Nouv<elles> litt<éraires>" об Estaunié и Bélière'e[2]. Домой к 12-ти и спать.

13 янв<аря>, среда

Мороз, ветер. Ходил в лавочку. Оттуда звонил Розе Б<ерлин>. Был очень огорчен, что билеты на Mr de Beaucaire[3] на сегодня. Позвонил Бор<ису> Ник<олаевичу> С<амойленко> и попросил позв<олить> заехать. На taxi к ним. Ему и Тамаре объяснил в чем дело. Сначала угов<орили> меня все же приехать обедать, а к потом, к моей радости, отложили обед на завтра. Я вызвался свезти письмо об этом Трубникову.

Домой, В.О. привел аргентинца-антикв<ара> из Баэнос-Айр<еса>[4] и, между прочим, показывал ему мои вещи. Аргентинец сказал, что я мог бы у них в Б<уэнос>-А<йресе> устроить свою выставку и продать, наверное, 1/3 вещей. Сказал, что еще поговорит со мной. Пел – перестанавливал верхние ноты по системе Lilli Lehmann. Не знаю еще, удается ли. В лавочку. Заходил к Поповой спросить сколько стоит раненый Buen Retiro – очень суггестивная[5] фарфоровая фигурка – 30 тыс<яч> fr! Встретил там Трубникова, очень мне обрадов<авшегося> и упрекавшего, что я его не отыскивал. Из-за перемены обеда он предложил мне, вместо себя, авантюру на завтра. Что-то очень хорошее. Я с радостью согласился. Домой. До обеда отдыхал. Переоделся. Ели мою индейку – вкусная, но тощая. В театре Marigny Роза уже ждала меня; сидели в партере первое действие, потом пришел mr Coulon, ходил с нами в антракте и перевел в свою ложу в бенуаре, очень удобную. В посл<еднем> антракте он нас повез в уборную mlle Denya нас познакомить. Она была любезна, называла меня "maitre Somoff"[6] и сказала, что мы увидимся. Он – [не-

1 *Facette (нем., франц.) – то же, что и винир.*

2 *Нам ничего не известно о персоналии с таким или близким именем. Возможно, Сомов неверно привел его.*

3 *Оперетта Анри Мессаже.*

4 *Так в тексте.*

5 *Здесь в знач. неприличный, навевающий мысли об эротике (франц.).*

6 *Маэстро Сомов (англ.).*

разб.] – не очень приятный господин, лет 40 блондин – был довольно любезен. Роза говорит, что все это de bon augure[1]. Mlle Denya очень красива и молода (27 – 30 л<ет>), голос некрасивый. Лицо – точно с картин Nattier и Latour'a. Оперетта Messager – очень скучна. Роскошно поставлена, плохо разыграна, не смешна. Mr de B<eaucaire> красивый, но толстый. Костюмы роскошны, но не стильны. Где надо смеяться совсем не смешно.

После театра с Розой у Fouquet[2] пили porto de Selfec [?] и кофе. Пили за новый ст<арый> год. Говорили по душам, я немного поплакался. Было с ней скучно, к тому же я устал ужасно. Посадил ее на taxi, [пошел] домой в холод и ветер пешком.

14 янв<аря>, четв<ерг>

С утра стал волноваться: предстоящая авантюра. Заходил Шевич, принес деньги нашим. [Шесть строк испорчено]. После – на бульв<ар> St. Germain поправить pince-nez, ждал за кофе у Deux Magot, пока он будет готов. Написал Мефу открытку. Потом дал ему телеграмму, что приду в воскресенье. Купил Моёт et Chandon extra sec для Самойленок и домой. Завтракал с одним Андрюшей и разгов<аривал> с ним о cinema. У камина в моей комнате записывал в эту тетрадь. Волнение не уменьшилось. Хочу отдохнуть, чтобы быть свежим. Холодно в комнате, лежал под пальто, сидел у камина, время едва двигалось. К 4 поехал в магазин. Поговорил с Серг. Влад. Звонил Апостолам и Розе Б. Зашел за Lionel'ем. С ним на pl<ace> de <la> Bourse [более восьми строк испорчено]. Оттуда домой, причесался, взял купленную бутылку extra dry Моёт et Chandon и пешком на avenue E. Deschanel, но стал падать сильно снег, сделалось скользко, и я взял taxi, боясь упасть и разбить шампанское.

У Самойленок кроме меня был только Трубников. Я сидел между Фатьмой и падчерицей Тамары, Милей, кот<орая>, несмотря на свой девичий вид, была четыре года замужем. Вкусный обед: turbot sauce mousse, viande piquée froide [?][3] с желеем, мандарины и бананы. Красное Margot, шампанское. Трубников сразу напился. Говорил всякую чепуху, конечно, неприличную и по своей специальности. Язык у него прилипал к гортани, не очень приятный жанр.
Фатьма мне изъяснялась в любви дружбе. Разошлись после 12-ти. Я домой пешком. Спал отлично.

15 <января>, пятница

Париж под снегом. К 10 был у Бархана, он еще не встал, и мы сговорились с ним встретиться в в с<afé> du Dôme. Ждал его там, читал фельетон Jaloux о посл<еднем> романе Proust'a "Justine enlevée"[4]. Барх<ан> сообщал, что "Карнавал" мой из-за совр<еменного> костюма розовой дамы не подошел, предлагают сделать наклейку, просят XVIII век, и за это 125 д<олларов?> вместо 100.

1 *Хорошее предзнаменование (франц.).*
2 *Это знаменитое заведение до сих пор располагается на avenue des Champs-Elysées, 8.*
3 *Холодное мясо на шпажках [?] (франц.).*
4 *Разумеется, Сомов приводит здесь название фельетона, а не романа.*

Я предложил спешно сделать всю работу заново. В Dôme'e встретил Лиссима, кот<орый> вчера писал о моей америк<анской> посылке (Opera Italiana)[1] – все обошлось и [неразб.] (?) я получу. Оттуда домой завтракать с Катериной Г. и Андрюшей. На métro и в bistro на углу rue Richepanse[2] и Duphot к Фатьме, с кот<орой> поболтал 15 минут.

Купил себе за 29 ф. серый теплый жилет. В лавочку: телефонировал Apostol'y и уговорился с ним, что показ моих картин, кот<орые> завтра перевезу к ним, будет без меня. И я могу уехать уже [в] воскресенье. Звонил Розе, но ее не было дома. Разменял 35 д<олларов> – 928 ф. 55 с. Пешком домой, по дороге купил кофе у Corcelles'я и заходил в Palais Royal сад, где красиво все покрыто снегом. Купил у Sennelier blanc de titane[3] Диме и домой, рассматривал номер Kunst und Kunstler, в котором помещены портреты Елены и Пати и за маленькой заметкой обо мне; номер этот дал мне Бархан. Сидел у камина. От Валечки petit bleu – обедать вместе завтра. [Три строки испорчено]. Спел всю тетрадь генделевских арий, переставлял верхние ноты – кажется, что-то выходит, меньше усталости. После обеда написал длинное письмо Анюте. В 10 пошел в café des Deux Magot. Пил кофе и читал Nouvelles littéraires. Прочел, что кончил самоубийством Paul Cassirer (ему было 55 л<ет>), с которым я был когда-то в переписке деловой по поводу моей выставки у него в 1903 г.

16 янв<аря>, субб<ота>

Снег мокрый, грязь, темно. Письмо от Мифа с приложением письма Ирины Серг. Очень нелюбезное. После ее последних слов, [сказанных] когда я уходил, я мог бы вернуться; после этого письма – нет. Неисправимый я дурак! Не надо было говорить ей тех грубостей и так много их. Надо было сказать два-три холодных слова и уйти. Теперь же все испорчено. Не знаю, отвечать ли мне или оставить без ответа.

Я собирался до этого письма написать Танечке несколько любезных слов перед отъездом. Какой я неумелый, глупый! Заходил Шевич принести деньги Мефодия; поехал к 11 к Розе, у которой взял картины и перенес их в кв<артиру> Апостолов на той же улице (№119). Апостол принял меня чрезв<ычайно> любезно. Мы говорили о книгах, он их собирает и кое-какие показывал. Потом я пошел к Розе завтракать с Куприным (Алекс. Ив.). Я его не видал лет пятнадцать. Говорили о литературе, о творчестве, о Париже. Куприн не напился[4]. Около 4 меня Роза и ее муж подвезли до лавочки Г<иршма>на. Там я простился с Каминским, был там и Ромм. Дома нашел petit bleu от Бархана, поехал к нему за "Карнавалом". Не застал дома. Опять домой. К 7½ на rue Pasquier к Валечке. У него Трубников. Долго болтали, Тр. расск<азал> в комич<еском>

1 *Сомов посылал эту свою работу на выставку в Соединенные Штаты.*
2 *Теперь эта улица называется rue du Chevalier de Saint George.*
3 *Титановые белила (франц.).*
4 *Сомов намекает на широко обсуждавшуюся алкогольную зависимость Куприна.*

виде как его написала Зина, сначала une jeunette, потом вышло une violette[1]. Втроем пошли обедать к Бернарду. Вкусно пообедали. Много пили вина. Трубн. все время болтал. Задевал Albert'a (garcon'a). Вышли поздно из рест<орана> и около Madaleine'a встретили Alex. Andréo. Он вышел в антр<акт> из "Олимпии". Лионель скоро отстал из-за мордальона en casquette[2]. Мы с Валечкой – в café de la Paix. Из театра пришел A. Andréo. Болтали, я расск<азал> про Raymonde'y. В соседней зале был какой-то скандал. Расставшись с Валечкой, я пригласил A.A. на rue Boissy d'Anglas, и около часу мы были в Salace'e[3]. Т.е. один я. She is not capable[4]. К 2 ч<асам> ночи дома, пешком. Написал корот<кую> записку Танечке – пожелание счаст<ливого> пути в Дрезден.

17 янв<аря> 1926, воскресенье

Встал рано и сейчас же пошел пешком к Бархану. Получил от него обратно "Карнавал"[5]. Падает снег. В 12.12 я уехал, на станцию приходил Шевич с деньгами для Мифа. Ехал один в купе, было холодно, читал La Passion De Vincent Vingeame, купленную на станции – [роман] Marc Elder'a. Весь пейзаж в снегу. Михаил приехал за мной. Мифу я очень обрадовался и он, кажется, тоже. Письма от Анюты, Жени и Елены Сомовых. И от Жени неприятная телеграмма: Wardwell, которого sues[6] Гришковский[7], просит себя заменить мною, а я должен назначить адвоката вместо себя. Есть слово "Дубровский" и короткое the?, что делает телеграмму неясной. После обеда разбирал свои вещи. Рассматривал присланные Женей Book reviews и читал роман Elder'a. После ужина написал Жене письмо, в котором объяснил, почему не отвечаю ему телеграммой же. Написал еще короткий ответ Ирине Сергеевне. Спать лег в 12. Кровать – из-за стены около нее – сырая. Болят почки. Спал отлично.

1 Игра слов – франц. jeunette (девушка) и violette (фиалка). Под "девичьим" портретом подразумевается особый жанр женских портретов Серебряковой, характерным примером которого может служить ее знаменитый автопортрет 1909 года. Так же и Трубников изображен в окружении символизирующих его профессию разных старинных безделиц, но вид при этом имеет самый двусмысленный. Не имея возможности хотя бы и вкратце рассказать о символике фиалок и фиолетового в искусстве Сомова, укажем на символическое значение фиолетового для гомосексуальной культуры вообще. В конце XIX – начале XX в. фиалка является одним из самых распространенных символов однополого эроса – возможно, благодаря поэзии Сапфо или даже из-за самого внешнего вида этих цветов. Согласно этим представлениям, приписываемая гомосексуалам слабость, вялость и изнеженность вполне сочеталась со слабым стебельком и склоненным к земле цветком фиалки. Таким образом, вместо того, чтобы показать профессиональную принадлежность Трубникова, Серебрякова продемонстрировала его гомосексуальность.

2 В картузе (франц.).

3 Здесь не очень ясно, имеется ли в виду заведение под названием "Salace" (похотливый, франц.) или состояние в котором пребывал автор дневника.

4 Она не смогла (англ.).

5 Бархан от имени Сомова предлагал его работы различным журналам для репродуцирования.

6 На которого подает в суд (франц.).

7 Речь идет о Выставке русских художников в Америке, точнее о смене ее администрации и отстранению от дел русских эмигрантов, сделавших многое для того, чтобы выставка состоялась. К числу последних относились Е. Сомов и Н. Гришковский.

18 янв<аря>, понедельник

Зимний холодный, ясный день. После кофе молодые уехали на базар в Verneuil. Наклеивал бумагу на доску, она долго не сохла, и потому не начал работать (вновь "Карнавал", все фигуры XVIII века по желанию Die Dame). Читал La Passion De Vincent Vingeame. Кончил после обеда. Начало хорошо только. La maison du pas périlleux того же автора, Marc Elder'a, гораздо лучше. Болят почки, или простудил их, или последствие вина, которое я пил каждый день в Париже.

19 янв<аря>, вторник

Красивый, солнечный, душистый день. Снег тает. Начал новый "Карнавал". Прокалькировал, изменил кое-что, гл<авным> обр<азом> костюмы и прорисовал рис<унок> кистью секлей. Кончил при свете лампы в 7 часов. Читал газету.

Вечером писал для Мифа письмо Ben Read'y, вернувшемуся в П<ариж> из Италии и уезжающему в Америку на днях. Письмо от Кралина, сообщающего, что Мифа нет здесь, что он в Honfleur'e: Миф не хочет ни ехать в Париж, ни приглашать сюда Бена. Почки все болят – [больше трех строк испорчено].

20 янв<аря>, среда

Начал красить с 9-ти до полов<ины> 5-го. Потом Michel переставлял мне печку, поставил столбик, более греющий. Я лежал, отдыхал под тюфяком. Ворвалась, даже в мою комнату, mme Petit с детворой и с унынием рассказала о найденном убийце 20-летней идиотки в Maranville, что убийца – молодой сын maréchal'я, от которого она забеременела. Вечером читал Lucien Leuwen'a вторую часть. Зима, снег.

21-го янв<аря>, четв<ерг>

Опять красил до половины 5-го. Спал. Читал Lucien Leuwen'a.

Апостол прислал мне роман Le Livre de Goha, напис<анный> на фр<анцузском> двумя египетскими авторами[1]: не евреями ли, т.к. он этот роман рекламирует? Вечером прочел статью о соборе Chartes'a из L'Art Vivant. Ругался с Мифом из-за глупой части его письма к Анюте, которую он переписал и переделал. Почки все болят еще.

23 янв<аря>, суббота

Работал до темноты. Вечером дочел вторую часть Lucien Leuwen'a – Paris. Она менее интересна, чем первая, слишком много политики, интриги по выборам. Но есть блестящие места: эпизод [с] mme Gradnet и ее объяснение Lucien'y. Написал вчера Анюте письмо. Получил от Ир. Серг. чрезвычайно любезный ответ на мое письмо. Приглашает к себе и – глупо! – хочет сделать для меня сырные палочки. Неуместно и несерьезно для примирения!

1 Роман "Le Livre de Goha Le Simple", написанный Albert Josipovici и Albert Adès, вышел в 1919 году.

24 янв<аря>, воскресенье

Чудный, солнечный, теплый день. Веет весной. Работал до 3½-го и кончил свою акварель. Она лучше оригинала, но все же я недоволен. Le baisse de plus en plus[1]. Завтра решил ехать в Париж свезти акв<арель> Бархану. После окончания работы немного был на воздухе. Потом собирал чемодан в Париж. После обеда брился.

25 янв<аря>, понед<ельник>

Встал после 6-ти, было еще темно. Напившись кофе, в 8 меня увезли на вокзал. Там я ждал час, читая Goha Le Simple. Интер<есный> роман из соврем<енной> египетской жизни (Каир). Но прославший его мне Апостол напрасно его превозносит как редчайший шедевр. Этого я не нахожу совсем. Дорога прошла незаметно, т.к. я читал его все время. Приехал к Г<иршма>нам за несколько минут до их возвращения из лавочки к завтраку. После него пошел к рамочнику Jacob'y на rue Vaugirard – дать первый "Карнавал" вставить, потом снес второй "Карнавал" Бархану, которого, к счастью, застал дома. Он мне вернул "Даму в красном на голубом диване": ни один журнал ее не захотел, и я это вполне понимаю – она очень слаба. Поехал к 4-м в лавочку. Удивлен был увидеть Д.П. Перцова в беседе с Генриэттой: он, оказывается, покинул Америку и едет пока в Германию, где его жена должна рожать. Поговорили втроем. Пришла Серебрякова, с ней сговорились на среду, потом Роза. С ней и Генр. пошли пить кофе к Веберу. Вл. Ос. потом показал мою "Даму в красном" Ассу для обмена на картину мою, на которой ему так не нравится лицо девушки. Он дал мою акварель показать жене. Будет дурак, если переменит хорошую вещь на дрянь. Поехали домой на taxi. Обедал у них Сер. Влад. Каминский, после обеда все разъехались, я остался один. Пел долго: Pierné, новую тетрадь Шуберта (выбор из 4 – 7 томов), среди его этих песней есть несколько все же прелестных и трогательных. Потом читал Goha Le Simple до п<оловины> 12-ти. Пришел домой В. Ос. и мы с ним говорили о Левицком, Боровиковском, Рослене. Поздно вернулась Генр. Супруги поругались немного из-за того что Вл. Ос. искал ее у Вебера, а она туда пришла после концерта Боровского, где она была – с кем я не знаю, наверное с С. Влад. Лег спать и спал отлично. Но почки болят. Написал Трубникову предлож<ение> обедать вместе завтра. Wasserman прислал мне три мои фотогр<афии>, из кот<орых> одна превосходна. Генр. в Лондоне встретила Гью, упрекала его за меня, и он ей клялся, что писал мне много раз, разыскал мой адрес у Зинаиды Венгеровой, и что не забыл меня. Портрет Поповой, по-видимому, состоится.

26-го янв<аря>, вторник

Встал и вымыл голову горячей водой, выбрился. Поговорив с Генр., пошел к Бархану в café du Dôme. Там же была его знакомая, русская, довольно красивая, увядающая и вялая, какая-то художница. Поговорили о cinema, я передал Бархану фотографию с Opera Italiana, и, выпив кофе, мы разошлись. Домой, пел Шуберта хриплым голосом. Почки болят.

1 *Все хуже и хуже (франц.).*

После завтрака с Генр. поехал на rue Combon. Я пошел в магазин Поповых и переговорил с ними о портрете. Назначили мы для начала будущую среду вечером и они пригласили меня в этот день обедать. От них в магазин Г<иршма>на. Там у Генр. сидела скучнейшая Дебора, рассказывала про свой голос, свои успехи, предстоящий концерт в Гавре. В 4 ушел и поехал к Ирине Сер. Она приняла меня чрезвычайно любезно, о ссоре не было ни слова, болтали, сплетничали, потом она стала со мной откровенна, говорила о св<оем> муже, о том, что она его больше любила, чем все думали, что она его еще не зная видела во сне, потом себе нагадала, что он умрет, что она верит в мистику, в судьбу.

Я сидел у нее часа два. Потом к Трубникову и с ним к Валечке. Втроем обедали у Бернара. Было очень приятно, даже весело. Сидели долго. На бульварах Трубников стал охотиться и нас покинул, а мы с Валечкой еще поболтали, сидя на воздухе в кафе Viel'я – была совсем летняя погода. Вернулся к 12-ти, прочел несколько страниц из Goha Le Simple и собирался, как всегда, сейчас же заснуть. Но мысли о mlle Raymonde'e часа два меня волновали. Решил ей завтра написать.

27 янв<аря>, среда

Утром получил письмо от Мифа с вложением Жениного из NY. Объяснение его телеграммы. Гришковский оказался подлецом. Не знаю как мне быть, очень расстроился, т.к. не хочу substitué Wardwill'я и не знаю, делаю ли я это оставаясь джентльменом в глазах Жени и его. Написал Жене короткий ответ и petit bleu Раймонде. До завтрака немного пел. Потом к Розе Берлин завтракать. Eu deux[1]. 3 часа пришлось быть с ней и ее шармировать, что меня и утомило и [мне] было скучно.

Ждали mme Apostol, которая все не шла, она пришла только в 5-м часу. Поговорили с ней о пении и она позвала меня во вторник днем, к 6 часам, когда будут осмотрены мои картины. У нее будут Rouget[2], Petit с женой (русской, кот<орую> я встречал в Б<ерли>не у Венгеровых), mlle Denya. Надо проделать всю эту corvée[3]. От Розы на métro на rue Vaugirard к рамочнику Jacob'y за моей акварелью "Карнавал" (№1). Спал дома до обеда. Обедал с Гиршманами. К 9-ти поехал к Серебряковой. Был у нее один: ни Трубников, ни ее молодые люди не пришли. Д. Бушен на меня обижен. Видел портрет Ирины Серг., неплохой, Трубникова, Wand'ы Вейнер, Nono (garcon из рест<орана> Bernard'a). Шура показывал мне [неразб.] абажуры, кот<орые> он теперь делает для продажи. Виды Парижа.

Зина сплетничала, конечно. Просила меня ей позировать. В 11 ч. я ушел, Шура меня провожал до площади Clichy, где у меня в ресторане было назначено свидание с Генр. Она сидела в компании Розы Б., Каминского и Боровского.

1 Было два (франц.).

2 Как то часто бывает у Сомова, впоследствии он меняет написание имени собственного, поэтому далее mme Rouget далее фигурирует как mme Rouchet.

3 Повинность (франц.).

Вскоре пришел и В.О., чьему приходу Генр. не очень обрадовалась. Долго, до отупения сидели и упивались кофе (я – три порции). Говорил с Боровскими о музыке Бетховена и Моцарта. На taxi втроем домой. Не спал долго, слышал бой 4 часов. [Две строки испорчено]. Думаю, болят у меня не почки, а поясница. Из деревни пришла утка – мой подарок Г<иршма>нам.

28 янв<аря>, четверг

Встал разбитый, усталый в 8 часов. Не выходил до завтрака. Пел Hendel'я, и Шуберта, и Pierné. К завтраку пришла Катерина Берлин. Разговор: ее мечты о богатом содержателе. Когда она ушла, читал Goha Le Simple. [Более десяти строк испорчено]. К 7½ дома. Ужин. После ужина пошел телеф<онировать> на почту Самойленкам. Они дома. Поехал на taxi. Было очень мило. Кроме меня – никого. Тамара прочла неск<олько> юмор<истических> рассказов Тэффи – пошлых. Я много рассказывал о писателях, поэтах и поэтессах, которых знал: Гиппиус, Блоке, Иванове, Есенине, Соллогубе, Философове и т.д., зло и всех депикризуя[1]. Кроме Блока, которого им объяснил: рожденный поэт, полусумасшедший [?], неумный, но симпатичный. Пешком домой и зашел к Леонам, у кот<орых> играл в карты. Генриэтта и Вассерман. Я его благодарил за фотографии, а он сказал мне, будто устроил мне почти портрет – какой-то богатый русский за 25 тысяч. Выпив чаю, пошел с Гиршман домой. Дочел последнюю главу Goha. Книжка мне не понравилась. Спал отлично.

29 <января>, пятница

Получил письмо от Мифа, с поручениями. Пошел сейчас же в лавку к Шевичу, написал ему письмо, по дороге домой его встретил, идущего от меня.

Вернулись, он говорил о делах, с ним вышел, пили у bistro кофе, потом он даже мне купил машину до станции. Уехал в 12.12. По дороге читал Nouvelles littéraires о Гофмане. Письмо к mme de Levigné[2] Gérard d'Houville'я, довольно глупое, фельетон Edmon Jaloux о "Bella" Giraudoux и "Balzac" René Benjamin и т.д. Думал, что придется идти пешком, но за мной приехали оба, и Мифа, и Кралин. Был я ужасно усталый. После обеда лежал, спал. Письмо от Анюты: Варюша разводит гадкие и злостные сплетни про Диму в семье Степановых. Анюта не может ей высказать правду в глаза, чтобы не выдать Кристину. Длинное и глупое письмо и от самой Варюши. Получил мал<енькую> акв<арель> Th. de Thomma – внутренность храма с жертвоприношениями.

30 янв<аря>, суб<бота>

Весь день перебирал свои вещи, откладывал то, что мне надо взять в Париж. Еще письмо от Анюты, продолжение о Варюшкином гадком поступке. Написал Анюте письмо. Вечером полтора часа рисовал Михаила, стало немного лучше. Но все же не справился с рисунком.

1 *От франц. dépiécer – расчленять, раздроблять.*
2 *Вероятно, мадам Севиньи.*

31-го янв<аря>, воскрес<енье>

Встал в 8 ч. Чудесное, душистое утро. Будет солнечный день. Написал длинное письмо Елене-Жене. Прочел вступление к англ<ийскому> переводу "Одиссеи", кот<орый> начал читать еще на пароходе New Amsterdam. Разбирал свои вещи, выбирал бумагу, укладывал handbag[1]. Грустно уезжать, жаль Мефодия, у него две недели или больше не будет платы за мой пансион. Когда наступила темнота, час спал и видел во сне Анну Павлову (?), как будто я писал ее, но не помню наверное. [Строка испорчена]. Читал немного "Одиссею" по-английски. Вечером час рисовал Михаила. Все не идет. Поясница моя лучше эти дни. Это не почки, как я думал. Лег спать в 10.

1-е февраля, понед<ельник>

Встали после 6 часов. После кофе меня свезли в Tillieres. Где я ждал, покуда читал "Le livre de Monelle" Schwob'a. Прескверно. Дочел ее по дороге. Прямо к завтраку к Гиршманам. Поставил вопрос ребром: или платить мне [им], или я буду жить в отеле. После споров Геня, на том основании что не может жить без меня, согласилась. Я сам назначил 15 фр. за ложе и по 10 фр. за каждое repas[2], которое буду у них есть. После завтрака долго пел, Шуберта и Генделя, голос звучал недурно. Пошел на rue Vaugirard к Jacob'y отдать наклеить бумагу на овалы. Пешком туда и назад. Дома около часу спал, чувствовал поясницу и казалось, что жар. В 5 пошел в кафе на угол rue de Bourgogne, написал письмо Мифу о неудачном масле, посланном Гиршманам. Вечером решил с Генр. идти на конц<ерт> Боровского и в Salle du conservatoire слушать дирижера Honegger'a в баховской программе. Дома до обеда разобрал свои вещи и разложил их в плакар над своим ложем. После обеда за нами заехал Каминский и мы поехали в Salle du conservatoire на концерт Баха. Очень милый, очень старинный театр, двадцатых годов[3], таких мало осталось. Дирижировал Honegger (молодой, приземистый и пухлый брюнет). Маленький оркестр. Два бранденбургских концерта – №4 и первый. В №1 восхитительный menuet Palacca и trio. Да и все. Скрипачка Marty-Zipelius играла с орк<естром> Concerto en La Minor. С органом Chants spirituels №7, 20, 25, 34 и 39; Aupres de toi (восхитительно) и Chez protecteur (cantate nuptiale) в исполнении Gabrielle Gills, посредственном.

После концерта втроем в кафе. Долго сидели и говорили о любви, о Москве, о прошлом Генриэтты; была ли она mme Récamier в Москве – я доказывал, что и здесь нет. Дошли пешком до Madeleine'ы и взяли taxi. Из-за излишнего количества кофе (три стакана) ночью очень плохо спал, заснул, верно, под утро. Думал о Раймонде. Изнурительные мысли, как ни отгоняй их. Решил написать ей завтра же.

1 *Чемоданчик (англ.).*
2 *Прием пищи (франц.).*
3 *XIX века.*

2 февраля, <вторник>

Пасмурно, дождливо, как и вчера – вчера вечером на улице было почти даже душно. Утром не выходил, пел, писал письма Анюте (в виде дневника), Раймонде (Hugh)[1]. Завтракал дома. Читал, уже во второй раз, "Le baiser au XV siecle" Hervez'a[2]. После 5 уехал на собрание к Апостолам. Осмотр был без меня. Немного поговорил с mlle Denya и Coulon'ом, она сказала мне неск<олько> комплиментов про картины и портр<ет> Володи. Спрашивала, как ей писаться – не в парике ли белом и гриме. Но конкретного ничего ни она, ни он мне не сказали. Потом Апостол сказал мне, что считает дело в шляпе. Была Роза Берл., грустная и молчаливая, mme Rouchet, кот<орой>, мне сказали, мои вещи не понравились, т.к. она стоит за модерн. Сестра Маклакова, старая и ридикюльная[3] дева, mme Petit, рожа с выпученными глазами, я ее знал как Балаховскую в П<етербур>ге у сестер Венгеровых, ее племянница – молодая, вроде маленькой лягушки, какая-то толстая блондинка Борисова. И еще фр<анцузская> дама. Чай очень ornée[4]. Mme Petit обещала мне что-то устроить через польск<ого> посланника Laroche'a и Boni de Caltellano. Роза обещала потом подробно все рассказать. Я увез свои картины – было скучно и неуютно. Mlle Denya привлекательна и в нетеатральном костюме. К обеду опоздал, но мне его подали. Вечером читал Hervez'a о Henri II и III и в 10 ч. лег спать, страшно усталый от бессонницы прошлой ночи.

3 февр<аля>, среда

Спал отлично. Написал откр<ытое> письмо Валечке и был in two minds[5] опустить письмо Раймонде. Пошел к Бархану. Он ничего еще не получил из Германии, с ним пил кофе в café du Dôme. К завтраку была Катерина Берлин, мамаша их только заходила – кричала, расхваливала до небес мою акварель "Карнавал", висящую в "голубой" гостиной. Между прочим, Асс меняет пейзаж с голубой девицей на скверную акварель мою "Дама в красном на диване голубом". Ну и дурак же! После завтрака поговорил с Катериной о любви, любовниках и содержателях. Пришла опять Ида и рассказала, неистово крича, сюжет пьесы, в которой видела престарелую Cora Laparcerie. После завтрака пел Pierné. Скверно. С утра болит голова. Был дома. Под вечер к 6-ти пошел под проливным дождем на rue Vaugirard к Jacob'y. Овалы не готовы. Отдал обрамить "Даму в красном" для Асса. Вырезал из бумаги овал для наброска и поехал к Поповым, две пересадки. Приехал к 8-ми. Обед очень вкусный, со старинным красным бургундским. Обсуждали портрет. Она показала на себе и Ирине платья. Я выбрал белое простое с открытыми плечами. Уговорил ее позировать утром. Первый сеанс в пятницу. После обеда рассматривали его приобретения. Меня поразили 6 маленьких рисунков Зичи. Этюды к какой-то

1 *Последнее имя дано примечанием и заключено в рамку.*
2 *Очевидно, речь идет о книге Jean Hervez "Le Baiser, Mignons et Courtisanes au XVI Siècle".*
3 *От франц. ridicule – нелепый.*
4 *Здесь – вкусный (франц.).*
5 *В сомнении (англ.).*

царской охоте (врем<ен> Алекс<андра> II), рисованные фигуры с превосходно и подробно акварелированными головками. Изумительное искусство. Гаварни времени – особенно хорош толстый усатый бонвиван в меховой шапке и с лисьей муфтой. И блондин с неприятным и гордым выражением – не один ли из Люнебургских? Потом офицерский альбом Д. Лобанова-Ростовского – с портретами офицеров, сценами и карикатурами. Целая серия портретов Гау [неск. слов неразб.]. Прелестная миниатюра А. Брюллова (?) – дама, покрытая черной кружевной шалью. Уехал домой к 11. Заходил из-за ключа к соседям-Леонам, там играли в bridge Ида, В.О., Поль и его beau-père[1]. Выпив чашку чая ушел к себе. Читал introduction к journal de Stendhal[2].

4 февраля, четв<ерг>

Письма от Валечки с вложением письма Шервашидзе по поводу собрания мирискусников у Билибина на 6-е, от Мифа, с приложением длинного Еленина. От Раймонды ответа нет.

Развешивал свои картины в синей и малиновой комнатах. Ненадолго приходила Ида, хвалила мои портреты, конечно. Перед моим отдыхом пришел к Г<иршманам> завтракать Н. Милиоти, скучнейшая fade'ная[3] личность. Завтракал у Бернарда с Валечкой. Было очень уютно. Говорили о его музыке, о моем искусстве (я плакался), об Александре и Раймонде, ругали Аргутинского и другое разное. После решил зайти с ним в контору к Лиону. Застали его и сговорились вместе обедать. В лавочку. Жаль, от 4 до 5 она, как и все другие лавки на St. Honore была закрыта – стачка – протест против налогов. Заходила Роза Гр. Берлин. Я поехал к рамочнику Jacob'у за овалами. Домой – ответ от Раймонды, очень симпатично написанный. Отдохнув немного [отправился] к Валечке, туда же приехал N. Лион с Raul'ем. Повезли они нас обедать в brasserie Graff, что в Moulin Rouge'е. Отличный обед, борщок с сыром, l'gigot и сыр честер – кр<асное> вино и сухой Piper-Heidsiek. Разговор скучный, Лион сентиментальничал, а Рауль глупо вертелся и все одни и те же комплиментарные фразы. После обеда мы хотели домой, но они настояли, чтобы поехать в boîte'ку[4] Maurice'а тут же на Montmartre'е. Буатка типично-специфическая. Сам пухлый и dandin'ирующий[5] Морис, лакей Francois qui ne marche pas[6], музыканты в восточных костюмах, из них один одессит. Публика: старые бабы-рожи, кривляки несколько помоложе, тапетки и танты – некрасивые, накрашенные, в кольцах, танцевали изви-

1 *Тесть (франц.).*
2 *Введение к дневнику Стендаля (франц.).*
3 *Бесцветная (франц.).*
4 *Заведение (франц.).*
5 *От франц. dandin – простофиля, увалень.*
6 *Который [даже] не ходит (франц.).*

ваясь и жеманясь[1]. Старуха – верно, бывшая блядь – продавала фиалки, которыми нам украсили петлицы N. <Л>ион и Рауль. Опять заказали шампанское. К нам подходили и болтали Морос, Франсуа, русс<кий> музыкант и противная тапетка. Валечка ругался и отплевывался, мне было скорее забавно. Ушли около 12-ти и нас развезли по домам Лион и Рауль. Все это нам в угощение, да еще пригласили на блины на субботу.

5 февраля, пятница

Спал хорошо. К 10 поехал к Поповой. День чудесный, солнечный, даже слишком теплый. Устанавливали позу и я рисовал ее 2 часа. Пока ничего не вышло и уже в панике. К часу к Pitts'ам на завтрак. Генриэтта и кн<яжна> Шаховская, молодая, красивая и любезная. Завтрак не очень изысканный. Потом пришли mr Riviere, жених Шаховской, и Masson с женой – племянницей Pitts'a, говорящей по-русски. Кн<яжна> Шаховская обещала мне что-ниб<удь> устроить в смысле иллюст<рирования> в Revue francaise или в друг<ом> издательстве и пригласила принести Le livre de la Marquise. Питтсы купили небольшую бронзу Rinascimento[2], двух лошадей, из кот<орых> одна брыкается – совершенно как мой рисунок Tempest'a[3]. В 3 без четверти уехал с пересадками к Porte de Clignancourt. [12 строк испорчено]. Домой, но раньше в кафе на rue de Bourgogne, где написал письмо Мифу – открытку. Дома лежал в темноте. Вернувшийся Г<ирш>ман сообщил, что Нобель переменил мне "Спящую" (что принадлежала Ландау) на "Карнавал" №1. Я очень обрадовался – таким образом ко мне вернулась одна из моих лучших вещей. Заходил Саблин – тот, что был в Гвард<ейском> экипаже. Его осуждали и некоторые даже не подавали руки из-за того что он покинул царск<ую> семью сейчас же по ее отречении, но Генр. говорит, тут была романтическая причина – он был влюблен в его тепер<ешнюю> жену, и он бы ее потерял, не мог бы развестись и жениться. Он работает, ничем не гнушается – даже маляр – на вид славный и простой. Жена его арфистка. Обедал дома. После него маленькая Катя подробно рассказала по-франц<узски> содержание пьесы Fr<ançois> <de> Curel "La Viveuse et le Moribond". Заходила Люси (Леон). Потом, по приглашению Генр., я под ее скверный аккомпанемент пел Pierné, Schubert'a, Haendel'я и старых итальянцев. Лег спать в 11.

1 Тапетки — феминные геи. Относительно тант Дан Хили в своем исследовании "Гомосексуальное влечение в революционной России" сообщает следующее: "Применительно к мужчинам термин "тетки" широко циркулировал в субкультурной среде, так и просто в различных слоях общества. Он был частично заимствованным. Во Франции середины XIX века мужчин-проституток называли "tante" ("тетка"), а к концу столетия это слово появилось в печати и служило уже для обозначения всех гомосексуалов". (Хили, Д. Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства. М., 2008. С. 57). В различных русских источниках "тетки" выступают как клиенты мужчин – продавцов секса.

2 Эпохи Возрождения (итал.).

3 История искусства знает несколько художников с таким или схожим именем; например, речь может идти об Antonio Tempesta (1555-1630).

6 февр<аля>, суббота

Утром Г<ирш>ман сообщил мне следующее: вчера к ним в лавку заезжал сконфуженный и огорченный Б.Н. Апостол, он сказал, что Coulon и Denya предложили мне такое условие – если портрет не понравится, они его не примут. Апостол за меня отказался. А я, если даже они теперь и закажут его без этих условий, не соглашусь писать ее вовсе. Миф переслал мне вторую телеграмму Жени о том, чтобы я дал authorization[1] заменить мной Wardwell'я. К 9½ на сеанс. Берта Ефимовна слишком много болтала. А я работал прескверно. Дал Жене телеграмму: "I authorise engage lawyer"[2]. Завтрак дома. Написал Жене письмо. Вернулась Генр. и я с ней в лавочку, оттуда телефонировал Апостолу, но говорил с его женой: успокаивал через нее его, просил не огорчаться срыву портрета. Генр. сообщила мне, что хочет рисоваться mme Petit и, кажется, приготовила 5 т<ысяч> – свой mahong'ный[3] выигрыш. Пришла Солдатенкова, пригласила меня на чай в буд<ущую> среду. Тоже говорила Генр. о каранд<ашном> портрете. Эти два гораздо приятнее того – mlle Denya.

Пешком домой, взял из чистки вещи Мефодия и дома пел старых итальянцев. Вернулся В.О., немного плакался из-за своих клиентов. Пришел Вл<адимир> Лаз<аревич> Поляков, при них я записывал в тетрадь эту. Перед моим уходом на минуту заходил Кралин, он привез мне письмо от Анюты, в котором она пишет, что Дима женится на Женечке Степановой. К 8-ми поехал на rue de Crimée к Лиону, пригл<асившему> нас с Валечкой к себе на блины. Я приехал и узнал, что Лион весь день был болен печенью и обеда не приготовил. Дал мне выпить вермута, я сейчас же чуть-чуть развеселился, и, вызванный Валечкой на рассказ, комично по-французски рассказал во всех подробностях вчерашнее посещение Раймонды, omittance[4], конечно, certain details[5]. Они смеялись, в особенности Рауль. Поехали все вчетвером обедать к Graff'у. Обед был вкусный, с закусками, с vin rose d'Anjou. Я ел sole frite[6]. Lion и Рауль были в ссоре и дулись друг на друга. Лион его обрывал, когда он пытался что-нибудь заказывать. Это был наш revanch'ный[7] обед (по 50 фр. заплатили я и Вал.). Во время обеда говорили о фр<анцузском> театре в П<етербур>ге в старину. Было скучно, потому что чувствовалась драма между ними. Из ресторана я шел с Раулем, а Валечка вдали с Лионом. Когда мы с Валечкой спустились в métro, он рассказал, что Рауль страшный бессердечный мерзавец, разоряет и эксплуатирует Lion'a, что тот умоляет его, Л<ио>на, покинуть, но [сам] не имеет силы с ним расстаться, т. к. любит его. А тот имеет пьяницу-мать, которая тянет тоже деньги с Лиона. А он, Lion, спас его, вытащил из трущоб. Дома прочел главу из "Louis XIV" Louis Bertrand'a.

1 Разрешение (англ.).
2 Я разрешаю привлечь адвоката (англ.).
3 Вероятно, имеется в виду mahjong – маджонг, азартная игра китайского происхождения, весьма популярная в середине 20-х гг.
4 Здесь – за исключением (англ.).
5 Определенных подробностей (англ.).
6 Жареный морской язык (франц.).
7 Здесь – ответный (франц.).

7 февр<аля>, воскр<есенье>

К 11 поехал к Поповым на сеанс. Рисов<ал> два часа, дама неистово болтала и вертелась, а у меня работа все не ладилась, начал немного акварелировать. Завтракал у них. Разговаривали о вещах и антикварстве. Имение Попов наше не собирается покупать нисколько. Но поехать туда хочет. Уехал от них после 3-х. Дома к 4-м. Jour fixe Генриэтты. Народу не очень много. Дура Дебора, Женя Патон, старая Берлин, Вассерманы, Сорин, с кот<орым> я почти не говорил, Саблина, горбатая и хромая Терещенко. Неинтересный день. После их ухода разбирал псалмы Баха и его очаровательную светскую песню Aupres de toi (по-немецки). Спел ее три раза и выучил. После обеда еще разбирал Баха, потом писал письма Анюте и Димушке, поздравления, и переписал письмо к Гью. Днем написал записку Раймонде, захотелось ее видеть до пятницы. Ночью опять мечтал о ней и о Grand Opera.

8 февр<аля>, понед<ельник>

Встал около 8-ми. Без четверти 10 был на сеансе. Солнце и тепло, совсем весна. Рисовал кистью аквар<ельными> краск<ами>. В отчаянии что так медленно и скверно. Дама без умолку болтает и мешает мне этим. На каждом сеансе чистит мне апельсин. Доехал назад до avenue des Ch. Elysées и пешком прошелся по ней; заходил в сад Tuileries на террасу. К часу в лавку за Каминским и с ним вместе завтракать к Бернарду. Там был Валечка, он он уходил и сказал нам несколько слов. С Каминск<им> говорили очень уютно, главн<ым> обр<азом> о Генриэтте, ее салоне в Москве (его не было!), о Гиршмане, о Серове. Потом я пошел в банк получать пересл<анный> мне из Германии гонорар за воспроизв<едения> в Sport und Bild моего "Фейерверка" – 20 Reichsm<arken> – 1270 фр. Домой. Спел две вещи Баха. Поехал на rue Cardinet к Волконской. Сидел у нее часа полтора, пил чай. Разговор клеился, но не был мне интересен; все то же – о туалетах, сплетни ее круга, впечатление от Зины и т.п. К 7½ домой, заходила Солдатенкова с премилой белой собачкой за советом у Гиршманов. После обеда написал откр<ытое> письмо Мифу, потом весь вечер читал "Louis XIV" L. Bertrand'a, кончил первый отдел и прочел два интер<есных> appendice'a[1] о докторах L<ouis> XIV и о легитимации его батаров[2].

Ответа от Раймонды еще нет. М<ожет> б<ыть>, ей помешает ее маленький furoncle [3] на шее. Из-за портрета Поповой несчастлив. А Генр. сегод<ня> сказала, что Pitts теперь уже хочет заказать мне портрет масляный, т. к. ее муж хочет сверх ее шесть т<ысяч> прибавить своих денег.

9 февр<аля>, вторник

Утром два письма: от Мифа язвительное, с пересылкой Жениного из NY, и премилое от Раймонды. Рисовал больше двух часов Берту Ефимовну. Решил по-

1 *Приложения (франц.).*
2 *От франц. bâtard — бастард.*
3 *Фурункул (франц.).*

казать ей: осталась не недовольна, очень одобрила рот; показал и их пожилой прислуге Marie, которая была женой антиквара и дочь художника – тоже хвалила. Утешенный поехал домой. После завтрака сразу поехал к 2.30 за Porte de Clignancourt. Встреча. [Семь строк испорчено], пел и разбирал духовн<ые> песни Баха. После обеда опять немного играл и пел. Генр. уехала в концерт (но раньше [я пошел] к Deux magot выпить кофе и читал Nouvelles littéraires), а я читал Louis Bertrand – о Louis XIV. Когда уже раздевался, В.О. предложил мне идти пить кофе к bistro на угол rue de Bourgogne.

Получил от Бархана чек на 125 дол<ларов> за второй "Карнавал".

10-го февр<аля>, среда

Утром сеанс. Опять показывал Б<ерте> Еф<имовне>. Стало подвигаться. Увез домой, чтобы дома подрачить рисунок. Завтракала Екат<ерина> Берлин, с ней болтал. Показал портрет, все одобрили. Потом до 4 тушевал его. Пел Баха и Генделя. К половине 6-го на rue Surcouf к Солдатенковой. Красивая квартира, поила чаем, показывала свои антикв<арные> покупки. Видел портрет ее Серебряковой, непохож (но она позировала четыре раза). Показала часы от Cartier с циферблатом из резной jade[1] и с бриллиантов<ыми> стрелками, очаровательные. Подарок америк<анских> друзей. Воображаю! Противная особа она, лгунья и снобка! Была у нее и Генриэтта, а потом В.Ос. Солдатенкова ничего мне не говорила о св<оем> портрете, а Генр<иэтт>е она сказала, что хочет заказать мне рисунок. От нее к Волконской, обедал с ней и с Зиной. Зина болтала, сплетничала про Юсупова, Белобородова и mlle Grayer, про молод<ых> людей, Бушена и Эрнста и т.д. Сообщила между прочим, что Солдатенкова – еврейка. Обсуждала, как мы будем писать мой портрет – в пижаме и халате. Восхищалась – и искренне – грацией движений Ирины. У них, т.е. у Рахманиновых, умер дед – Сатин. В 11 часов уехал домой на omnibus'e. Записывал, переодевшись в пижаму и халат и посмотревшись в таком виде в зеркало – записал за два дня в эту тетрадь.

11 февр<аля>, четв<ерг>

Утром сеанс. К часу к Pitts'ам, заехавши сначала к Гиршманам. Завтрак: вкусный сэндвич фран<цузский?> и курица. Вино. За кофе коньяк и вкус<ные> конфекты от Ribotté. Кроме нас никого. Когда Г<иршма>ны уехали, Pitts'ы стали говорить о портрете, его жанре и условиях. Я сказал пятнадцать т<ысяч>, на что они согласились. Без очков. Овал. В понед<ельник> первый сеанс. От них в банк, положить на тек<ущий> счет 125д<олларов>. Зашел в лавочку, оттуда домой. К 8 часам к Валечке и зашел с ним обедать к Бернарду. Показывал ему фотогр<афии> Раймонды. Одобрил.

После обеда он торопился на свидание. Я его проводил. Он показал и познакомил меня со смазливой брюнеткой. Я же прошелся раза два по бульвару между Madeleine и Opér'ой. За мной ходила невзрачная т<апетка?>. Раньше я

1 *Нефрита (франц.).*

ее встретил в vespasienne'e[1]. Домой к 10 часам с половиной. Разделся, оделся в пижаму и, полулежа на диване, читал главу La vie délicieuse из "Louis XIV" Bertrand'a. Лег спать около часу.

12 февр<аля>, пятница

Утром сеанс. Модель была сонная и молчаливая. Рисовал ее шею и грудь. Ужасная гадость что я делаю. К часу домой завтракать. Была Катер<ина> Б<ерлин>, показывал им портрет – очень одобрили, vox populi – потом я часа полтора разделывал и растушевывал то что рисовал утром.

Заходил некто Вл. Солом. Познер, молод<ой> человек из издат<ельства> Trianon. Его послал, верно, Шура [Бенуа]. Издат<ельство> хочет заказать мне к концу лета илл<юстрации> к Manon Lescaut, акварелей двенадцать – шестнадцать. Я согласился, но для деталей и условий назначил ему понед<ельник> в 5 часов. Меня пугают теперь предложения работы. Я так скверно рисую, так немощен, что все это одни страданья. Что бы сделать, чтобы стать лучше? Часов с 4-х начал волноваться перед Раймондой. Перед уходом написал письмо Мифу и спел две вещи Баха. Приехал на ave<nue> Michelet ровно к половине 7-го зашел в bistro. Выпил кофе. [Шесть строк испорчено]. Поехали на métro и в café Cardinal нас ждал Валечка. Обед плохой в рест<оране> Maubert на r<ue> de Richelieu. [22 строки испорчено], без задних ног домой. Не сразу мог заснуть. Генр., вернувшись из конц<ерта> Горвица, передавала мне свои впечатления об его чудесной игре. Я уже лежал в темноте.

13-го февр<аля>, суббота

Туман и темнота. На сеансе мало успел сделать, от намеченных волос дама стала моложе. Она довольна, а я бы удавился от тоски, если бы меня так изобразили, как я ее. Домой. Гиршман тоже хвалил рисунок.

После завтрака пел, потом пошел [несколько слов испорчено] на набережную

Пел Баха и Генделя. Потом один в доме читал Les Nouv<elles> littéraires, Molière fut de [два слова неразб.], фельетон о посл<еднем> романе André Gide'a, о Galsworthy и т.д. Разрезал сегодня куплен<ную> книгу "Th<éophile> Gautier, souvenirs intimes de Ernest Feydeau". На днях купил себе "Une Allemande À La Cour De France" Cabanes'a. На rue Bonaparte заходил в Galerie Pierre, где ничтожная выставка Raoul Dufy[2]. Лег спать после 11-ти.

14 февр<аля>, воскресенье

Сеанс. В первый раз показал портрет мужу. Он одобрил. Завтрак с ними: закуска от Brander [?], кулебяка от Thomas'a, не очень вкусная. Курица с горошком, салатом escarole и солен<ыми> огурцами и parfait[3]. Уехал к 3 часам. Дома у нас Серебрякова – показывал ей свои портреты. Большие похвалы. Заехали Питтсы, им понравилась Paty и Володя, Елена меньше. Потом гости: Т.Ф. Рябу-

1 *Вespaзьен (франц.), общественный туалет.*
2 *В тот раз в Galerie Pierre выставлялись рисунки художника.*
3 *Парфе (франц.).*

шинская, М.Л. Мандельштам, Валечка, Роза Гр. Берлин. Я с Валечкой удрал к соседям – Леонам, там вернувшийся из Швейцарии Трубников. Вино. Болтовня, Трубн. и Валечка отличались в остроумии и в неприл<ичных> рассказах. К Леонам пришли американцы Fleichman'ы – муж и жена. Опять вино и болтовня. Трубн. расхваливал разных мальчиков. Пришла и Генр., освободившаяся от гостей. Сговорились идти в Majestic City всей компанией после обеда у Леонов. Обед дома. Написал Мифу нежное приглашение приехать в П<ариж> на мой счет. Дома вечером. Дремал с Генр. на диване Около 10 пошли к Леонам на час. Леон при нас спал. Мы пили пиво, я прочел статью о Бушене из приложения к газете. Рассматривал книги и, м<ежду> пр<очим>, илл<юстрацию> Galleria Prado. Лег спать около 11.

15 февр<аля>, понед<ельник>

Написал записку Раймонде – приглашение в театр на среду. Сеанс. Дама все больше и больше довольна. Домой и с красками тотчас же к Питтсам. Завтрак втроем. Разговор о книгах. Обсуждение позы и платья, она пять раз переодевалась. Выбрали бархатное лиловое. Выбрал позу. Домой. Отдыхал в пустом доме Леонов, наша кв<артира> заперта. Потом на 5 rue Campagne Première, к Trianon éditeurs. Там Познер и Кан, сам издатель, говор<ящий> по-русски. Еврей, конечно. Часа полтора сидел, показывал свою Livre de la Marquise, т<ому> п<одобное>. Десять т<ысяч> за десять рис<унков> акварелей в четыре срока – пять т<ысяч> в окт<ябре> и пять перед Рождеством. Оригиналы в его собственности. Не очень выгодно, но нужно брать. Manon Lescaut. Подарил мне свое издание Гамлет с воспроизв<едением> литографий Delacroix. Обещал прислать проект договора. Домой под дождем. Обед дома. Высчитал, сколько я должен запл<атить> Г<иршма>нам за две недели, но они не хотели брать теперь, и я отложил деньги 390 fr. в их бюро под ключ. Усталый, все хотел точить портрет Поповой[1]; начал читать Princesse de Clèves[2]. Около 11 с В.О. сбегал в соседнее бистро пить кофе. До 12 писал Анюте письмо.

16 февр<аля>, вторник

Утром сеанс. <По>том с Генр. пешком на rue Montagne – погода дивная, совсем весна – за mme Pitts к З-м и с ней на ее автомобиле в Севр к Катер<ине> Берлин. Там Шереметев – пожилой господин, Бобринская (урожд<енная> Ферзен), потом Ида Ис<идоровна> Леон, и приехал хозяин – Мих<аил> Яковлевич. Пили чай и незначительно болтали. В 5½ я, mme Pitts и М<ихаил> Берлин, переодевшийся во фрак и цилиндр, уехали в город. Я с mme Pitts к кн<яжной> Шаховской на ее раут. Проходной двор в ее мал<еньких> двух комнатах. Мно-

1 Точить (собственный термин Сомова, применяемый им к процессу работы) – покрывать точками часть рисунка. Любопытно привести воспоминания племянника художника Евгения Михайлова: "Когда на какой-нибудь части акварели получалась случайная неровная поверхность, то дядя поправлял эти места мельчайшими точками. Эту работу он называл "пуповать" и крайне не любил, как чисто техническую" (Михайлов, Е.С. Фрагменты воспоминаний о К.А. Сомове // Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 567 С. 505).

2 Анонимный исторический роман конца XVII века.

го мужчин, старых и молодых – самый лучший mr Riviere, жених хозяйки. Была какая-то баронесса, внучка Lamartine'a, написавшая, тут же демонстрировавшая книжку Lamartine fantaisiste[1] с другой, старой дамой, кот<орая> меня пригласила к себе [на] 28, 12, 3, 4 марта. С mr Pigosse'ом познакомила меня хозяйка, он – ред<актор> издательства на rue George V. Назначил мне у себя час в субботу, когда я покажу ему мои книги. Говорил со стариком о реставрации картин. Была еще довольно противная жена посланника в Японии. С ней я не говорил, хотя Ш<аховская> мне советовала из-за ее влиятельности. Хозяйка разрывалась на части. Скука и бессмыслица такие собрания. Все улыбаются и гов<орят> друг другу фадние[2] комплименты. Питтс пробыла пять минут, и я оставался один, не зная куда приткнуться. Ушел и к 7 был дома. Отдыхал, лежа на диване. Из Севра приехали Генр. и Катерина. Обед у Леонов – Валечка, Трубников. В.А. [?] Верещагин, Катерина с мужем. Было весело и шумно, Валечка и Тр. как всегда отличались. После обеда Лиз. Матв. Леон переоделась мальчиком в платье брата. Всем понравилось, я ей подвел едва заметные усы. Но Paul не позволил ей ехать так, и она кротко согласилась одеться дамой. Поля все дразнили за буржуазность. В 11 все, и В.О. тоже, поехали в Majestic City на бал Mardi gras. Колоссальная зала внизу и такая же наверху. Грязно, неаппетитно и некрасиво. Толпы. Масса ряженых. Гротескное и ридикюльное впечатление. Большинство мужчин в женск<их> платьях и оголены донельзя. Чем старше и безобразнее, тем больше. Кривляние, взвизгивания. Масса перьев на головах. В середине зала танцы. Масса зрителей – в смокингах, пиджаках и пальто. Несколько русских classés dans, Спичинский, L. Vogel, Охочинский. Я с ними не говорил. Под конец пришли Бушен и Эрнст. Мы – т.е. я, Генр., Катя, Мих<аил> Як<о>в<левич> и Валечка – очень удачно сели на месте, где все проходили мимо. В.Ос. и Леоны ушли раньше. Мы оставались до 2 ч.

Валечка и Трубников охотились, и Валечка нашел. Можно написать очень интер<есную> картину на этот бал, безобразный и жалкий, но на полотне это будет совсем другое. С Генр. вернулся на taxi.

Утром получил письмо от Мифа – он хочет быть vendeur'ом[3] в Париже за ларьком на marchés[4] – пересылает письма А., из NY Жени и Елены.

17 февр<аля>, среда

Дождь. Сеанс. После сеанса завтрак дома с Ид<ой> Ис<идоровной>, которая, к счастью, не так уж много разглагольствовала. После завтрака пошел по поруч<ению> Мифа в мэрию – узнавать, как заделаться vendeur'ом. Написал ему письмо. С 3 до 5 точил грудь на рисунке Поповой. Вообще отвратно. Но ей, сегодня говорила, нравится. Ида, кот<орой> я показывал, нашла, что этой даме 55 лет!

1 Баронессу, с которой познакомился Сомов, звали Renée de Brimont, а полное название написанной ею книги звучит как "L'Album de Saint-Point ou Lamartin fantaisiste".

2 От франц. fade – пошлый.

3 Коммерсантом, продавцом (франц.).

4 Рынках (франц.).

Потом записывал в эту тетрадь. Немного пел. Вышел после 7-ми купить для Р<аймон>ды caramel mous[1], обедал один у Bernard'a, но встретил там компанию: Трубникова, Рудаковского, совсем обросшего бородой, кузена Трубн. Destrem'a, даму (его жену?) и еще кого-то. Поговорил немного с ними и пошел в театр Maideleine. Взял билеты и ждал Раймонду. Посадили нас в ложу за четырьмя дамами. "La Belle Aventure" Flers и Caillavet. Милая комедия, но она была гораздо лучше исполнена у нас в П<етербург>е: Michel с Франсеном, Hasti и прелестный Lucienne Roger. Здесь хороша только старуха Marie Laure. Brulé стар, а Stephens (?), игравший Valentin'a недостаточно смешон. Героиня Locy [?] и немолода, и некрасива. Поставлена [комедия] очень банально. Раймонде пьеса понравилась и, кажется, она была довольна. Во втором антракте я спросил ее, не могу ли я поехать к ней, на что она охотно согласилась. Поехали на métro. За barrière'кой[2] у bistro выпили кофе. [Более двенадцати строк испорчено].

18-го <февраля>, четверг

Сеанс. К ча<су>[3] был дома. Попов показывал мне неоконч<енный> мужск<ой> портрет времен Брюллова: Капкова ли, Маркова ли? Академическую костюмного класса акварель Сурикова. Испанцев à la Zuolaga, акварель очень скверную якобы Бакста. Завтракать к Pitts'ам. Стала чудная погода, а ночью отель на avenue Michelet весь дрожал от ветра и дождя. Завтракали кроме меня Бушен и Эрнст. Потом незначительно болтали. Около 3 они ушли, и я стал на холсте углем набрасывать Елену Сергеевну. Сидит она чудесно, почти не двигаясь. От нее домой пешком. На звонок никто не ответил, и я пошел соседям-Леонам, их не было, а была Катерина Берлин. Я лег на кушетку и рассказал ей про свою ночь, а она с ужасом расспрашивала обо всех подробностях. Потом длинный, очень неприличный с нею разговор. Потом я пошел спать, но заснуть не мог и стал петь – Генделя, Баха и Шуберта. Что-то в технике голоса у меня подвинулось. Рассматривал чудный каталог продажи Léon Michel-Lévy, одолженный мне Pitts'ом. Шардены, Ватто, Latour'ы и т.д. и др<угие> рисунки и картины. Какой удивительный Рослен – п<о>рт<рет> жены-красавицы Буше! [Портрет] Latour'a Perronneau. Сегодня получил проект контракта на илл<юстрирование> Manon Lescaut от издательства Trianon, но пока не решился еще соглашаться на него. Обед дома. Faticato e non saziato[4]. Вечером остался дома и один лежал. Читал книгу о Louis XIV. Лег спать около 12-ти и спал отлично.

19-го [февраля], пятница

Сеанс у Поповой. На завтрак к Pitts'ам. Втроем. С mr [Pitts] говорили о книгах, он показывал английские – неинтересные. Первый сеанс. Начал красками, писал всего час. Но начал так удачно, что наполнился радостью. Даже показал

1 *Досл. – мягкая карамель (франц.). Вероятно, род ириса.*
2 *Здесь — стойкой (франц.).*
3 *Последнее слово зачеркнуто.*
4 *Утомленный и не наевшийся (итал.).*

ей, под предлогом дать ей представление как я расположил фигуру на холсте. Она очень хвалила. Если это не самообман и так пойдет дальше, работа будет радостью. У Pitts'ов очень красивый лакей, испанец Raphael – стройный джентльмен. Бедный Pitts рядом с ним – жалкое ничто. Пешком домой. Мифетта не приехал. Нашел письмо от Ирины Волконской, просит о театр<альных> faveurs'ах[1] и приглашает как-нибудь на чай. Написал Анюте письмо на радостях. Вечером с Вл.О. и Генр. Пение мое и С. Влад. под аккомпанемент Рома. Я пел Шуберта, Giordano arioso, из "Гамлета" Thomas, Bach'a и Pierné. Был не в голосе, С.В. пел хорошо. Потом чай с вином и вс<якой> всячиной. В.О. не спал и был чрезвычайно весел, острил и смеялся. Г<енриэтта> Л<еопольдовна> на него сердилась. Вернулись к 2 часам.

20-го [февраля], суббота

Сеанс. Завтрак дома. Потом до 4 драчил рисунок. Приехал Мифа. С ним поехали на av<enue> George V в книжную лавку Pigosse'a. Ему и даме показал Le livre de la Marquise. Ему очень понравилось. Спросил что я бы хотел илл<юстрировать> и мои условия. Я назвал неск<олько> фр<анцузских> вещей, потом "Дубровского", "Вия" и "Мелкого беса". Об условиях пока отказался сказать. Обещал он прочесть р<усские> вещи и дать мне знать. С Мифеттой, кот<оторый> меня ждал, к Sirdar'у за бутербродами, потом в кафе Вебер. Потом в лавку Гиршмана. Взяли разбитую группу "Старая Вена". Пешком домой. Показывал Мифу мои фотогр<афии> и те, что дал мне Раймон. Миф одобрил ее вид. Обедали дома и Миф с нами. Потом, отдохнув и посмотрев на танцы в Катиной комнате – танцевали Катя, дочка Мар. Григ. Лист и Мефодий – с ними поехали к Р.Г. Берлин. Большое собрание, жара и скука. Милиоти, Сорин, Яковлев, Ефремова (ненадолго), З.Л. Поллак, Т.Ф. Рябушинская, Гукасовы, дочка Хитиной (З.Л.). Мне было очень скучно – б<ольше> часа. Говорил с кривлякой и противной Поллак и с Розой. Не мог даждаться конца. В 2 часа был дома. И я еще немного читал Princesse de Clèves.

21 февр<аля>, воскр<есенье>

Чудный, солнеч<ный> день. Сеанс начался в 11. К его концу приехал Трубников и портрет ему понравился. Объявил его конченным. И он, и она меня благодарили. Завтрак очень вкусный и обильный. Рассматривали старинные рисунки – мне понр<авилась> акварель гондола в Венеции – не Lami ли? Просил ее мне уступить. Но Попов думает это [неразб.]. И пока отказал. Вчетвером на такси поехали к Гиршманам. Показывал им же Попову и Пати – мои масл<яные> портреты и Le livre de la Marquise. Стали собираться гости: Вассерман (ему я подарил маленькую спящую даму, вариант мефодиевский – в сущности хлам, сделанный мной в один день в Америке), Костылина, Солдатенкова, Гречанинова с дочкой и еще другие – художник, писавший портрет Гиршмана. Ушел от гостей после 7-ми. Обедал с Мифой у Bernard'а. Там видел танцора Jean Borlin'а с его покровителем. J.B. переглянулся с Мифом, т.к. и

1 *Контрамарках (франц.).*

раньше годом[1]. Миф рассказал о своей дневной авантюре, а после обеда должен был ехать на другую. Я же прошелся по бульвару Madeleine и на метро. К 9½ был дома. Рад, что кончил свою работу. Очень устал. Читал Louis XIV.

22 февр<аля>, понед<ельник>

Утром додрачил портрет Поповой, снес его к ней в магазин. Пошел от нее в Samaritaine de luxe на выставку картин XVIII века, пожертв<ованных> хозяином магазина городу. Чудесные рис<унки> Ватто (L'Enseigne de Gersaint, этюд собаки и тигра для его fêtes[2]), четыре мал<еньких> Guardi, гуашь Fragonard'a, сцены Mallet, Lawrence'a, Boilly, акв<арели> Caresme'a, Bouchet, Greuze'a. Clodion'ы и кр<асная> мебель. К часу к mrs Pitts. Завтрак, после которого не работал, она могла дать всего полчаса. От нее пошел в магазин Г<иршманов> и оттуда поехал к братьям Tharaud к черту за куличками, да еще проблуждал из-за кондуктора трамвая – пришлось ворочаться назад, и я опоздал на три четверти часа. Принял меня один старший Jérôme и его жена, толстая блондинка. Была и mme Petit, несколько минут, потом уехала. Он был очень любезен, показывал н<е>ск<олько> изд<анных> с офортами своих сочинений, изданных Lapina; смотрел мою книгу и фотографии с картин. Сказал мне, что хочет меня устроить у Lapina не только ради св<оего> сочинения, а вообще, и что мне подойдет издающиеся у Lapina'ы Boileve [?] и Régnier, и что у них [т.е. Tharaud] осталось немного неразобранных [вещей], и среди них Tragedia de Ravaillac; я сказал ему, что мне эта тема очень интересна. Обещал прислать мне и дал реком<ендательное> письмо к Lapina. Уехал в ресторан Бернарда, там обедал с Мифом, потом [с] Валечкой и Трубниковым. У Мифа было две авантюры, шведская и итальянская, из кот<орых> вторая оказалась платной против его ожиданий. Из ресторана в Passy к mme List, кот<орая> живет в Passy maritalement[3] с неким Винокуровым. Блуждал долго, прежде чем нашел ее улицу. Там были уже Гиршманы и дочь Лист г-жа Иванова (мужа ее прогнали). Показывали мне [неразб.] (шали и платки) этой дочери и болтали. Винокуров – очень симпатичный, московского вида пожилой господин. Дочка пригласила меня к себе смотреть технику ее работ. Сидели долго. Я умирал от усталости.

23 [февраля], вторник

С 10½ сеанс у Pitts. Идет работа для меня очень удачно. Уже есть сходство и она красива и поэтична. Два часа работал.

К завтраку пришла веселая и бойкая Е.Д. Шаховская, хохотала и шутила. Между прочим сообщила, что бывший на ее рауте молодой господин в штанах в клеточку – знамен<итый> писатель Crecelle (?), написавший Mon Corps et moi[4],

1 Вероятно, при переписывании Сомов упустил некую важную деталь жизни своего друга, так как Лукьянов действительно родился на год раньше Борлена – в 1892.

2 Празднеств (франц.). Вряд ли здесь идет речь о конкретной работе или серии работ (нам, во всяком случае, о существовании таких ничего не известно). Скорее всего, в данном случае Ватто рассматривается как художник определенного жанра – fêtes galantes.

3 Как супруга (франц.).

4 Речь идет о Рене Кревеле, René Crevelle (1900—1935) – французском сюрреалисте.

апологию онанизма. Продал Е. Серг. платье Мифа за 400 fr. Пошел к Поповой в магазин, она показывала мне лаковые лекарств<енные> японские коробочки большой тонкости и красоты. Портрет уже висит обрамленный очень красиво бронзовой бумагой Vigneron'ом. Она вручила мне конверт с деньгами от Попова. Поехал домой и увидел, что в конверте лежат только три т<ысячи> при любезной карточке Попова! Вернулся домой и решил ехать обратно для выяснения. Поговорил с Генриэттой и пошел к Поповой. Сказал ей, она удивилась и утверждала, что ей и Попову В.О. говорил о трех тысячах. И просила переговорить с В<ладимиром> О<сипови>чем. Я опять в мазазин Г<иршманов>. Туда приходила Саломея Гальперина, болтала, рассказывала о van Dongen'e. Пришел Гиршман, возмутился и побежал объясняться к Поповым. Вернулся – она, Попова, утвержд<ала>, что речь шла о трех т<ысячах>, как тот ни уверял что о 5-ти. Сказала, что во вс<яком> случае заплатит из своих разницу и что об отдаче портрета мне, как предлагал В.О., не может быть и речи. К 6½ был в Modern Hotel за р<orte> de Clignancourt. [Четыре строки испорчено]. Потом поехал к café Cardinal, где сборный пункт: Мифа, Валечка и Трубников.

Пошли обедать к Maubert'y. Долго обедали и выпили четыре б<утылки> бургундского. Раймонда мало говорила и совсем не понравилась Мифетте. Весело не было, я был без задних ног. Потом пили кофе на воздухе в maison de café[1]. Расстались, и я дошел с Раймондой до Madeleine'ы. Домой. Дома, оказывается, у нас пение: Каминский поет под акк<омпанемент> Генр. Тут же Верещагин и Леоны, Генр. меня просила сейчас же спеть, я спел O cessate di piagarmi, "Горними тихо летела душа небес<ами>" Чайковского и арию Генделя. Нескверно пел. Потом чай у Леонов и я был в благодушном, но изможденном состоянии. Около часу разошлись.

24 февр<аля>, среда

Утром заходил Мифа, он уезжает сег<одня> в Grandvilliers. Вчера он имел в "Пантере" la italien-grecque américaine[2], [четыре строки испорчено]. К 11 у mme Pitts. Сеанс два часа. Сделал немного, но не плохо. Это первая couche[3]. Показывал ей и ее мужу. Одобряли и гов<орили>: "Похоже". Завтрак втроем. Потом пришла mlle Herbart (русская) и Masson со св<оей> буд<ущей> женой. Сидели и болтали, Masson пригласил нас завтра завтракать к себе и смотреть его коллекцию импрессионистов. К 3 часам домой – пешком всего 20 минут. Записывал в свой дневник.

Ходил на rue Bonaparte и к Sennelier за длинными кистями, пил кофе на воздухе у Deux magots. Обедал дома. Вечером написал письма Мифу, Анюте, и, длиннющее Елене-Жене. Писал до 12 ночи, когда вернулась Геня и рассказала о благотв<орительном> русск<ом> спектакле "Анфиса" с Маршевой, Дерфельден и Муратовым. Будто Дерфельден играла очень хорошо.

1 *Так в тексте. Возможно, ошибка: дом кофе (франц.) вместо maison du café – кофейня (франц.).*
2 *Итальяно-греческую американку (франц.).*
3 *Слой (франц.).*

25 февр<аля>, четверг

По дивной погоде прошел пешком к Pitts'ам. Сеанс с половины 11 до часа. Писал грудь и часть платья. Не очень плохо для первого слоя, но рисунок странный и неверный. С ними завтракал. К Masson'y и его будущей жене – à la mode de Bretagne[1] mr Pitts'a. Роскошная квартира, чудный завтрак: стерляди заливные, курица с салатом, ветчина с [капустой] в mayonnaise, brie, белое сотерн и очень вкусное старое bordeaux (?) des Lagunes. Кофе с ликером и шоколадными конфектами. Masson показывал мне свою галерею: три Sisley'a, "Зима" C. Monet, его же "Лондон", nature morte Vuillard'a, Lebourg'a, Boudin, Lépine, крохотный Alf<red> Stevens (женщина спиной), два Carriere'a, Claus, Renoir и множество небольших Rodin'ов. Все не первосортно. Я откровенно говорил, что – нравится, что – нет. Потом разговоры об иск<усстве>: о готическ<их> соборах, о франц<узской> и итал<ьянской> скульптуре, я ругал Rodin'a и его Carriere'ов. Сидели почти до 3½. Pitts расстроена из-за глаза своей собачки-пекинеса. Пешком до Elysees в лавку. Гиршман показал мне вернувшуюся картину[2] mme Попову, кот<орую> он просил вернуть взамен трех тыс<яч>. Он при этом написал ей письмо. Я хотел закончить все дела с ними и пошел снести ее часики и взять мои. Оба они были в магазине. Я не начинал говорить об инциденте. Попов просил меня пройти наверх и там [мы] втроем долго объяснял<ись>. Я был очень вежлив и корректен. Они все валят на Гиршмана, считают себя правыми. Попов произнес слово "принципиально". Я объяснял и говорил, что Гиршман не мог ошибиться. Когда уходил, Б. Еф. была настолько глупа, что предложила мне все-таки позировать для этюда, о кот<ором> я просил, – я вежливо отклонил. Пошел опять в лавку и там рассказал Г<иршма>нам.

Домой. Пел Баха. За Валечкой, к нему заходил бывший солдат и бывший "друг" Тр<убнико>ва по поводу продажи какого-то хлама Александра Andrejo. Обедал с Валечкой у Бернарда, рассказал ему о Поповых. Вал. рассказывал мне о Зичи и его жизни (Зичи) при дворе. Присел Трубников и был ошарашен историей с Поповыми. С ним решили мстить: послать к Поповым разных их знакомых, чтобы они спрашивали показать портрет: будто слышали, что он замечательный; это будет забавно – какую tête[3] будет делать Берта и что она будет про него рассказывать. Вышли вместе и долго топтались около b<ouleva>rd Malesherbes, поджидали la douce de St. G<ermain>[4], которую Валечка хотел мне уступить. У него не было ник<акого> аппетита. У меня болела голова, и, когда она обманула (ждали двадцать минут), я скорее был доволен.

Пройдя раз по б<ульвару> Madeleine на métro вернулся к 11 ч<асам> домой и сейчас же лег спать.

1 *Дочери двоюродного брата [или двоюродной сестры] (франц.).*
2 *Последнее слово зачеркнуто.*
3 *Лицо (франц.).*
4 *Сен-Жерменскую красотку (франц.).*

Пятница, 26 февраля

Утром к 10 в Biblioteca Nationale на выставку moyen âge[1]. [Она] Великолепна. Какие миниатюры XV, XIV века! "Trahison" de Judas и "Prix de Jericho" Jean Fouquet, всего не перечесть! Толпища — едва протолкаться. Встретил Стелецкого, два слова с ним, потом Атю с Юрой[2] – он еще похорошел, прямо роза. Она совсем увяла. Проводили меня до лавки Г<иршма>на. Разговаривали о совр<еменных> книгах и об инциденте (Кока Аргутинский). Ругали его. Солнце. Тепло. За Генриэттой. В лавке оказался Попов – сидел и объяснялся два часа, утомил их. Раньше – я ее не видел – приходила Берта Еф., но Попов как будто прогнал ее. Я вошел, и объяснение продолжилось – у него по пунктам, записанным в [неразб.]. Объяснял, что принцип и т. д., но смягчился, говорил, что не портрет даже, а я ему дорог, не деньги, и просил как-то все уладить. Я ему сказал, что [это] от него зависит. И все прошло хорошо, жали друг другу руки, и он дает мне эти пять тысяч. Я очень обрадовался, но не показал вида. С Генр. к Pitts'ам. Там уже Трубников, а самого mr P<itts> не было. Очень веселый завтрак, Трубников блистал. Все, конечно, на его любимую тему. Елена Серг. с одобрением и восхищением даже слушала его восхваления. Потом говорили о женщинах и о том, что они в мужч<инах> ничего не понимают. Вкусный завтрак: горячие лангусты с рисом (я их не ел), курица и фрукты. Много вина и коньяк. Я был даже les vignes du Seigneur[3] и был болтлив, восхвалял дружбу и целовал Генр. руки.

Поехали к Валечке, покупать доллары – я купил десять. Зашел к Поповым в магазин – она грустна, бледна, нервна. Была одна в верхней комнате, стала плакать. Я ее успокаивал. Потом показывала женские Nippsachen[4]. От нее домой. За Le livre de la Marquise и с ней и письмом Tharaud к изд<ательству> Lapina на 75 rue Denfert-Rochereau. Lapina принял меня не чрезв<ычайно> любезно, был занят, мельком перелистал книгу, сказал, что Tragedia de Ravaillac уже отдана, но что будут другие, т.е. Boileve [?] и Regnier. Торопился, взял мой адрес и обещал написать.

Потом я пошел в изд<ательство> Trianon, но оно было заперто. В café du Dôme выпил на воздухе кофе. Домой, и купил René Crevel "Mon Corps et moi"; не успел отдохнуть и поехал за Валечкой. С ним в rest<aurant> Maubert, где уже сидели Трубников и двое – 22-летняя Lucienne и 19-л<етняя> Eugenie, мордальонка; Трубников, кажется, не был ею доволен, pas assez sale, apache et peuple[5], Lucienne ее смакротировала[6]. Luc<ienne> почти сейчас же достала из часов<ой> крышки свои голые фото<графии>, чтобы quel as elle est[7] – и действительно! После обеда Валечка, я и Трубников с E<ugenie> разошлись в

1 *Средневековье (франц.).*
2 *Анну Бенуа-Черкесову и ее мужа Юрия Черкесова.*
3 *В ветрограде Господнем (франц.) - т. е. пьян.*
4 *Безделушки (нем.).*
5 *Недостаточно грязной, преступной и вульгарной (франц.).*
6 *Возможно, от франц. marrote в знач. издеваться, насмехаться.*
7 *[Показать] какова она (франц.).*

разные стороны, l'as[1] за лишние 5 фр. согласилась se dédire[2] у кого-то и уехала на 40 минут. Я ее должен был ждать у métro Madeleine. [Восемь строк испорчено]. Хотел встретить Валечку у Viel'я, но его там не было. Домой на métro и выпил у нашего bistro два café crème.

Около 12 дома. Записывал в эту тетрадь. Забыл записать: три дня тому назад получил нежнейшее письмо от Вальполя. Длинное и с объяснением его молчания: говорит, писал пять раз без ответа.

Суббота, 27 февр<аля>

Утром сеанс у mrs. Pitts. Работал скверно, руки, и у меня прошло состояние confiance'a[3] к себе самому, и, чувствую, начнутся обычные мучения. Завтрак, разговор о Pepys'e и Casanov'e. Ходил через Елис<ейские> поля и Тюильрийский сад на avenue Opera к Corcelles'y и Yardley'ю покупать подарки молод<ым> людям. Потом к Берте Еф. в магазин, передал портрет и получил пять тысяч. Она грустна и надута, сердится на меня за то, что я сказал ее мужу, что она виновата, что она перепутала; я ей сказал, что это правда, но что теперь надо все забыть и т.д. Она сказала, что теперь ненавидит мой портрет, а [прежде] так его любила. Ну и пускай, мне это надоело. Я ей все же сказал неск<олько> очень любезных фраз, [сказал] о возобновлении дружбы и т.д. Она не растаяла, но, в общем, была любезна, говорила о квартире, кот<орая> сдается вблизи них. От нее к Гиршманам в магазин, на четыре т<ысячи> просил его купить долларов. Потом поехал, утром послав petit bleu, к Ирине Серг. Сидел у нее около полутора часов, обычные разговоры: о Дрездене, Танечке, о знакомых общих, о ее несчастной судьбе (без всякой грусти), об итальян<ских> уроках, кот<орые> она берет, о туалетах. Никак она меня не привлекает и мне с ней скучно. Хорошо, что мои визиты естественно сделались très espacées[4]. От нее домой. Обедала Пархатка и Кира, дочка mme Лист. Гиршман бестактно упрекал Катю, что она "треплется", на что она очень обиделась и весь обед прошел невесело. Ида пыталась болтать языком, но не очень. После обеда предложил Генр. идти к Самойленкам, я телеф<онировал> им с почты и мы пошли втроем – В<ладимира> О<сипови>ча было неловко не пригласить с собой – пешком. Я – в одном платье и синем шарфе. Болтовня, шутки. Тамара расск<азала> о св<оем> первом муже, кот<орый> убил своего beau frere'a при ней. Она от него едва удрала, пока он был в тюрьме, и вышла замуж за Мурзу. В.О. спал и храпел, Генр. сердилась. Домой на taxi к 12 часам. Хорошо спал, но прошлую ночь трепыхалось сердце, и не мог заснуть до 3½ часов.

1 Туз (франц.). Любопытно, что Сомов называет продавца однополой любви тузом. Оставляя в стороне этимологический аспект, укажем на распространенное в российской уголовной среде выражение "пороть(ся) в туза" (вариант: жарить в туза), обозначающее анальный половой акт.

2 Пасть (франц.)

3 Веры, доверия (франц.).

4 Нечастыми (франц.).

28 февр<аля>, воскр<есенье>

Встал около 9-ти, разбирал свои вещи: что взять с собой, что оставить. Собрал небольшой пакет с собой. Расплатился с Геней – вышло с 1 по 28 [февраля] 675 фр. 50 ф. дал Marie. Ходил покупать сладости молодым людям: raisin sec, pain d'epices, dattes, macarons[1] и шоколаду. Поговорил с Генр. и Идой, начавшей длинный рассказ о R. Valentino в "Дубровском". Я не дослушал его и ушел на станцию к 12.12. Пасмурно, утром шел дождь. По дороге читал Ramon Gomez de la Serna "La veuve blanche et noire". Приехал с camionnett'ой Michel. У нас пасмурно и холодновато. Отдал подарки и стали есть. Для меня сделали курицу. Читал письма Анюты, у нее огорчение: А. Толстой купил италь<янскую> мадонну, дал задаток, а потом вернул ее и надо было деньги отдать, а она часть их уже истратила. Письма от Жени, короткое из Амер<ики> о получении моей телеграммы. У нас уже в цвету слива! Так, до сумерек, болтали с Мифом в моей бывшей комнате – теперь я спать буду в их, маленькой. Лежал, даже спал на диване. Потом ужин холодный. Нас позвала mme Petit есть beignets[2]. Сидели у нее около часа под ее болтовню. Оладьи ее были очень вкусные, и я их съел много, запивая сидром; тут же вертелись маленькие George и Odette'a, коты и симпатичная черная сука Diane. Mr Petit не было дома. Легли в 9½ и я выспался великолепно.

1 марта, понед<ельник>

Солнце, тепло, весна совсем. После кофе помогал Мефодию написать два фр<анцузских> письма. После обеда Михаил под моим наблюдением сделал двенадцать снимков с дома, сараев, собаки, коз и кроликов. В 2 часа пошел гулять; в лесу на пне прочел три главы из La veuve noire et blanche[3]. Похолодало, и я пошел домой к 5 часам. Чудно на воздухе, пашут землю. Пейзаж восхитителен – зеленая трава. У нас в огороде слива вся в цвету. Потом читал роман Sern'a и вечером в 10 лег. P.S. [две строки испорчено].

2 марта, [вторник]

Пасмурно и холодно. М<ихаил> и М<ефодий> уехали в Damville, я же все время читал Sern'y и к их возвращению его кончил. После обеда написал письма Анюте и Жене Сомовой (Владимировне). В 4 часа пошел гулять через Sanvillers в сторону Panlatte. Вернулся к 6-ти. Дремал на диване до ужина. Вечером читал о Louis XIV и кончил эту интересную книгу. Лег спать около 12 ч.

3 марта, среда

День писем. Написал Kahn'y в Editions Trianon, Животовской, Жене Сомову и Н.А. Рахманиновой, Полоцкой-Емцовой, Володе, банку в NY. Вечером читал "Les enfances royales" Dr. Cabanes'a[4]. Весь день не гулял.

1 *Изюм, пряники, финики, миндальное печенье (франц.).*
2 *Оладьи (франц.).*
3 *Так в тексте.*
4 *Речь идет о книге доктора Клода Кабанеса Moeurs Intimes Du Passé Enfances Royales.*

4 марта, четверг

Дурная погода, дождь почти весь день и ветер. Весь день читал и кончил "Enfances royales" Cabanes'a. Потом читал Les Nouvelles littéraires. Помогал Michel'ю делать рамочку (для возможной закупки от Вассермана). Он сделал мне рамочку еще и для наброска Орловского, кот<орый> я получил от А. В такой день в деревне скучновато.

5 марта, пятница

Солнечный день, но ветер и холодно. Писал письмо Вальполю, длинное – сначала сочинил, а потом переписал его. Вышло неискренне. Проглотил сегодня целую книгу, "Jeanne d'Arc" Delteil'я. Много прекрасного, только слишком много пафоса, деланного, неискреннего. Но она у него вышла живая и эпоха хорошо изображена.

Уже второй день в "Возрождении" известия о заговоре моряков в Кронштадте и Петербурге. Как бы не пришлось бедному Диме потерпеть невинно.

6 марта, суббота

Мелкий дождь и пасмурно. Прочел книгу Ed. Jaloux "L'Escalier d'Or". Прелестная книга, finesse, sentiment, invention style[1]. После обеда читал Les Nouvelles littéraires.

7 марта, воскр<есенье>

Пасмурный день. Утро прошло в ничегонеделании. После обеда, когда Michel собирался ехать на станцию за Каргановым, он, К., приехал на велик<олепным> автомобиле Armstrong со св<оим> приятелем, маленьким и невзрачным Конашевичем. Второй обед, привезенный ими из итал<ьянской> лавки. Я съел полсосиски и пил белое и красное вино. Болтовня, в которой оба они оказались славными и симпатичными парнями. Карг. – стройный, высокий брюнет армянск<ого> типа с красив<ым> и глупым, сладким лицом. Разговор его пошловатый, но виден в нем джентльмен. Я вздумал воспользоваться их автом<обилем> и спросил их, не возьмут ли они меня с собой. На это они охотно согласились. Я собрал саквояж, а Миф уложил картину. Переоделся. Все это взяло полчаса. В 4-е мы выехали. Ехали через Nonancourt, Dreux, Houdan St. G<e>r<main> и Versailles. Въехали в порт де St. Cloud, день был пасмурный, но не дождливый. У port de St-Cloud шумная и веселая foire'a[2]. У Сены близ tour Eifel'я я пересел на taxi и в 7¾ был у Гиршманов, у кот<орых> было еще три воскр<есных> гостя – Мандельштам, Коломейцева и mr Marés. Генр. сообщила мне о возможности еще портрета для меня: некая mrs Morgan (через Розу) была здесь, видела мои вещи и портреты и они ей понравились.

Обед. После обеда немного лежали на кушетке, потом я показал garnissage[3] для фотографий Michel'я, они были от них в восторге. Генриэтта с Полем уехала,

1 *Изящная, эмоциональная, изобретательный стиль (испорч. англ.).*
2 *Ярмарка (франц.).*
3 *Футляр, упаковка (франц.)*

а я с Гиршманом провел вечер у Люси Матвеевны за чаем и за разговорами об англ<ийской> литературе. Гиршман рассказывал о хамстве и снобизме их родственников, Соколевских [?], т.е. о сестре Иды Исидор<овны> Ксении Исид<оровне>. Болит глаз, т.к. на нем так называемый писяк – нарывчик на нижнем веке. Лег спать в 12 часов. Взял из библиотеки Paul'я Les Cahiers intimes М. Башкирцевой.

8 марта, понед<ельник>

Встал раньше 8. Убирал свой плакар. Вымыл голову и шею. Пил кофе с Гиршманом. Оделся и пошел на b<ouleva>rd Montparnasse к Бархану. Он дал мне два номера с моими воспроизведениями Sport und Bild (мой "Фейерв<ерк>", в красках сделанный осенью в Grandvilliers) и Illustrirte Zeitung[1] (с черными воспроизведениями au temps de Casanova et Longhi и фейерверками (Mrs Thatcher) и вернул мне оригинал "Фейерверка". Пил с ним кофе в Café du Dôme. Уговорились вместе обедать в пятницу. Пошел отдать обрамить акварель к Jacob'у.

Домой. Дома завтракал. Отправил p<etit> bleu Лобойкову, чтобы вместе позавтракать завтра. После поехал на St. Honore в лавку: звонил оттуда к mrs Morgan после того как я, зашедши в лавку Попова, получил ее портрет на два дня. Она, Попова, была очень мила и ее mauvaise humeur[2] ко мне совсем прошла. Попов был страшно любезен, показывал мне гравюры японцев и даже подарил мне Hokusai – вид из серии водопадов. Она дала мне две фотогр<афии> с моего портрета, одну из них со св<оей> подписью: "От "строптивой" модели". Опять в лавочку к Генр. Звонил mrs Morgan, чтобы завтра показать ей у меня Поповский портрет. Продал Кальманским за 100 ф. голубую пудреницу Мефодия. Купил себе на b<ouleva>r<d> Montmartre'e – это еще утром – "Les livres du second rayon" Emile Henriot. В лавку приходил Горчаков [?] и показывал свои шали au pochoir – скверные. Я звонил Розе, но ее не было дома, она в обиде, что я ее забыл. Пригласил Генр. и Серг. Влад. пить кофе к Weber'у и там долго сидели. Видел Fery Prince, уже седую (не петербургская содержанка Лелянова), но еще держащуюся. Потом домой. После обеда пел под скверный акком<панемент> Генриэтты. Катя слушала. Пел Варламова, Клемма, Генделя. Голос был в порядке. Потом нас Paul пригласил к себе пить чай. Там посидел с полчаса и домой. Прочел неск<олько> страниц из купленной книги. Очаровательное описание личности d'Assoncy и его page'a Pierrotin'a. Спать лег в четверть 4-го.

9 марта, вторник

Утром до 12 ждал mrs Morgan, читал книгу Henriot. К 12.30 был у Лобойкова, он меня уже ждал внизу. Пошли завтракать на avenue Wagram в ресторан над кондитерской, довольно уютный и нарядный. Публика некрасивая, старая, американская. Ели jambon de Parme с салатом из картофеля и сыра и красное

1 *Речь идет об еженедельнике Berliner Illustrirte Zeitung.*

2 *Плохое настроение (франц.).*

вино. Я заплатил за все – 45 фр. Говорили о литературе, об Анюте, вспоминали старое, о Серове и т.д. Было нескучно. Расстались в четверть 3-го. Я – домой и застал у нас Зину Сер<ебрякову>. Долго с ней говорили, она мне рассказывала о своих несчастьях. Очень ее жаль. Дома в П<етербур>ге ни копейки, все продано, здесь – нет заказов. Она уехала, а я все ждал mrs Morgan. Около 6 стал петь. И тогда Анрюша мне принес визитн<ую> карточку mrs Morgan: оказывается, она была днем и не дождалась [?]! Я пошел сейчас же на станцию телефонировать, но говорил только с ее слугой – ее не было дома. Потом написал ей petit bleu – объяснил ей досадное недоразумение. Пошел за Валечкой, он выходил из св<оего> hotel'я с солдатом Marcel'ем обедать. Очень обрадовался что я пришел и пригласил с собой, т.к. с Марселем ему скучно. Обедали у маленького bistro втроем. Мы все время с В. говорили, а Marcel молчал больше. Он вроде цыпленка. Красивый профиль, а en face нос кривой, т.к. был сломан. После 9-ти я уехал к Серебряковой – позировать в пижаме и халате сверху нее. Позировал полтора часа. Зина болтала. Показывала свои вещи – Лелю Бенуа, голую в трех позах, и портрет новый, Ирины Волконской, довольно красивый. Противная Ирина отказалась ей позировать больше: будто занята страшно. Шура, сын Зины, показывал мне свой абажур, вид Парижа, очень миленький и преостроумно придуманный.

10-го марта, среда

Генр. сообщила, что mrs Morgan вчера была в магазине, и что сговорилась приехать к нам сегодня в 2 часа. В.О. вчера позавтракался в еврейском ресторане гусиными чиненными шейками и был вечером болен. Генр. торжествовала. Получил из деревни письмо Мифа с Анютиным, Диминым и Женечки Степановой. А. в очень удрученном настроении – неудачная, сорвавшаяся продажа картины Гверчино, кот<орого> эрмитажные не признали за него, и ей пришлось вернуть уже растраченный задаток. Надо помочь ей.

Написал письма Анюте, Диме и Женечке Степановой, и Мифу. Завтракал дома. В 2 приехали mr и mrs Morgan. Я им показывал портрет Поповой, фотографии. Кажется, им все понравилось. Подняли вопрос о портрете масляном. Назначил двадцать т<ысяч>. Пригласили к себе завтра днем показывать local[1] их. Она высокая, худая и смуглая брюнетка лет 38, красивая, похожа на испанку. Пошел относить портрет Поповой, посидел у нее немного. К 4½ поехал в Trianon к Kahn'у. Сказал свое условие – оставить свои оригиналы в моей собственности. Он согласился – я даже немного огорчился: значит, надо брать эту работу на плечи. Потом он меня совсем заговорил, рассказывая о клиентах, художниках и своих проектах. Едва ушел, уговорившись в субб<оту> утром идти с ним в заведение репродукции в красках. Обедал с Валечкой у Bernard'а. Сидели мы с Destrem'ом и его женой. Долго и много весело болтали. О проституции, maquereaux[2], мужеложестве. Она о своей "автофобии"[3], я тоже – о своей. Она

1 *Здесь — квартиру (англ., франц.).*

2 *Сутенерах (франц.).*

3 *Разумеется, речь идет не об автофобии (в современной транскрипции) — боязни автомобилей и/или езды в них, а об аутофобии – боязни одиночества.*

жива и симпатична и очень leste[1] в выражениях. С Валечкой к 11 поехали к Леонам. Там Трубников, [неразб.] Нольде (довольно противный!), Катерина Берлин, потом "Пархатка Ида" и Гиршманы. Трубников, уже пьяный, говорил невероятные вещи [одно или два слова испорчено], почти громко, было неловко перед Нольде. Пили вино. В 12 разошлись и я, почитав немного, лег спать.

11 марта, четверг

Утром дома читал интересную книгу Henriot о книгах de second rayone[2]. Пел из Шуберта. Написал Раймонде письмо (свидание в субботу назначил). Завтракал дома с Вл.О. и Каминским. Торопился, т.к. в 2 надо было быть у Morgan'ов. Они живут прелестно в трех этажах особняка. Чудесное atelier. Долго говорили, она показывала платья – и я с ней сошлись[3] на одном и том же. Но окончательно не порешили – [я] должен дать ответ, масло или рисунок. М<ожет> б<ыть>, вообще не закажут? Он говорил об inconvenient[4], что я славянин, а она англосаксонка, и что пойму ли я ее как она ее видит. Я ему объяснил бесполезность такого взгляда. От них зашел к Розе Гр. Берлин, но ее не застал. Пошел по avenue du Bois de B<oulogne> встретил mme Landau, проводил ее немного. Потом mme Патоншу, и с ней на avenue Victor Hugo к Кузмичеву пить чай. Чай нам дали прекрасный, хозяйку магазина я когда-то встречал у А.А. Коровина, но не узнал ее. Она была очень любезна, и за чай с шокол<адными> конфектами за двоих взяла три фр.! С П<атоншей> был там около часу. Потом я домой, лежал и читал Henriot. Дома немного закусил сосисками и супом, потом за Валечкой. С ним и Трубниковым обедали на place de Victoire[5] у Victor'a в хорошем, маленьком ресторанчике, где надо было ждать очереди. Сидели мы долго, почти до 11 и болтали. Потом на taxi на rue de Lappe. Улица грязная, старинно парижская. Масса танцулек, но публика валит только в две из них, специальные. Давка, маски уродливые и гротескные. Кое-что молодо и соблазнительно. Мы были в двух, переходя из одного в другой – в одном были два раза. Встретили Lucienne'y Mejeau. Она танцевала и понравилась меньше, уж очень плохо сложена, коротконожка. С Трубн. говорила "дама" в пижаме и накрашенная – "полезная", как он сказал. Очень все забавно, настоящее веселье и уж такой Париж. Кепки, шарфы вкруг порога, апаши и господа. В métro возвращались домой веселые, шумные молодые ряженые – сегодня ведь Mi-Carême. Они пели, кричали. В час ночи я был дома и поговорил еще с Генриэттой, вернувшейся из концерта еще нового еврейского виртуоза из России, пианиста. Долго не мог заснуть [несколько слов испорчено].

12 марта, пятница

Вчера, оказывается, к нам заходила вся семья Бенуа. В.О. показал им мои портреты – будто они понравились. Утром записывал в этот дневник за два дня.

1 *Легка (франц.).*
2 *Речь идет о книге Les livres du second rayon (1925).*
3 *Так в тексте.*
4 *Препятствующих обстоятельствах (англ.).*
5 *Неточность – такой площади в Париже нет. Возможно, имеется в виду rue de Victoire.*

Читал Henriot. Завтракал дома. После ходил на rue Vaugirard к Jacob'y за моей гуашью "Фейерверк". Купил до дороге для Мифа три открытки [с] R. Valentino и Harry Lloyd'ом. Оттуда проехал за Генр. и Роз<ой> Гр. в лавочку. Пили кофе у Weber'a, был и Сер. В. Каминский. У Вебера встретил и сказ<ал> несколько слов Анспаху. Скучная эта Роза и бабы "вообще". Прошелся с ней и узнал от нее, что Morgan'ы – молодожены, и трое детей – не его. Пешком до Kodak'a, но он был закрыт. Домой. Читал. Вечером дома, очень усталый. Читал Nouvelles littéraires, в 12 л<ег> спать.

13 марта, суббота

Встал в 8. Письмо Мифа с Ан<ютиной> открыткой. От Raymonde'ы – нет. К 10¼ поехал на rue Erlanger, 70 к Jacomet, заведение воспроизведений. Там меня ждал Kahn (Trianon). Jacomet показывал свои работы, великолепные. Оттуда на Castiglione к Kodak'y. Фотографии вышли недурно. Пешком домой. Завтракал с Гиршманами и Катер. Берлин дома. После пошел в Grand Palais на выставку Les Indépendentes за 30 лет. 30 больших зал, и, думаю, не одна тысяча картин. С двух [часов] почти за 5-ти. Я жестоко устал, и посл<едние> комнаты обошел бегло. И главное, кажется, видел. Представлены все главари: Cesanne (цветы – nature morte очень красивый), Van Gogh (рваные сапоги[1] и др.), Bonnard, Vuillard, Pissaro, Marquet (чудесные вещи), Derain, Guerin, два Rousseau, Vilette (старомодный, но элегантный)[2], Vallotton (пейзаж и его собств<енный> портрет), Signac, Seurat, Matisse (прескверный), Ronot, Зуолага (красив<ый> портр<ет> тореадора). Много забытых, но очень хороших художников и много таких, о кот<орых> я слыхал, но не видел A<l>f<red> le Petit (nature mortes старинного типа), Braquavale, Henrit Moret (пейзажи à la Cl. Monet), Lucien Ott, Caillaud, L. Vallée, Benoni-Auran, A. André, Briandeau, Deltombe (вроде Сезана, но лучше), Lucie Cousturier, Andre Barbier, Bottiger (белая лошадь, этюд), Rene Juste, Guillaumin, Urbain, Maufra, Lempereur, Bern<ard> Boutet de Monvel, Boyd, Gabr<iel> Belot. Среди них много превосходных пейзажистов. Отвратительны экспрессионисты, кубисты и др. модернисты. Из русских Шагал – мерзкий, и безвкусный Тархов. Общее впечатление: утомительность, однообразие и ненужность этих бесчислен<ных> картин. Зашел в bistro на r<ue> de Bourgogne выпить кофе. Домой около 5. Письма от R<aymonde> нет, и я несколько огорчился. Болезнь? Перемена адреса? Нежелание меня видеть?

Но письмо от него пришло – я его получил часов в 6. Он был болен, переехал и письма моего не получил. Я ему сейчас же ответил, назначил свидание на понед<ельник> или вторник. Обедал дома и сейчас же уехал позировать Серебряковой. Около 2 часов сидел. От электричества устают глаза. Она болтала, сплетничала. Показывала прелестный пастельный этюд nu с ее племянницы, Евреиновой. Домой к 12 часам.

1 *Очевидно, имеется в виду работа 1887 г. "Пара ботинок".*
2 *Так в тексте. Возможно, речь идет о Pierre Adolphe Valette (1876—1942).*

14-го марта, воскресенье

Утром дома читал H. Beraud “Moscou”[1]. После завтрака поехал к Рахманиновым. Застал одну Ирину Серг., Танечки не было дома. Был у нее час. Официально любезна, но я почувствовал, что она мне не рада, ничего сердечного и простого. К 4-м дома. У Гени сидела Т.Ф. Рябушинская и марионеточная Сазонова. Потом пришла сестра Маклакова – старая дева и дура, кажется – и я ушел читать Beraud. Приходила еще позднее mme Кестлин, довольно приятная дама. К 7 ½ за Валечкой, который в мое отсутствие приезжал приглашать меня вместе обедать. С ним за Трубниковым в Jardin des Plantes – за ним и его новым знакомым Гол., которые нас звали остаться, но мы сейчас же ушли в ресторанчик Decottet напротив Halles au vin. Долго ждали места. Получили его наконец около пышной блондинки лет 45 и некрасивого господина лет 40-ка. Они оказались – т. е. она – очаровательной, умной и прекрасной causeuse'ой[2], голландкой, жив<ущей> двадцать лет в Париже. Трубников был как аббат XVIII века, épat'ировал ее. Разговоры о ресторанах и ее местах, о Голландии и их королеве, и мн<огом> др<угом>. Она совершенный Jordaens. Мы их угостили вином и fine[3]. Расстались друзьями, но sans lendemain[4]. Он, говорит Валечка, наверное, ее любовник, но ramolli, что, верно, у него б<ольшой> х<уй>. Он много молчал. Оттуда уже около 11 ч. с Валечкой на бульвар к Viel'ю, пили Vichy и ждали, не пройдет ли Gui. Оба мы хотели ее. Дома дочел книгу Беро. Интересная и беспощадная. Долго не засыпал: эротические мечты, Раймонда и т. д.

15 марта, понед<ельник>

Писем нет ни от Раймонды, ни от Morgan'ов, и mrs Pitts не известила, приехала ли она. Неужели я неделю без дела?

Написал письма Анюте, Мифу. Выходил утром, чтобы купить «Mes poisons» Saint Beuve'a. Начал читать их. После завтрака ходил на ту сторону Сены – занес Moscou Поповой – ее в магазине не было. Потом на минуту в лавочку Гиршманов и домой. Поспал. Вышел выпить кофе в bistro. Читал до обеда St. Beuve'a. Очень много интересных и действит<ельно> ядовитых заметок о его современниках. Письма от Райм<онды> не было. Обедал у нас С.В. Каминский. Пили невкусное сладкое шампанское, ненастоящее. К 9½ был у Серебряковой, позировал ей. Она как всегда много сплетничала. Домой к 12 ч. и, почитав немного, заснул.

16 марта, вторн<ик>

Письма от Raimond'ы не было. Пришла Зина Серебр. поправлять портрет Г. Леон. Я переоделся и стал рисовать ее профиль. Часа два рисовал, она очень двигалась, и у меня ничего не вышло; Зина, по окончании сеанса, увидев, что стало хуже, все стерла. Завтракал с ней и М.Я. Берлином. Бегал телеф<онировать>

1 *Речь идет о вышедшей в 1925 году книге Ce que j'ai vu à Moscou.*
2 *Болтушкой (франц.).*
3 *Шампанским или же хересом fine (франц.).*
4 *Здесь – без расчета встретиться вновь (франц.).*

на почту mme Pitts – завтра она мне позирует. Читал St. Beuve'a. Ходил на rue Bonaparte к Blanchet за essence de pétrole. Пил кофе у Deux magots. Домой и читал Mes poisons. После обеда позировал Серебряковой. Вызвали Зилоти, и он говорил о красках и жидкостях.

17 марта, среда

В 8 ч. разбудил меня serrurier[1], пришедший отворять бюро в соседн<ей> комнате. На душе скверно из-за волнения – сегодня пишу портрет Pitts. От Райм. нет письма – тоже волнение. Точно у меня было предчувствие: работал отвратительно – рот – и пришел в отчаяние. За завтраком была веселая Е.Д. Шаховская за кот<орой> пришел красивый Riviere, ее жених. Я опьянел от коньяку, шел домой во хмелю и хотелось плакать. Лежал удрученный на диване, [несколько слов испорчено]. Мыл платок, читал Les poisons[2] и пил кофе у bistro. К 8 за Валечкой – он у Бернарда, и торопился ехать на деловое свиданье. Мы пообедали вместе, говорили о романтической эпохе, Готье и St. Beuve'e, и друг<их> их современ<никах>. По поводу наших чтений: я – Poisons, он – souvenirs E. Feydeau о Готье[3]. Потом о Guy и Raymond'e. Я один прошелся по бульвару и к 9½ домой. Читал Journal intime de Marie Bashkirtseff, а Гиршманы играли в карты. Лег в 12, проспал немного, потом проснулся и долго не мог спать – мысли о портрете, о моей безнадежности мучили меня.

18 марта, четверг

Опять солнце, как и вчера. Письма из деревни – от Мифа, Елены и Анюты. Писал mme Pitts. Сегодня лучше, чем вчера. Она видели и довольна. Приходила во время сеанса ее тетка, старая девица. Завтракали втроем. Показывал им Hubert Robert'a, но они его не взяли. От них заходил в лавочку, но там никого не было. Домой. Написал письма Елене-Жене, Анюте и Мифу. Ходил на почту отправить Елене Jeanne d'Arc Delteil'я. Ходил пить кофе к bistro. Снес поправить старые сапоги. Обедал дома. Ходил на телефон звонить Самойленко: она дома и я пошел к ним. Фатьма лежала усталая на диване. Был у них Ив. Щукин и приходил безобразный старик Изнар (отец mme Vaquier) ненадолго. Все были рады, когда он ушел. Болтали, смеялись и т. д. В 11 я ушел и пешком – домой.

19 марта, пятница

Пришло письмо от mr Morgan. Хотят масл<яный> портрет и начало его [назначено] на 20 апреля. Это меня устраивает. Написал записку Раймонде. Сеанс. Писал нос: неважно и по рисунку, и по краске. Видели и не критиковали, т. к. сказали, что она красивая. Пришла к завтраку Шаховская. Были блины, изготовленные тетей Олей, которая завтракала тоже. Довольно милая особа. После я ушел домой. Долго пел Шуберта. Читал Cahiers intimes Башкирцевой. Ее роман с графом Larderel в Неаполе, не кончившийся ничем. Довольно интересна

1 *Слесарь (франц.).*
2 *Так в тексте.*
3 *Речь идет о книге Эрнеста Фейдо Théophile Gautier, souvenirs intimes.*

эта праздная монденная жизнь. Башкирцева пока мне не симпатична, но ей всего семнадцать лет. Обедал дома, потом поехал позировать Зине Серебряковой. Она рассказывала как пишет фр<анцузскую> графиню при ее муже и его лакее. Рассказывала еще о Вере Фокиной, как она хамила и скандалила, и после моих уговоров Зина показала мне фотографию этого портрета Фокиной: действительно, он не хорош[1]. К 12 домой, и в постели читал еще Башкирцеву. [Несколько слов испорчено].

20 марта, суббота

Вчера я, наконец, получил письмо от Morgan'ов, согласны на масл<яный> портрет, но с 20 апреля. Просят телефонировать, что я сделал и сговорился видеть их в понедельник. Сегодня солнце и чудесная погода. Сеанс. Писал теневую щеку. Им нравится. Завтракал у них толстый большой Уваров. Е.С. его почему-то не любит. Зашел к Валечке, сговорились быть у Лиона в 8 ч. Потом в магазин Гиршмана – поболтал с Каминским, пригласил его на будущую субботу обедать с Гиршманом к Графу[2]. Домой. Разбирал и пел английскую тетрадь John Blow'a и Purcell'a. Пил кофе в bistro. Читал Gide'a «Les Faux-monnayeurs», очень интересное начало. К 8 у Lion'a. Обед: свежая икра, ленивые щи со сметаной, рябчик в сметане с красносмородиновым желе, сладкий торт, vermouth, белое и красное вино, champagne Veuve Galien. Скучно: все те же разговоры. Raoul на побегушках (он, между прочим, сам de son gre[3] заходил днем – меня не было дома – на 27 Cas<imir>-Perier меня приглашать), комплиментировал, целовал руку и т. д. Лион говорил, что всю неделю он, Рауль, говорил обо мне. Потом пришел девятнадцатил<етний> смазливый и веселый Jaqui (Жаки) [четыре строки испорчено]. Около 12 уехали; они звали нас в кабаре, но мы отказались. Они развезли нас по домам. Мне было и скучно, и грустно. Дома почитал еще Gide'a. [Несколько слов испорчено].

21 [марта], воскр<есенье>

Письмо от Мифа и Анюты, довольно веселое – описание поездки в Царское село. Ходил телефон<ировать> Глобе, который через Стелецкого и Аргутинск<ого> просил меня снестись с ним – какой-то Лошаков хочет заказать мне костюмы для кинема. Говорил с ним, Глобой: оказывается, у него ко мне какое-то дело, он здесь затевает худож<ественный> институт. Сегодня яркое солнце, но холод, и ветер такой, что хуже зимы. Около 12½ зашел за мной Валечка. Вместе с ним к Трубникову в его отель Quatrefage. У него долго сидели, болтали. Он занят своей якобы cristalline[4]. Показывал мне две табакерки Petitot (Louis XIV) и две книги Les Malheurs de Sophie с илл<юстрациями> Brissault и забавную Les

1 Вероятнее всего, именно этот портрет был продан 21 апреля 2005 года на нью-йоркских Русских торгах Sotheby's за $688,000; на середину 2011 г. – это пятый результат для работ художника. В в посвященной портрету заметке каталога утверждается, что, возможно, работа была написана «около 1930 года». Дневник Сомова позволяет пересмотреть датировку этого холста.

2 Речь идет о brasserie Graff неподалеку от Moulin Rouge, где Сомов неоднократно бывал.

3 По собственному желанию (франц.).

4 Хрустальной (франц.). Вероятно, речь идет о личной жизни Трубникова.

Boutiques. Дал мне прочесть домой Men and boys, New York 1924[1]. Поздно завтракали у Decottet на rue des Fossés-Saint-Bernard. Довольно вкусно. Болтали приятно, и, конечно, на любимую тему. Гулять из-за холода не пошли, я поехал домой. Гости: Милиоти, (была Пархатка и разглагольствовала), М. Дм. Берлин, пошло хвалившая мои вещи, mlle Варшавская, Юрий Черкесов, с кот<орым> я долго говорил о книгах и издателях. Смотрел и любовался его молодостью и миловидностью.

Обедал дома; к сожалению, была и Ида Ис. Сейчас же уехал к Зине позировать. К 12 домой, но мне не отворили и я пошел к Леонам, где и Вл.О., и P. Leon. Пил там чай и немного болтал. На ночь прочел немного из романа Gide'a. Спал отлично.

22 [марта], понед<ельник>

Утром до моего отхода приходила З. Серебр. рисовать Генриэтту, а я [пошел] на сеанс. Написал века и два глаза, стало живее. Она очень довольна и все время гов<орит>, что я льщу ей. Пришли Е.Д. Шаховская и Jean Riviere, очень красивый, молодой и стройный, с голубыми глазами и темными волосами. Она тоже чрезвычайно хвалила портрет – стало быть публике будет нравится. Завтракал у них и сейчас же, без кофе и fine'a, на taxi поехал к Morgan'ам. Видел еще его мать, скорее приятную старушку. Выяснил позу и освещение – выбрал я красиво их. Взял размер холста по одной из их боль<ших> гравюр. Уехал на Opera в Westminster bank – сегодня я попросил Е.С. о внесении мне нек<оторой> суммы, она чрезв<ычайно> охотно согласилась, даже сказала, что и сама об этом думала. Получил я 7½ т<ысяч>. Заходил в лавку, никого не было. Говорил с [неск. слов неразб.], кот<орый?> предлагает мне бинокль за 25 фр. Пил кофе у Вебера. В лавочку за моей картиной (девушка в голубом с собачкой в вечерн<ем> пейзаже), которую я обменял на хламную гуашь Ассу. Домой. Pneumatique от Валечки – назначил для меня во вторник Guy'я. Я ему написал благодарность. Отправлял на почте L'Escalier d'Or Елене.

Читал Gide'a. Обедал дома. После обеда сейчас же первый урок испанского языка, преподает señorita ...,[2] довольно молодая брюнетка. Учимся: я, Генр., Катя, Андрюша, молодая Леон и ее брат. Уроки по системе Берлица. Учительница очень хорошо и ясно говорит. Нам, русским, легко. Прошли четыре урока из Primeros pinitos[3]. Потом мы с Генр. смеялись над нек<оторыми> словами: esdrújulo, pizarra[4], [неразб.]. и др. В 10 ч. с Генр. и Вл. О. пошли в ближнее бистро, пили кофе, а В.О. поиграл в рулетку. Лег спать рано.

1 Men and Boys: An Anthology. Составленная Эдвардом Слокумом (под псевдонимом Эдмунд Эдвинсон) антология уранической поэзии. Переиздана в 1978 году.

2 Пропущено.

3 Первых шагов (исп.).

4 Слово с ударением на третьем слоге от конца, доска (исп.).

23 марта, вторн<ик>

Встал в 8. Писем нет. В bibliographie[1] Nouvelles litt<éraires> прочел о выходе книги G. Villars'a «La Vie d'un prince allemand au XVII s<ièсle>, и, выйдя, на сеанс, заказал ее в книж<ном> магазине. Сеанс: писал и кончил лоб. Приходила симпатичная тетка Ольга Мих. и ее красивая служанка Carmen – жена красивого Рафаэля; мой портрет нравится – обе хвалили. Ел.С., кажется, очень им довольна. Завтрака у них не было и я пешком пошел к Веберу. Выпил кофе и съел сэндвич с ветчиной. Оттуда на métro к Blanchet – заказал холст для порт<рета> mrs Morgan. Купил себе открыток – diner sujet XVIII siecle'я[2], купил Kerovoze'y, medium для того, чтобы масл<яные> краски были матовые. Домой к 4 часам. Уже легкое волнение из-за danse de St. Guy[3] вечером. Чувствую себя скорее dispos[4]. К 5½ пришел А.В. Лошаков, маленький, старенький пожилой человек заказывать мне рис<унки> костюмов для постановки в cinema «Casanova в Петербурге» – я сказал, что занят, и что зависит от сроков и числа костюмов; [он] обещал меня известить. Потом долго говорил о живописи, о Званцевой и школе, [в] которой во время Серова [он] был, смотрел мои вещи, портреты и возносил их чуть ли [не] до небес. Скучный персонаж, в общем, и очень наивный – из Чехова. Обедал дома. Потом читал Gide'a. После 10-ти ушел к bureau de poste[5] около Madeleine'ы. On m'a pose un lapin[6] я прождал 35 м. [Более 25 строк испорчено]. К Веберу в волнении и в ярости на самого себя. У Вебера долго не подавали кофе и я ушел. На métro домой. Читал еще Gide'a. Отвратительный осадок: главное, моя глупость и безвкусие. Валечка не обедал со мной из-за приезда Дягилева.

24 марта, среда

Письмо от Мифа. Сеанс. Писал горло, покрыл грудь, но стер потом – не понравилось мне. К завтраку была старая Ка<терина> Св<ятополк>-Мирская и ее дочь Ольга. Это мать и сестра Дм. М<ирского>, что в Лондоне. Перед завтраком приходил на 10 м. красивый и симпатичный Jean (Riviere). Рассказывал о своей ране в ногу на войне. До сих пор она у него болит. После завтрака – домой. Зашел купить книгу «La Vie privée d'un prince allemand au XVII siècle'e» Gauthier-Villars'a. Читал Gide'a до 5 часов. Пошел на b<oulevard> Raspail, купил ректифир<ованного>[7] скипидару Duroziez, потом, на rue de Seine, открытые письма – материал для Manon Lescaut. У Deux magots выпил кофе. Домой. Читал Gide'a. Наспех пообедал, с нами была Оля Полякова из London'a проездом в Италию – некрасивая и неприятная в обращении[8]. Поехал к 8½ к Билибину, у него мастерская громадная на b<ouleva>rd Pasteur. Он и его жена Щекоти-

1 *Библиографии (франц.).*
2 *Обеденные темы XVIII века (франц.).*
3 *Пляски Святого Витта (франц.) – Сомов обыгрывает имя своего будущего любовника Guy, иронично сравнивает секс с характерными движениями больного хореей.*
4 *Бодро (франц.).*
5 *Почтовому отделению (франц.).*
6 *Мне подложили кролика (франц., идеом.) – т. е. не явились на свидание*
7 *Т. е. ректифицированного.*
8 *Так в тексте.*

хина, Шервашидзе и, потом, Шухаев. Говорил о нашем участии на выставке Salon d'automne или о самостоятельной коллективной выставке мирискусников. Я сказал, что не собираюсь пока выставлять. Домой к 10-ти и кончил книгу Gide'a Les Faux-monnayeurs. Очень она интересна, хотя много длиннот и скучные élucubration'ы[1] Edouard'a (т. е. самого Gide'a). Отлично описано самоубийство Бориса. Потом записывал в эту тетрадь. Написал сег<одня> опять записку Раймонде. Какой она мне кажется прелестной от контраста со вчерашней стервой, в особенности! Сегодня Катерина Берл. (у нас) рассказывала мне о книге Harris'a «My life»[2], в которой откровенность идет до последних пределов, но достать ее мне не может[3]. [Несколько слов испорчено].

25 марта, четв<ерг>

Встал часов [в] 8½. Повторил испанский урок. Написал записку Kahn'y. Погода сегодня чудная, теплая, деревья окутаны легкой зеленью. Сеанс: писал грудь, и не очень плохо, хорошо, что стер ее вчера. Все довольны. Некоторое время с нами сидела и разговаривала старая тетя Е.С. Ольга Мих. Попова – с юмором и с милой насмешкой над самой собою. Е.С. опоздала, т. к. у нее драма: ее собаки – пекинез и сучка-грифон, уже старая – случились, как их ни оберегали. Виновница недосмотра – собачья гувернантка, девица 25 лет. Она была в большом огорчении, вся красная, и, по-видимому, плакала. Е.С. рассказала, как все случилось во всех подробностях. Собак долго не могли разлучить и по совету Рафаэля понесли уже в ванну, но тут они расцепились. Е.С. рассказывала об этом все утро, полукомично-полусерьезно. За завтраком ели рис с сушен<ыми> грибами и шукрут с сосисками, колбасками и bacon'ом[4]. Я немного напился пьян коньяком. Заходил еще Уваров, ему тоже была рассказана собачья история, тем более что он – бывший хозяин Mirette'ы. Пошел в лавку Поповых показать и продать маленькую охотницу франкеталь[5]. Оставил ее у нее. Она была одна и чрезвычайно любезна. Я соблазнился дешевизной двух белых фигур – венецианскими Ginori или Doccia и купил их (300 ф.). М<ожет> б<ыть>, займусь перепродажей их, почему и мне не поантикварить? Пешком домой. Развернул фигуры и поставил их на секретер Louis XV – они очень красивы, Арлекин и Коломбина. Обедал дома, рядом со мной сидела отвратительная Ида Леон. Обедали еще Поль, его жена и Ольга Полякова, дочь Ксении. Поехал на сеанс к Серебряковой. Рисовала руки, но не показала мне и сегодня. Мучительная для нее самой особа. Сплетничала про Шурочку Б<енуа>, Коку, Ив. Вышеградского[6], графа, жену которого рисует, про Марфу Тройницкую, у которой любовник-студент. К 12 часам домой. Дочел первый том Cahiers intimes Башкирцевой.

1 *Измышления (франц.).*
2 *Речь идет об автобиографии Фрэнка Харриса My Life and Loves.*
3 *Возможно, это связано с конфискацией французскими властями второго тома автобиографии и запретом на распространение книги.*
4 *Беконом (франц.).*
5 *То есть производства фарфоровой мануфактуры саксонского города Франкенталь.*
6 *Очевидно, Вышнеградского.*

26 марта, пятница

Сеанс – последний перед отъездом Е.С. Дописал кое-как грудь и бусы на ней. Стал писать фон и замазал часть bergère'a. Пришла Е.Д. Шаховская к завтраку, а раньше сидела О.М. Попова (тетушка), показывала шарфы из мастерской Krivouts'a. Шаховская восхищалась портретом, Е.С. тоже. А, по-моему, без кривлянья, очень посредственно. Е.С. говорила даже, что по-видимому, одна англичанка закажет мне портрет – она ей показала этот в неок<онченном> виде. После завтрака, наконьяченный, писал еще фон. Завтра буду писать без нее. Пешком к Поповой в лавку их. Она мне дала за фигуру Мефодия – 400 фр., очень хорошую сумму. От нее на rue Campagne Première к Кану. Туда пришел и Шура Бенуа, сделал вид что обрадовался мне, упрекал и приглашал в Версаль. Кан бесконечно много говорил. Когда Шура ушел, мы подписали условие в двух экземплярах. Пил кофе в Deux dômes. Домой. Урок исп<анского> языка отменен. После обеда читал исп<анскую> грамматику, а потом Nouvelles littéraires. В 11 ч. с В.О. пошли пешком – была чуд<есная> ночь – к Weber'y и там ели zazou, я кофе еще. Zazou – большой сандвич – крутон, на который наложен tutti frutti, мелко наструганные ветчина яйцо, сельдерей, томаты, огурцы, шампиньоны и все в mayonnaise'e. Домой пешком, слушая скучные разговоры В.О. о всяких пустяках мне неинтересных. [Несколько слов испорчено].

27 марта, суббота

Сеанс начал в 11 ч. Замазал остаток дивана. Потом тетя Оля села вместо Е.С. с собачкой, которую я начал писать. Потом писал одну собачку, сидевшую на диване спокойно. Потом села Е.С. с собачкой – Миретта зовут ее. Mr Pitts, когда пришел, очень хвалил ее и сказал, что я даже um animalier[1]. Заходил на минуту Бушен, но Е.С. к нему не вышла – нелюбезно! К завтраку пришел Дм. Св<ятополк>-Мирский, борода и волосы у него подстрижены. Не нравится мне его conceit[2]. Я его – по поводу его нового журнала – упрекнул в пропаганде Марины Цветаевой и других, кот<орые> пишут на отвратительном русском языке и [к тому же] трюзмы, но он не daigna[3] об этом говорить. После завтрака я мыл в ванне кисти [шесть строк испорчено]. От них пешком к Г<иршма>нам в лавочку, по дороге купил себе Manon Lescaut изд<ательства> Garnier с илл<юстрациями>, плохо отпечатанными T. Johannot. Подарил Генриэтте купленный у тети Оли платок, напечатанный разноцветными квадратами – он ей понравился. Домой. Взял ванну. Написал письмо Лизаньке Михайловой – послал ей сегодня книгу. Потом ходил к Coute за сластями для деревни. Кроме того, у Карпова заказал сухих грибов, икры, огурцов соленых и три черн<ых> хлеба. В 8 ч. за нами зашел С.В. Каминский и мы вчетвером поехали к Graff'y около Moulin Rouge'a. Обед: я ел potage rose en tasse avec du fromage cape, soupe à la Graff, cèpes grillées[4] и апельсин. В.О. и С.В. ели еще устрицы, мясо

1 *Анималист (франц.).*
2 *Самомнение (англ.).*
3 *Соизволил (франц.).*
4 *Розовый суп в чашке с сыром кап, суп а ля Графф, жареные белые грибы (франц.).*

и блинчики. Поставил две бутылки шампанского Piper et Hedsick sec и brut. Белое вино. Стоило это мне 220 fr. Они все были довольны. Разговор не очень оживленный, В.О. все время острил довольно пошло. Генр. была красива и молода как редко. В 11 ушли и пешком до Weber'a. Разговор у меня с ней не клеился, рассматривали вывески ночных учреждений. Довольно живописно.

У Weber'a пили еще кофе, а В.О. жрал еще. Подсели к нам пришедшие к Weber'у же P. Leon и бар<он?> Нольде. Вяло и скучно, я очень хотел домой. Пошел дождь. P.S. Бессонница. Решил разобрать свои вещи и уложить на дорогу. Лег около 5 ч., когда уже стало светать.

28 марта, воскр<есенье>

Письмо от Раймонды. Оказывается, вчера ждала меня в 4 часа: из St. Ouen'a до Парижа письмо шло около двух дней! Я ей ответил, объяснил и дал свой дерев<енский> адрес. Ездил к Pitts'ам (они уже уехали), за пакетиком с petrole pour peinture. Написал записку Валечке на тот случай, если бы он пришел после моего ухода. Но он едва ли поедет со мной в Tillieres. Поехал на поезде, Валечка не пришел.

По дороге читал испанскую грамматику. Приехал за мной Михаил, поправившийся и потолстевший. Миф встретил уже дома, очень толстый. Сейчас же стал есть икру и все прочее, что я привез. Погода хорошая и тепло. Разбирал свои вещи. Болтали и рассказывали друг другу. Меня ждали письма от Анюты и сорри[1] Полоцкой Елизаветы – она не приедет в Париж. Лежал на диване в полудреме. Лег в 10½ ч.

29 марта, понед<ельник>

Утром туман, потом небольшой дождик. Втроем поехали в Verneuil на базар. Я обошел по валу, на кот<ором> устроена променада, весь город (три четверти его, вернее). Заходил [в] церковь Notre Dame и вышел на базарную площадь. Встретил старшего Горностаева, приехавшего из St. Germain'a. Поговорил с ним. Я купил Мифу в подарок шерри-бренди. Домой. После обеда переносили мою кровать в большую комнату, которую мне предложили. Около печи читал второй том Cahiers М. Башкирцевой. [Строка испорчена]. Во время ужина и после опять читал Башкирцеву, потом просмотрел газету. Сегодня еще письмо от Анюты.

30 марта, вторник

Утром поехали втроем в Damville. Там базар и foire'a. Мелкий дождь, слякоть. масса народа. Выставка автомобилей, полевых орудий и т. д. Долго болтались. С Мифом заходили в готическую церковь. Пили кофе в маленьком кафе. Видели две-три соблазнительных фигуры и [столько же] лиц. Домой к часу. После обеда читал и кончил вторую Cahier intime Башкирцевой. Потом стал читать Manon Lescaut с целью иллюстраций, отчеркивал то, что нужно. Прелестный

1 *От англ. sorry — извинение.*

роман: странно, последний раз что я его читал лет 5-6 тому назад, он мне показался вялым, бесцветным. А теперь совсем другое впечатление. Это в третий раз в жизни я его читаю. Вечером читал опять.

31 марта, среда

Солнечный изумительный день. После кофе гулял два часа. Везде молодая зелень, много цветущих кустов. Ходил в сторону деревни Roumain (?)[1]. К половине 12-ти дома. Письмо от Вальполя. Едет на Majorque'y [?] и на обр<атном> пути, м<ожет> б<ыть>, будет в Париже. После обеда сидел на солнце около дома. Читал старые номера Nouvelles littéraires. Потом The New criterion, присланный мне Вальполем. Вечером читал испанскую грамматику.

1 апреля, четверг

Изумительный день. Утро провел читая исп<анскую> грамматику. После обеда читал газету: полемика между митр<ополитом> Евлогием и фр<анцузским> кардиналом [неразб.] и статья Трубецкого. На солнце так жарко, что сидел в одной рубашке и уже загорал. Миф и Миш<ель> уехали отвозить битых кур на станцию, стал писать письмо Анюте. Читал испанскую грамматику и после ужина. Ночью в постели начал A. Maurois «Меїре»[2].

2 апреля, пятница

Опять чудный день. На воздухе в широкой солом<енной> шляпе – вчера мне солнце ожгло лицо – читал Меїре. После обеда вскоре я ее кончил. Прелестная книга – только ненужное и невкусное предисловие. Прочел ее с увлечением: о Гете, о mrs Siddons и ее двух дочерях и художнике Lawrence'e, и о неком Lecadieu, которому испортила всю жизнь одна сцена из пьесы Бальзака «La Femme abandonnée» (я ее недавно читал). После обеда прочел газету «Возрождение», стал читать «Confessions d'un jeune anglais G. Moor'a» и до конца вечера читал его.

3 апреля, суббота

Опять чудный день. С почтой пришли две книги от Вальполя – Old Ladies и Portrait of a Man with Red Hair. Все утро изучал испанскую грамматику. Не скажу, чтобы хорошо, но очень занимательно. От 2 ч. до 4 писал маслом портрет Мишеля. Красиво освещен и отлично позирует. Я работал отвратительно! Способ писать на petrole'e очень не удобен – ничего не выходит, к тому же не справился сразу с его лицом. Страдал. Начал читать о красноволосом человеке и до ночи не мог оторваться — так интересно!

4 апр<еля>, воскресенье

С утра читал роман Вальполя. Погода ветренная. С 2 до 4 второй сеанс. Опять ничего не вышло. Опять страдал. Перемешал керосин с huile de lin – и эта жид-

1 *По всей вероятности, Roman в пяти километрах к северу от Grandvilliers.*

2 *Речь идет о книге 1926 года Меїре ou la Délivrance.*

кость неудобна. Потом читал до темноты Вальполя и кончил книгу. Последняя часть ужасна по безвкусию, грубости, претензии и умничанью. И нет естественности и [при этом] отсутствие чувства меры. Хороши в книге описания и атмосфера места – морской городок Treliss. Но как он по-старинному сентиментален! После обеда начал второй его роман. Он начинается очень хорошо, и, по-видимому, будет много лучше первого. Неудача работы меня расстроила на весь день. Боюсь уже парижского échec'a[1]. Сегодня франц<узская> пасха, но она ничем не проявилась в наших краях, в поле работали как каждый день.

5 апреля, понед<ельник>

Встал в 8 ч. В плохом настроении и головн<ой> болью. После кофе читал Old ladies до обеда и до сеанса. От 2½ писал Michel'я, вернулся к смеси huile de lin и скипидара. Работал гадко, со злобой на свою немочь. После сеанса читал и кончил Old ladies – была бы хорошая книга, если бы не сладкий счастливый конец в духе английских романов. Вообще Walpole может истинно нравится [только] наивным читателям, несмотря на блестящие иногда его достоинства.

День сегодня пасмурный. Болит голова — перечитал! Вечером начал читать «Гамлета» во фр<анцузском> переводе, издат<ельство> Trianon с илл<юстрациями> Delacroix, очень смешными и наивными. Как великолепен «Гамлет», даже в переводе!

6 апр<еля>, вторник

Молодые уехали в Damville. Я читал исп<анскую> грамматику. Почта привезла письмо Анюты, открытку от Е.С. Питтс (не приедет раньше 20-го). Читал ру<с>ск<ую> газету об открытии зарубежного съезда – пока одни словеса[2]. После обеда двухчастный сеанс: портрет Мишеля (работал отвратительно). Ходил к mme Petit смотреть щенков родившей Дианы – видал одного, жалкого, слепого. Она их всех убивает. В сумерках начал сочинять Генр., кот<орая> написала мне сег<одня> письмо – испанское письмо. После обеда я его несколько раз переписывал, все усовершенствуя. Не знаю, [наверное] испанцу это письмо показалось бы галиматьей. Потом, немного поболтав с jovenes'ами[3], лег спать.

7 апреля, среда

Дождь, но скоро стало поясняться. Читал исп<анскую> грамматику. Написал письма Анюте, Валечке (приглашение приехать к нам в субботу). Ранний обед и к половине 1-го все поехали в Damville: jovenes – к зубному доктору, я – стричься. Потом со мной покупали снедь. Домой к 2 часам. Нашли письмо от Анюты и от Карганова, который просит прислать ему всю его мебель. Так что у нас опять будет хижина, а не палаццо. Пили чай с земляничн<ым> вареньем. Потом я стал писать Михаила. [Писал] часа полтора. Все еще очень плохо. Стал

1 *Провала (франц.).*
2 *Речь идет о проходившем в Париже Российском зарубежной съезде – съезде русской эмиграции.*
3 *Молодыми (франц.).*

читать «Confessions» G. Moor'a – мне не очень нравится, неприятная личность и, местами, очень скучно. И большая претензия, выставление себя на показ. Вечером опять читал его. Перед тем как заснуть – [неск. слов испорчено].

8 апреля, четверг

Холодновато и пасмурно, ветренно. Читал «Confessions» G. Moor'a. Пришли письма: от Анюты, Димы и его Женечки, от Ирины С. Волк<онской>, пересланное Генриэттой, с приглашением на чай с какой-то интересующейся мной дамой, письмо от Елены и от Wardwell'я сообщение о решении Grabar'я, Трояновского и Сытина отказать Гришковскому тысячу долларов и передать их Дубровскому[1]. Кончил записки Moore'a. Несимпатичный он. Парадоксист, снедаем честолюбием. Сеанс после обеда. Писал нос так ужасно, что стер его, потом стер скипидаром почти все лицо. Пришел в отчаяние. Читал газету, немного дремал под периной, т. к. мне стало холодно. Обед, а после него, у топящейся в моей каморе печки, немного занимался исп<анской> грамматикой, а потом дочел первое де<йствие> «Гамлета» на франц<узском>. Перевод хорош только в редких местах. Жаль, что здесь нет оригинала. Получил сегодня еще каталог с илл<юстрациями> выставки Erte (Romain de Tirtoff) у Charpentier: предисловие C. Mauclair'a с трехэтажными похвалами ему! А художник – величайший пошляк, скверно рисует и очень глуп, по-видимому. [Одно слово испорчено].

9-го апр<еля>, пятница

Солнце, и у меня хорошее настроение. Начал читать Pater'a «Marcus the Epicurean»[2]. Письма от München'ского общества — приглашают выставить три-четыре вещи. Я не пошлю. Написал ответ Волконской. После обеда сеанс исправлял рисунок всего лица. Стало чуть-чуть вернее, но все еще отвратно. Потом читал опять Marcus'a. Легли спать рано, после 9 часов.

10 апреля, суббота

Солнце. На воздухе читал Pater'a, газету. После обеда сеанс, писал нос с величайшим трудом, вышел чужой, не Michel'я. После сеанса сидел на дерев<янной> перекладинке в открытом на поле сарае и читал Pater'a. Солнце заходило красным апельсином. Pater мне не нравится – утомителен, сух, делан и страшно грузен. Бегал в лавочку, купил кр<асного> вина <Saint>- Emillion и bonbons'ов. После ужина читал франц<узского> «Гамлета». Сегодня в газете объявление о смерти отца Алекс. Федоровича Добрынина, мужа Наты Мазуровой.

11 апреля, воскр<есенье>

Написал письмо Гене. Вчера был разговор по поводу письма от желающего купить наше имение о его продаже, о ценах и т. д. А сегодня мне вдруг пришло в голову – не знаю, глупость ли это – предложить Мефодию купить его мне, т. е. заплатить ту сумму за вычетом долга в 467 д<олларов>, которую он объявил

1 *Так в тексте.*
2 *В действительности, Marius the Epicurean.*

в сентябре в объявлениях, т. е. 25 т<ысяч> [франков]. Это устраивает и Мефодия, и, пожалуй, меня. Ему не надо будет, продав, переселиться в Париж, искать места или занятия. Ему эта комбинация понравилась тем более, что он не тяготится жизнью в деревне. Мне она тоже в конце концов нравится. Порешили. Читал исп<анскую> грамматику. После обеда писал Михаила, убийственно скверно. После гулял около полутора часов по любимому месту, не знаю как его назвать. Было очень ветрено и, потому, не очень приятно. Ужинали и говорили о том, как оформить мое приобретение имения. Пошли рано спать. Засыпая, думал о своем решении и как будто раскаивался в его поспешности.

12 апреля, понед<ельник>

Проснувшись, опять думал о том же, т. е. о покупке фермы. Чудесный, ясный, но холодный день. Поехал к 10 часам в Damville к нотариусу. Он нас просил обождать, и мы пошли за покупками. Вернулись к нему, и он принял нас в своей уютной студии. Я рассказал в чем дело. Цену поставили фиктивную – десять т<ысяч>. Он поручил своим клеркам написать акт, и в это время мы разговаривали с ним, гл<авным> обр<азом> он расспрашивал нас о России, и мы не жалели красок. Принесли акт и мы его подписали, заплатили налоги 1900 фр., и все было готово, акт будет выдан мне через два месяца. Мефодий, повидимому, сильно волновался; выйдя от notaire'a[1], у него сильно дрожало лицо. Я купил две бут<ылки> кр<асного> вина, чтобы выпить – окончание дела. Не знаю, радоваться или огорчаться мне. Обуза, но т<аким> обр<азом> я выручаю Мефодия временно. Имение мне все стоит 930 дол<аров> – 26900 фр.

Вернулись домой, пообедали, я почитал газету и Marcus'a Pater'a. В 3 ч. сеанс отвратительный, но решил дописать лицо в эти дни. Читал Pater'a сидя позади дома на стуле, в то время как молодые бороздили землю на огороде. После ужина, за кот<орым> выпили две бут<ылки> кр<асного> вина (обе бутылки были вкусными), читал Marcus Epicurean. Мне он продолжает не нравится, в нем ничего нет, ни действия, ни живых лиц, масса чужого и скверно преподнесенного, напр<имер> Марк Аврелий на триумфе по возвр<ащении> из похода, в сенате публично говорит речь, составленную из его сокровенных и безнадежных мыслей, наверное написанных в уединении и тишине. Очень невероятно и, потому, безвкусно. Речь эта длиннейшая занимает страниц восемь. Написал Ан. письмо, Миф тоже. Странное чувство: сделался собственником фермы во Франции! На ночь прочел еще небольш<ой> рассказ «The Monocle» Aldous Huxley из The New criterion'a. Незначительный рассказ.

1 *Нотариуса (франц.).*

Указатель имен

A.A., Александр - см. Andréo A.
Albert — гарсон в ресторане Bernard
Andréo Alexandre – приятель Сомова, Трубникова и Нувеля
Béal' — зубной врач
Carmen – служанка О. Поповой
Cassirer Paul (1871–1926) — берлинский издатель и галерист
Coulon — друг актрисы Marcelle Denya, возможно театральный администратор или режиссер
Denya Marcelle — французская актриса
Destrem – см. Дестрем
Fleichman (супруги) — знакомые П. и Л. Леонов
Grabar — см. Грабарь И.Э.
Gui — продавец однополой любви
Jacob – рамочник с rue Vaugirard
Kahn – см. Кан
Landau — см. Ландау Е.О.
Leon Paul — см. Леон П.Л.
Lion, Lyon — см. Лион Н.
Lionel — см. Трубников А.А.
Lissim — см. Лиссим С.М.
Lucie — см. Леон Л.М.
Marés — знакомый В. и Г. Гиршман
Masson (супруги) — друзья Е. Питтс
Mich., Michel, – см. Кралин М.В.
Miff, Mifa, Miffetté — см. Лукьянов М.Г.
Morgan – см.
Nono – гарсон из ресторана Бернарда, модель З. Серебряковой
Paty — см. Животовская К.М.
Paul — см. Леон П.Л.
Petit (супруги) — парижские коллекционеры
Petit (супруги) — проживавшая в Гранвилье французская семья, соседи и приятели
Petit Ivette – старшая дочь семьи Пети
Pigosse – редактор
Quinsboury (Queensbarry ?) – подруга Г. Гиршман
Raul, Raoul — см. Рауль
Raymonde – см. Раймонда
Riviere Jean – друг Е. Шаховской
Rouchet, Rouget (супруги) – коллекционеры
Seta — см. Шувалова Е.П.
Tharaud Jérôme (1874–1953) — французский писатель
Vogel Lucien (1886–1954) – издатель

Wardwell – неустановленное лицо, вероятно привлеченное для помощи в организации Выставки русских художников в Америке Е. Сомовым или Н. Гришковским
Wasserman — см. Вассерман Д.Р.
А., Анюта — см. Михайлова А.А.
Апостол Борис Николаевич — знакомый Сомова
Апостол, mme – знакомая Сомова, жена Б.Н. Апостола
Аргутинский-Долгоруков Владимир Николаевич (1874 –1941) — князь, коллекционер.
Асс Николай Абрамович – коллекционер, родственник В. Гиршмана
Бархан Павел Абрамович (1876 –1942) — писатель, переводчик. Способствовал репродуцированию работ Сомова в различных европейских журналах. Погиб в Освенциме.
Безобразов Георгий Владимирович (1898–1933) – сын известного русского военачальника, генерала Владимира Михайловича Безобразова
Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — художник
Бенуа Николай Александрович (1901–1988) — художник
Бенуа-Клеман (урожд. Бенуа, в замужестве Попова, Вышнеградская, Браславская, Клеман) Елена Александровна (1898 –1972) — художница
Берлин (урожд. Леон) Екатерина (Катерина) Леопольдовна (1891–1986 ?) - жена М.Я. Берлина, сестра Г. Гиршман
Берлин Михаил Яковлевич (1892 –1926) — знакомый Сомова, муж Е.Л. Берлин
Берлин Роза Григорьевна — приятельница Сомова, вероятно родственница М.Я. Берлина
Берта Еф. – см. Попова Берта Ефимовна
Билибин Иван Яковлевич (1876–1942) — художник
Бобринская (урожд. Ферзен) Наталья Павловна (1890–1935) — подруга Е. Питтс
Боровский Александр Кириллович (1889 –1968) — пианист
Брайкевич Михаил Васильевич (1874–1940) — близкий друг Константина Сомова, инженер, политик, крупный коллекционер.
Бутенева-Хрептович Ольга Александровна (1890 –1987) — пианистка, писатель, переводчик
Бушен Дмитрий Дмитриевич (1893–1993) — художник, искусствовед
В., Вал., Валечка — см. Нувель В.
В.О., Вл. О., Вл. Ос. – см. Гиршман В.О.
Варшавская — знакомая Г. Гиршман
Варюша — см. Мазурова В.С.
Вассерман Дмитрий Романович — профессиональный фотограф, племянник В.О. Гиршмана, несколько раз делал снимки работ Сомова.
Вейнер Ванда (Wanda) – модель З. Серебряковой
Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941) — критик, историк литературы
Венгерова Изабелла Афанасьевна (1877–1956) — пианистка, преподаватель
Верещагин Василий Андреевич (1859 –1931) — библиограф, библиофил

Винокуров — гражданский муж М. Лист
Волконская (урожд. Рахманинова) Ирина Сергеевна (1903–1969) — старшая дочь С.В. Рахманинова, жена П.Г. Волконского.
Волконский Сергей Михайлович (1860 –1937) — театральный режиссер, критик, в 1899 — 1901 гг. директор Императорских театров, в 30-х гг. преподавал в парижской Русской консерватории, был ее директором.
Володя — см. Сомов В.А.
Г.Л., Генр., Геня — см. Гиршман Г.Л.
Гинзбург, П. - родственник Г. Гиршман
Гиршман (урожд. Леон) Генриэтта Леопольдовна (1885–1970) – жена В.О. Гиршмана, модель Константина Сомова.
Гиршман Андрей Владимирович (1910 – ?) – сын В.О. и Г.Л. Гиршман
Гиршман Владимир Осипович (1867–1936) — муж Г.Л. Гиршман. Московский фабрикант, крупный коллекционер. Главным образом, приобретал работы художников "Мира искусства".
Гиршман Екатерина Владимировна (1903) – дочь В.О. и Г.Л. Гиршман
Горностаевы (братья) – знакомые Сомова, М. Кралина и М. Лукьянова
Грабарь Игорь Эммануилович (1871 –1960) — художник, искусствовед
Гришковский Николай Осипович – администратор, в середине 20-х гг. агент художника Л. Бакста
Гурланд (урожд. Покровская) Татьяна Андреевна — актриса, врач, коллекционер, бенефициар Эшмолианского музея в Оксфорде.
Гью — см. Уолпол Х.
Дестрем (супруги) — возможно, речь идет о Георгии Маврикиевиче (1884 – 1959) и Надежде Вячеславовне (урожд. Брадке) (1887 – 1957) Дестрем.
Дм. М. - см. Святополк-Мирский Д.П.
Дубровский Борис Ефимович — представитель Красного креста от советского правительства в США
Елена — см. Сомова Е.К.
Елена-Женя — семейная пара, родственники Константина Сомова. См. Сомов Е.И. и Сомова Е.К.
Женя — см. Сомов Е.И.
Женя-Елена — см. Елена-Женя
Животовская Клеопатра Матвеевна (1890 –1980) — подруга Сомова
Заркенау (урожд. фон Пистолькорс) Марианна (1890–1976) — подруга Г. Гиршман, дочь известной мемуаристки княгини Ольги Палей
Зина, Зина Сер. — см. Серебрякова З.Е.
И.И.Л. - см. Леон И.И.
Ида, Ида Леон — см. Леон И.И.
Изнар — вероятно, Николай Николаевич Изнар (1851–1932) — инженер, публицист
Ирина С., Ир. С., Ир. Серг., Ирина Сергеевна – см. Волконская И.С.
К., Карг. – см. Карганов
К., Кр. — см. Кралин М.В.

Каминский Сергей Владимирович — друг семьи Гиршманов, сотрудник их магазина,
Кан — глава парижского издательства «Трианон» (Éditions du Trianon)
Карганов — приятель М. Кралина
Карышева-Болтовская Дебора Григорьевна — певица
Катя ("маленькая Катя") – см. Гиршман Е.В.
Катя, Катер. Б., Катерина Б. ("большая Катя") – см. Берлин Е.Л.
Коган — подруга Г. Гиршман, возможно жена издателя Александра Когана
Кока — см. Бенуа Н.А.
Коломейцева Нина Дмитриевна (1860–1944) — жена героя русско-японской войны Н. Коломецева, подруга В. и Г. Гиршман
Конашевич — приятель М. Кралина
Конюс (урожд. Ливен) Мария Александровна — вторая жена Ю. Конюса, сестра П.А. Ливена
Конюс (урожд. Рахманинова) Татьяна Сергеевна (1907–1961) — младшая дочь С.В. Рахманинова
Конюс Лев Эдуардович (1871–1944) — пианист, преподаватель, брат Ю. Конюса
Конюс Юлий Эдуардович (1869 –1942) — скрипач, композитор, друг С.В. Рахманинова.
Кралин Михаил Васильевич — любовник Мефодия Лукьянова
Куприн Александр Иванович (1870–1938) — русский писатель
Ландау Елена Осиповна — коллекционер
Леон (урожд. Понизовская) Елизавета (Люси) Матвевна (1899 –1972) — жена П.Л. Леона, сестра А.М. Понизовского.
Леон Ида Исидоровна — мать Павла Леона и Генриэтты Гиршман
Леон Павел (Поль) Леопольдович (1893–1942) — брат Г.Л. Гиршман. До отъезда из России в 1918 г. преподавал философию. В с 1930 по 1940 г. был секретарем и литературным агентом знаменитого писателя Джеймса Джойса. Погиб в концентрационном лагере в Силезии. Довольно подробно о Поле Леоне рассказывает небольшая книга Maria Jolas "The little known Paul Leon".
Ливен (урожд. Шувалова) Елена Александровна (1904–1992) — вторая жена П.А. Ливена
Ливен Петр (Петрик) Александрович (1887–1943) – журналист, политик, брат М.А. Конюс, муж Е.А. Ливен
Лион Николай — приятель Сомова
Лионель — см. Трубников А.А.
Лиссим Семен Михайлович (1900–1981) – художник, сценограф
Лист (урожд. Крестовникова) Мария Григорьевна — приятельница и модель Сомова
Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758–1838) — русский генерал
Лобойков — знакомый Сомова
Лошаков А.В. – связанный с киноиндустрией знакомый Сомова

Лукьянов Мефодий Георгиевич (1892–1932) – натурщик Сомова, его любовник
Люси, Люся – см. Леон Л.М.
Мазурова (урожд. Путятина) Варвара Сергеевна (?–1934) — подруга сестры художника, Михайловой А.А.
Маклакова — подруга Г. Гиршман, возможно Ольга или Мария Маклакова — сестра политика Василия Алексеевича Маклакова
Манд, Мандель., Мандельшт. — см. Мандельштам М.Л.
Мандельштам Михаил Львович (1865 –1939) – адвокат
Меф, Мефодий, Миф, Мифетта, Мифеттина — см. Лукьянов М.Г.
Мизуров (?), К. – неустановленное лицо
Милиоти Николай Дмитриевич (1874–1962) — художник
Миля — падчерица Татьяны Ханум, модель кутюрье Ворта
Мирза, Мурза — муж Тамары Ханум
Мих. Вас., Мих. Вас. Бр. – см. Брайкевич Михаил Васильевич
Мих., Мишель — см. Кралин М.В.
Михайлов Дмитрий Сергеевич (1895 –1952) — сын А.А. Михайловой
Михайлов Сергей Дмитриевич (1869 –1933) — муж А. Михайловой, сестры Сомова
Михайлова Анна Андреевна (1873–1945) – родная сестра К.А. Сомова, художник прикладного искусства.
Михайлова Елизавета — неустановленное лицо, вероятно родственница С.Михайлова – мужа А. Михайловой
Морган Луиза — модель Сомова
Нат. А. – см. Рахманинова Н.А.
Нобель Эммануэль Людвигович (1859 –1932) — российский нефтяной промышленник и коллекционер, племянник Альфреда Нобеля
Нольде Борис Эммануилович (1876 –1948) – юрист, историк
Нувель Вальтер (Валентин) Федорович (1871–1949) — ближайший друг Сомова, музыкальный критик, сотрудник дягилевских "Русских сезонов"
Ольга Мих. – см Попова О.М.
Пархатка — см. Леон И.И.
Патон Евгения Васильевна (урожд. Шишкова, в первом браке Боголюбская) (1874 – ?) – приятельница и модель Сомова
Патонша — см. Патон Е.В.
Патти — см. Животовская К.М.
Перцов Дмитрий Петрович – знакомый Сомова
Питтс (урожд. Попова, в первом браке Билибина) Елена Сергеевна
(1891 –1974) — модель Сомова
Питтс, mr — муж Е. Питтс
Познер Владимир Соломонович (1905–1992) – поэт, журналист
Покровская-Гурланд Татьяна Андреевна — см. Гурланд Т.А.
Поллаки (Полаки) — неустановленные лица, супруги.
Полоцкая-Емцова Сара Семеновна — актриса

Поляков Владимир Лазаревич — муж Ксении Леопольдовны Гиршман
Полякова (урожд. Леон) Ксения Леопольдовна — жена В. Полякова, сестра Г. Гиршман
Полякова Ольга — дочь К. Поляковой
Понизовский Александр Матвеевич – брат Люси Леон
Попов Александр Александрович (1880 –1964) — владелец антикварного магазина Galerie Popoff & Cie
Попова Берта Ефимовна – жена А.А. Попова
Попова Ольга Михайловна — тетка Е.С. Питтс
Р.Г., Р. Гр. - см. Берлин Р.Г.
Райм., Раймон, Раймонда – продавец однополой любви
Рауль — любовник Н. Лиона
Рафаэль — слуга О. Поповой
Рахманинова (урожд. Сатина) Наталья Александровна (1877 –1951) – жена С.В. Рахманинова, его двоюродная сестра
Роза, Роза Б. — см. Берлин Р.Г.
Ром, Ромм — музыкант-аккомпаниатор
Ростовцева (урожд. Кульчицкая) Софья Михайловна (1878 – ?) — жена Михаила Ивановича Ростовцева (1870 — 1952) — профессора истории и археологии Петербургского университета.
Рябушинская Татьяна Фоминична — подруга Г. Гиршман, жена известного банкира Михаила Рябушинского
С.В., С. Влад., Серг. Влад. – см. Каминский С.В.
Саблин Николай Павлович (1880 –1937) — офицер, в 1915 — 1917 гг. командир Отдельного батальона Гвардейского экипажа, приближенный Николая II
Саблина — арфистка, жена Н. Саблина
Самойленко (урожд. Ханум) Фатьма – подруга Сомова, жена Б.Н. Самойленко, сестра Т. Ханум
Самойленко Борис Николаевич — муж Ф. Ханум
Сатин Александр Александрович (1844–1926) — отец Н. Рахманиновой
Святополк-Мирская Екатерина Алексеевна (1864 –1926) – мать Д. Святополк-Мирского
Святополк-Мирская Ольга Петровна — литературовед, переводчик, сестра Д. Святополк-Мирского
Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890–1939) — литературовед, публицист
Серебряков Александр Борисович (1907 –1995) — художник, сын З. Серебряковой
Серебрякова Зинаида Евгеньевна (1884–1967) — русская художница
Солдатенкова — подруга Г. Гиршман
Сомов Владимир Александрович (1897 – ?) — племянник художника
Сомов Евгений Иванович (1881–1962) — родственник Константина Сомова. Принимал участие в организации Выставки русских художников в Нью-Йорке
Сомова (урожд. Цемирова) Евгения Владимировна — жена Александра Сомова, брата художника

Сомова Елена Константиновна (1889 –1969) — жена Евгения Ивановича Сомова. После эмиграции жила в США.
Сорин — возможно, Савелий Абрамович Сорин (1878 –1953) — художник
Степанова Евгения Алексеевна — жена Д. Михайлова, племянника Сомова
Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — издатель, один из организаторов Выставки русских художников в Америке
Т., Танечка — см. Конюс Т.С.
Терещенко — подруга Г. Гиршман
Тетя Оля — см. Попова О.М.
Тр., Трубн. – см. Трубников А.А.
Тройницкая (в первом браке Яремич) Марфа Андреевна – первая жена художника и искусствоведа С. Яремича
Тройницкий Сергей Николаевич (1882 –1948) – искусствовед, в 1917 –1927 гг. директор Эрмитажа
Трубников (псевд. Андрей Трофимов, Лионель) Александр Александрович (1883 –1966) — художественный критик, писатель
Уваров — приятель Е.С. Питтс
Уолпол Хью (Гью Вальполь) (1884 –1941) — английский писатель, любовник Сомова
Фокина (урожд. Антонова) Вера Петровна (1886 –1958) — танцовщица
Ханум Сарра — подруга Фатьмы Ханум
Ханум Тамара — подруга Сомова, жена Мирзы, сестра Фатьмы Самойленко
Ханум Фатьма — см. Самойленко Ф.
Черкесов Юрий Юрьевич (1900 –1943) — художник, муж Анны Александровны Бенуа-Черкесовой
Шаховская Е.Д. – княжна, подруга Е. Питтс
Шевич Дмитрий Степанович — приятель Михаила Кралина и Мефодия Лукьянова
Шервашидзе Александр Константинович (1867–1968) — художник
Шувалова Александра (Сандра) Илларионовна (1869 –1959) — мать Е.П. и О.П. Шуваловых
Шувалова Елизавета (Бетси, Сетта) Павловна (1892 –1975) – дочь А. И. Шуваловой
Шувалова Ольга Павловна (1902 –1992) – дочь А. И. Шуваловой
Шура — см. Бенуа А.Н.
Шура — см. Серебряков А.Б.
Шухаев Василий Федорович (1887 – 1973) — художник
Шухаева Вера Федоровна (1896 –1979) — художница, жена В.Ф. Шухаева
Щекатихина — см. Щекатихина-Потоцкая А.В.
Щекатихина-Потоцкая Александра Васильевна (1892 –1967) — художница, жена И. Билибина
Щукин Иван — знакомый супругов Самойленко
Яковлев Александр Евгеньевич (1887 –1938) — художник

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Роберт Вальзер (1878–1956). На русский язык переведены романы «Помощник» (1908), «Якоб фон Гунтен» (1909), рассказы и миниатюры. В 2005 году в издательстве Kolonna Publications вышла книга «Разбойник».

Павел Голубев (1984). В 2006 окончил философский факультет Московского университета. В 2003–2007 гг. писал о старом и современном искусстве для российских журналов и газет. С 2007 г. занимается консультированием участников арт-рынка. Живет в Москве.

Гай Давенпорт (1927–2005). В России изданы сборники «Изобретение фотографии в Толедо» (2002), «Погребальный поезд Хайле Селассие» (Kolonna Publications, 2003), «Собака Перголези» (Kolonna Publications, 2007). Публикации в МЖ №№ 11, 19, 59, 62. Рассказ «Снежное поле на склоне Розенберга» взят из сборника «Da Vinci's Bicycle» (1979).

Аркадий Драгомощенко (1946). Публикации в МЖ №№ 1, 6, 18, 36 и др. В 1993 году в издательстве «Митин журнал» вышла книга стихов «Ксении», в 1999 – роман «Китайское солнце». Живет в Петербурге.

Александр Ильянен (1958). Романы «И финн» (1997), «Дорога в У.» (2000), «Бутик Vanity» (2007, премия Андрея Белого) вышли в издательстве Kolonna Publications. Живет в Петербурге.

Герта Крефтнер (1928–1951). Стихи, проза и письма в переводах Марка Белорусца публиковались в «Иностранной литературе» №12, 2009.

Валерий Печейкин (1984). Лауреат Независимой премии "Дебют" в номинации "Драматургия", обладатель первой премии конкурса "Новая драма". В соавторстве с Павлом Лунгиным написал сценарий фильма "Страсти". Пьеса "Моя Москва", вошедшая в шорт-лист конкурса "Пять вечеров", послужила поводом для критического письма гражданок Л. Бояджиевой и А. Яковлевой Министру культуры России А. А. Авдееву. Живет в Москве.

Сергей Уханов (1975) Публикации в МЖ №62, альманахе «Вавилон» и др. Книга стихов «Дерзкий язык» вышла в 2009 году в издательстве Kolonna Publications. Живет в Петербурге.

СОДЕРЖАНИЕ

НОВОЕ

Александр Ильянен. Roman roman..... 5

Аркадий Драгомощенко. Впадины на голове..... 77

Сергей Уханов. Макраме..... 86

ТЕАТР

Валерий Печейкин. Моя Москва..... 100

КОЛЛЕКЦИЯ

Гай Давенпорт. Снежное поле на склоне Розенберга,
перевод *М. Немцова*..... 147

Роберт Вальзер. Стихотворения,
перевод *А. Глазовой, М. Белорусца, А. Филиппова*..... 177

Герта Крефтнер. Парижский дневник,
перевод *М. Белорусца*..... 192

АРХИВ

«Ничего особенного, но какая жизнь».
Константин Сомов в 1926 году, публикация,
предисловие и комментарии *П. Голубева*..... 204

Книги издательств «Митин Журнал» и «Kolonna Publications» можно приобрести

в Москве:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Циолковский». Новая площадь д.3/4
(здание Политехнического Музея), подъезд 7Д.
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Dodo Space» Рождественский бульвар, д. 10/7
«Гилея» Тверской бульвар, д. 9
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Проект ОГИ» Потаповский пер. д. 8/12, стр. 2
«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в Петербурге:

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
«Индиго» Невский пр., д. 32-34
дк им. Крупской, стенд фирмы «Ретро»
«Петербургский Дом книги» Невский пр., д. 28

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92

Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте kolonna.org

МИТИН ЖУРНАЛ № 65

Kolonna Publications. Россия, Тверь, улица Брагина, 6А, офис 301
Подписано в печать 29. 07. 2011. Тираж 800 экз. Заказ № 24048
Формат 60X90/16,. Объем 16,5 п. л. Гарнитура FranclinGothicBook
Отпечатано в ооо «Осташковская Типография»
172750, Россия, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, 33